

А. Авророва

Эксмо

Александра Авророва

Весеннее сумасшествие

М.: Эксмо-Пресс, 2004

Александра Авророва

**Весеннее
сумасшествие**

(Непокорные куклы)

Я снова постучала в дверь и прислушалась. Быть может, через пару секунд босые ноги зашлепают по полу, донесется сонное: «Кто там?» и, привычно не дождавшись ответа, Светка высунет в коридор свою веснушчатую физиономию? Но нет. Гробовая тишина.

Впрочем, на что я надеялась? Если бы Светка попросту завалилась спать, зачем ей запирается на молоток? Ей бы подобное даже в голову не пришло, она не Нелька. Понимаю, «запирается на молоток» звучит интригующе, однако это святая правда. Дело в том, что я учусь в Петербургской Академии Художеств и живу в общежитии. Нас в комнате трое — я, Светка и Нелька. Мы неплохо ладим, хотя по характеру и привычкам совершенно разные. Прежде всего, девчонки намного меня старше. Мне через десять дней исполнится восемнадцать, Светке сейчас двадцать четыре, а Нельке двадцать пять. К тому же обе они давно самостоятельные, а я все никак не привыкну обходиться без мамы с папой. Звоню им постоянно и письма пишу дважды в неделю. Если б не мое помешательство на рисовании, куда бы из дому не уехала, даже в Петербург!

Хотя, признаюсь, город этот поразил меня с первого взгляда и не перестает поражать ежедневно и ежечасно. Он так красив, что иной раз не веришь в его реальность. Когда я приехала сюда на экскурсию, это было после десятого класса, я была, словно в бреду. Вот тогда и поняла: не Архангельск, не Москва — Петербург или ничего! Да еще представьте себе дивное здание с колоннами, где размещается Академия Художеств, древних сфинксов напротив и легендарную Неву...

Мама переживала: «Ну, зачем тебе отправляться так далеко, Архангельск в двух шагах, будем часто видеться». Папа ее утешал: «Все равно она не поступит. Неужели ты думаешь, что после кружка рисования в Каргопольской средней школе можно взять да поступить в такое престижное учебное заведение? Тут таланта недостаточно. Люди годами готовятся у опытных педагогов.» Вроде бы я ему верила. Кому знать, если не папе? Он закончил Московский университет и работает директором школы. Не той, в которой я училась, а другой. Он считает, нельзя детям учиться там, где преподают родители. Полагаю, он прав. Хотя в чем-то обидно, поскольку он очень хороший директор и его школа считается куда лучше моей.

Короче, папа думал, я не поступлю, а я почему-то была убеждена в обратном. Если Бог дал мне такое желание рисовать, не желание даже, а страсть, значит, хотел, чтобы мой дар послужил людям, правда? А для этого я должна получить образование. Сейчас, обнаружив, сколько в моей технике недостатков, удивляюсь собственной самоуверенности. Еще больше удивляюсь тому, что меня все-таки приняли. Просто чудо какое-то!

Но я отвлеклась. Я начала с того, что Светка и Нелька куда взрослее меня, хоть мы все учимся на первом курсе. Они обе поступили не сразу. Я очень уважаю их настойчивость. Светка еще ладно, она из Всеволожска, это в нескольких часах езды от Петербурга, зато Нелька, та очень издалека, аж из Уфы. Обе приехали после школы учиться в Академии Художеств, провалили экзамены, но не вернулись обратно, а остались в Питере. Работали, а в свободное время занимались живописью. Познакомились больше года назад через общего педагога, подружились. Правду говорят, противоположности сходятся. Светка, она очень энергичная, легкомысленная и рыжая, Нелька же тихая, рассудительная и неброская. Вот такие у меня соседки.

И, наконец, о том, почему я стою под дверью собственной комнаты, не имея возможности проникнуть внутрь. У Светки весьма своеобразный взгляд на мужчин и их место в человеческом сообществе. Судя по всему, она относится к ним так, как некоторые мужчины относятся к женщинам. То есть главным, если не единственным достоинством считает внешнюю привлекательность, а главной, если не единственной целью общения — секс. Хорошо помню, как пару лет назад одноклассница свистящим шепотом поведала мне на ухо: «Теперь я знаю, что всем парням нужно от девчонок только одно». Меня это тогда ужасно насмешило, а она обиделась. Так вот, Светке нужно от мужчин только одно. И, как вы догадываетесь, она регулярно это получает. Она весьма симпатичная, и ее в группе называют «рыжая бестия».

Когда мы только стали жить вместе, в сентябре, я как-то раз, вернувшись с занятий, постучала в дверь нашей комнаты и, не услышав ответа, отперла замок. Сцена, представшая перед глазами, повергла меня в панику. Конечно, я не ортодоксальная христианка и полагаю, что при определенных

условиях люди имеют право плодиться и размножаться, не будучи обвенчаны. Всякое случается, а Богу важнее внутренняя суть, чем внешняя обрядовость. Тем не менее я считаю себя верующей, поэтому увиденное особенно меня отвратило. В такие моменты понимаешь, откуда взялось мнение, будто человек произошел от обезьяны. Это действительно выглядело, словно случка животных.

Разумеется, я тут же вышла и отправилась к Наташе, где просидела до тех пор, пока Светка сама меня там не нашла. Наташа тоже учится в нашей группе, и я жалею, что мне не выпало счастья жить в одной комнате с ней. Она у нас самая старшая, ей почти тридцать, и чем-то она похожа на мою маму. Такая же добрая, спокойная и пышнотелая. Надеюсь, Наташа скоро встретит хорошего человека — не такого, как наш местный ловелас Виталий, с которым у нее был в декабре роман, а порядочного, желающего создать семью и иметь детей. Наташа прямо-таки создана для этого. Она всегда утешит и поможет. Так случилось и в тот раз. Наташа, ни о чем не расспрашивая, напоила меня чаем, а через часок появилась Светка.

— Идем, — заявила она. — Плацдарм свободен.

Дома она с неожиданным смущением произнесла:

— Извини, Машка. Я забыла, что ты у нас девочка. Смешной, наверное, город Каргополь?

— Мне он нравится, — вступилась за родину я и, подумав, предложила на будущее выход из положения: — Я когда стучу, ты отвечай: «Нельзя», и я не стану заходить. Ладно?

— Можно подумать, я в интимные моменты способна на подобные подвиги, — вздохнула Светка. — Вот попробуешь сама, поймешь.

— Тогда... тогда... вот Нелька, она ведь вечно запирается на молоток, правильно? Вот и ты запирайся. Я пойму, что, раз не открывают, значит, там интимный момент, и пойду к Наташе.

— Нелька трусиха, — кивнула Светка. — Когда она жила в своей первой общаге, где сплошная лимита, к ней как-то по ошибке ввалились пьяные парни, и она еле от них вырвалась. Знаешь, в общагах замки такие, что часто можно открыть чужим ключом. Вот с тех пор у нее привычка, когда сидит одна, всовывать в ручку двери молоток. А я считаю, это глупость. Все равно чему быть, того не миновать.

— Но я же не прошу, чтобы ты в с е г д а так запиралась. Только если собираешься... предполагаешь... ну, то есть...

И тут я впервые обнаружила, какой Светка хороший человек. Она посмотрела на меня с удивлением и сказала:

— Я запрюсь, а тебе, значит, будет не попасть в собственную комнату? Ты-то в чем виновата? Ладно, договоримся так. Я постараюсь трахаться где-нибудь на стороне. В конце концов, мужик здесь тоже лицо заинтересованное, вот пускай и ищет место. А в крайнем случае... ну, мало ли... тогда действительно запрюсь на молоток. Лады?

Я радостно кивнула. Мне действительно не улыбалось часто заявляться к Наташе. Не из-за нее, нет, а из-за ее соседок. Алена и Марго почему-то сразу меня невзлюбили.

Эта история произошла в сентябре, а сейчас март. За полгода крайний случай, который упоминала Светка, грянул всего один раз. Теперь, выходит, второй, но теперь я сама виновата. Я собиралась в филармонию на концерт, а его отменили. Нелька тоже куда-то там отправилась, поэтому Светка твердо знала, что никто ей не помешает.

Я прошла по коридору до комнаты Наташи, постояла немного и повернула обратно. У меня сегодня и без того как-то смутно на душе, а если еще девчонки начнут дразниться, наверняка выйду из себя. Они, разумеется, только этого и добиваются, но я стараюсь пореже доставлять им подобное удовольствие.

Наверное, слово «дразниться» звучит по-детски, только оно отражает реальную действительность. До встречи с Аленой и Марго я и представить себе не могла, что взрослый человек способен нарочно обижать другого взрослого человека, не сделавшего ему ничего плохого. Мне казалось, такие развлечения перестают пользоваться популярностью еще в начальной школе. Тем не менее, Наташины соседки, весьма, кстати, интеллектуальные особы, при виде меня ведут себя довольно странно.

В результате я предпочла взгромоздиться на подоконник в коридоре и подождать окончания интимного момента там, коротая время за изучением английского языка. Однако если вы успели зауважать меня как трудолюбивое существо, каждую минуту использующее для занятий, советую тут же разуважать обратно. Мой способ овладевать английским весьма специфичен.

Прежде всего о том, зачем мне вообще это надо. В школе у нас был немецкий, да и в нем я не слишком преуспела. То есть пятерку имела, конечно, но ни одного немца в жизни не встречала и о произношении имею представление весьма смутное. По крайней мере, наша немка в Академии, слыша мою речь, с трудом подавляет улыбку.

Сперва я особо не переживала. В конце концов, я приехала учиться рисовать, чему учат здесь превосходно, а остальные предметы идут в нагрузку. Однако вскоре обнаружилось, что иностранный язык в Петербурге — совсем не то, что в Каргополе. У нас это нелепый способ произносить непонятно то, что можно произнести понятно (то есть по-русски), а в Питере — средство общения с теми, кто русского не знает. Когда преподаватель подводит к тебе в мастерской или на выставке человека, начинающего что-то быстро и непонятно лопотать, чувствуешь себя дура душой. Нет, иной раз мне кто-нибудь по доброте душевной переведет пару фраз — мол, гость хвалит твою работу за удачную композицию или колористику, — но я-то догадываюсь, что до меня донесли лишь комплиментарную часть, критику же деликатно утаили. Да и вообще, хочется продолжить диалог, а не стоять, невежливо пялясь и хлопая глазами.

Короче, до меня быстро дошло, что не мешало бы хоть немного знать английский. На нем, судя по всему, говорят все иностранцы — и немцы, и шведы, и финны. Счастливые Нелька или Алена — болтают на этом языке без малейшей запинки. Хотя при чем тут счастье? Они умные и трудолюбивые, вот и выучились. А я глупая и ленивая. Что мне интересно, тем готова заниматься с утра до ночи, но заставить себя тратить время на неинтересное — большая проблема. Включишь обучающую кассету, вроде старательно слушаешь, а через десять минут ловишь себя на том, что размышляешь о посторонних вещах. Плохо у меня с силой воли!

Тогда один парень из нашей группы, Сашка, дал мне замечательный совет. Он порекомендовал изучать язык следующим образом. Выбрать какую-нибудь книгу, которую я хорошо знаю в русском переводе, и читать ее в оригинале, то есть на английском. Еще удобнее положить рядом оба варианта и сравнивать. Получается, что не зубришь бессмысленный набор слов, а сразу воспринимаешь связный текст. Вот я и купила роман, который помню фактически наизусть. Стоит уцепиться взглядом за знакомую фразу, и она вытягивает из памяти абзац за абзацем. Правда, не уверена, что это совершенствует мой английский. Вот сижу сейчас на подоконнике, смотрю на нелепые латинские буквы, а голос в душе звучит по-русски.

— Я вижу, что эти рисунки сделаны одной и той же рукой. Это ваша рука?

— Да.

— А когда вы это успели? Ведь тут понадобилось немало времени и кое-какие мысли.

— Я сделала их во время двух последних каникул в Ловуде. У меня тогда не было других занятий.

— Откуда вы взяли эти сюжеты?

— Я сама их придумала.

«Неужели ты до сих пор воспринимаешь это всерьез? — спросила меня как-то мама. — Таких людей не бывает и никогда не было, Машка».

Я не стала спорить. Только если таких людей, как мистер Рочестер, не бывает, значит, я никогда не выйду замуж. Впрочем, даже если такие люди бывают — в чем я глубоко убеждена, — замужество мне все равно не светит. С чего бы мистеру Рочестеру меня полюбить? Хоть я и рисую, подобно Джен Эйр, на этом сходство между нами заканчивается.

Одно радует: она нехороша собой, а его это не отвратило. Правильно, настоящий мужчина должен ценить в женщине душу, а не внешность! «А папа? — шепнул мне ехидный внутренний голос. — Он что, ненастоящий?»

Впрочем, я быстро нашла ответ. Он полюбил маму за душу — ведь моя мама очень хорошая, — а что она красивая, это случайное совпадение. Удача, одним словом. И потом, как понимать — красивая? Вот я, например. Я пошла в маму, и некоторые восхищаются — «настоящая русская красавица!» Когда нам задали проиллюстрировать сказку о Василисе Прекрасной, сокурсники прямо-таки атаковали меня просьбами позировать. Но если пролистать журнал мод, то обнаруживаешь, что до любой из манекенщиц мне, как до неба. Прежде всего, вес. Я раньше не представляла, что есть люди, которые так мало едят, как мои соседки по комнате. Что Светка, что Нелька — похватывают бутербродов на ходу, и рады. Только разве бутерброд — еда? Еда — суп, котлеты с макаронами, компот. Без них голодно и тоскливо. Вот они обе и носят размер сорок два-сорок четыре, а я — сорок

шесть-сорок восемь. Я сильная и выносливая, и здоровье у меня железное. Ночью сплю, как убитая, а по утрам вскакиваю бодрая и веселая. Это неправильно. Девушка с тонкой душевной организацией — а только такая способна понравиться мистеру Рочестеру — выглядит худенькой и слабой, словно тростинка. Ее дух превалирует над телом. Со мной не так. Я не в силах заставить себя соблюдать диету, а волосы мои растут с бешеной скоростью.

Хотя не буду лицемерить, последнее вовсе не огорчает. Пусть это суетность, только приятно, что я ни у кого еще не встречала такой длинной косы — существенно ниже пояса. И пускай девчонки твердят, сколько угодно, что коса — пережиток прошлого, все равно не обстригусь! Моя внешность, вот что хочу, то с ней и делаю. Мужчина, подобный мистеру Рочестеру, не обратит внимание на женщину, ничем не отличающуюся от остальных. Ему важна индивидуальность, а не следование моде. Может быть, именно благодаря косе он заметит меня? Я, конечно, не надеюсь, что сумею всерьез ему понравиться, но хотя бы пообщаюсь немножко...

Тут я вздрогнула от неожиданного звука, который вырвал меня из мира мечтаний и вернул к реальной действительности. Из-за двери нашей комнаты слышалась красивая мелодия «Битлов», испорченная специфической манерой звучания. Ага, звонит мобильник! Вдруг он пробудит Светку к жизни? Я подошла и довольно громко постучала. Увы, безрезультатно.

Я снова открыла любимую книгу.

— Мой маленький друг, — сказал он, — как хотел бы я быть сейчас на уединенном острове, только с вами, и чтобы всякие волнения, опасности и отвратительные воспоминания сгинули бесследно.

— Не могу ли я помочь вам, сэр? Я готова жизнь отдать, если она вам понадобится.

И в этот момент у нас опять отключили свет. Что за невезение! Мало того, что я вынуждена торчать в коридоре, так еще и в темноте! Конечно, для фантазий о мистере Рочестере света не требовалось, однако я была свято убеждена, что изучаю английский, и потому оказалась выбита из колеи. Меня вообще очень расстраивают наши коммунальные проблемы — даже не столько их конкретные проявления, сколько сам факт. Чтобы в двадцатом веке в городе Петербурге всю зиму возникали перебои с электричеством и теплоснабжением — не убедилась бы сама, ни за что б не поверила! В известиях валят все на суровую зиму, но это ерунда. Видала я зимы и посуровее. Тем более, сейчас уже март. Папа говорит, просто наступает разруха, и мне горько такое слышать.

Короче, настроение упало достаточно, чтобы я решилась искать крова у Наташи. Она зажжет предусмотрительно припасенную свечку, и, глядя на пламя, я утешусь. Очень люблю живой огонь, хотя, как ни бьюсь, мне не удается его изобразить. Что же касается Алены с Марго, постараюсь не обращать на них внимания.

— Наташа, ты здесь? — окликнула я, добравшись в крошечной тьме до нужной двери. — Это я, Маша.

— Заходи, Фрося, — послышался сладкий голосок Марго. — Только тебя и ждали.

Я вздохнула. Есть такой фильм «Приходите завтра». Его героиня, Фрося Бурлакова, приехала из сибирской деревни в Москву поступать в консерваторию. Когда девчонки меня первый раз с нею сравнили, я не увидела тут ничего плохого. Мне эта героиня нравится. Но если тебя упорно называют чужим именем, да еще с откровенной издевкой, становится неприятно. Сперва я отшучивалась, потом пыталась возражать — как об стенку горох. Для Алены с Марго я Фрося, и все тут.

— Наташа! — снова позвала я.

— А я тебя не устрою, Фросенька? — нежно осведомилась Марго. — Я так ценю общение с тобою! Ведь смех продлевает жизнь, а смешнее тебя я еще ничего не встречала.

— Сочувствую, — прокомментировала я. — Похоже, твоя жизнь небогата радостями.

И, не дожидаясь парфянской стрелы вслед, быстро выскочила в коридор. Нет уж, в отсутствие Наташи я в это осиное гнездо не сунусь! Лучше вернусь на прежнее место.

Осторожно, по стеночке побрела я вперед, но зацепилась за что-то ногой и упала. Руки уперлись в мягкое и неровное — удивительно, поскольку пять минут назад ничего подобного здесь не было. Кто подложил и зачем? И, главное, что именно подложили? Или уронили? Господи, да это ж лежит человек! Точно! Плечи, шея, лицо.

— Вам плохо? — пролепетала я.

Еще бы было хорошо, когда на тебя плюхнутся со всего размаху! Почему он не закричал? А почему он вообще лежит? Пьяный? Я принялась. Непохоже. Болен? Сердечный приступ?

— Скажите хоть слово, пожалуйста! — попросила я, чувствуя нарастающее волнение. — Вы живы?

Человек не откликнулся. Я попыталась нащупать пульс, но вместо него под пальцы упорно попадалась какая-то острая косточка на запястье. Попробуем на другой руке... ничего не бьется, хотя кисть вроде теплая.

Я закричала:

— Подождите минутку! — хотя неизвестный вряд ли мог меня слышать, и опорометью помчалась по лестнице. Бах!

Пожалуй, в темноте разумнее было бы двигаться поаккуратней. Голова загудела от удара об острый угол, в глазах заплясали искры. Ничего, осталось два пролета.

— Ольга Николаевна! — бросилась я к вахтерше, листавшей журнал при свете большого фонаря. — Там лежит человек! Скорее всего, больной. Надо скорую помощь вызвать, да? Или, может, кто умеет сам? Что надо делать при сердечном приступе?

— Сердечный приступ? — хмыкнула Ольга Николаевна. — А может, алкогольное опьянение? Что я, не знаю вас, что ли?

— Ничем таким не пахнет. Да, в конце концов, лучше перестраховаться, чем наоборот!

— Думаешь, лучше? Меня вот в аварийке уже накрыли по первое число. Мол, нечего позволять студентам обогреватели включать, тогда и электричество будет работать. Только не хватало, чтобы меня еще и скорая накрыла за ложный вызов!

— Так давайте я позвоню, — неуверенно предложила я. Откровенно говоря, к числу моих недостатков относится страх перед телефонными звонками незнакомым людям. Чтобы узнать время работы музея, мне легче доехать до него, чем позвонить.

— На каком этаже-то? На третьем? Давай-ка я с тобой туда поднимусь да гляну. А в случае чего, валидол у меня всегда с собой.

Мы медленно поднялись по лестнице.

— Ну, где твой болящий? — уточнила вахтерша, светя фонарем.

— Где-то здесь, по-моему. Я шла с того конца коридора и об него споткнулась.

— Ну, так ищи.

Мы обшарили весь коридор — пусто.

— Может, мы просчитались с этажом? — сообразила я. — В темноте.

— Эгей! — громовым голосом возгласила Ольга Николаевна. — Это какой этаж?

— Третий, — ответили из-за распахнувшейся двери. По своеобразному выговору я узнала Илью. — Что там обещают со светом? Скоро включат или опять до утра в темноте куковать?

— Темнота — друг молодежи, — неожиданно заявила вахтерша, явно раздраженная вопросом. Еще бы! Когда электричество отключили впервые, все общежитие, галдя, требовало от нее активных действий. Сейчас, правда, мы попривыкли, к тому же поняли, что наши активные действия абсолютно не влияют на скорость работы аварийщиков.

— Мы, современная молодежь, и при свете можем, — весомо парировал Илья. — Нам при свете даже сподручнее.

— Слушай, парень, прекрати ваньку валять. Тут у вас в коридоре пьяный валялся. Не знаешь, кто его прибрал?

— А это смотря кто валялся. Ежели Виталик, так его любая бы к себе утащила, даже если он и не готов к немедленному употреблению. Зачем вы, девочки, красивых любите, а, Ольга Николаевна? А Серега, тот мог и сам встать. У него фантастически устроен мозжечок. Только что лыка не вязал, а через пять минут уже бежит в магазин за добавкой и не пошатнется. Вот такие есть представители у современной молодежи, Ольга Николаевна!

— Илья, мы серьезно! — объяснила я. — Тут лежал человек, я сама видела.

— Завидую твоему зрению. Я так собственной руки не вижу, а ты, значит, человека углядела?

Илья относится к тем, про кого говорят «ради красного словца не пожалеет и отца». Обычно меня даже развлекает его ерничанье, только не теперь. Я собиралась снова объяснить ему, что дело нешуточное, но тут включили свет. Забыв про сокурсника, я обвела глазами коридор. Пусто!

— Ушел твой пьянчужка, — констатировала Ольга Николаевна. — И хорошо! Не наше дело — с ним возиться. Пить надо меньше!

Я неуверенно кивнула. Мне тот человек не показался пьяным, однако кто его разберет? Я не

специалист по данному вопросу. На полу неподалеку валялся листок бумаги, который я живо подобрала. Вдруг вывалился из кармана загадочной личности, и я методом дедукции ее идентифицирую? Листок меня разочаровал. Просто использованный билет в театр, ничего особенного.

— Забавно, Илья, и с чего нашу Фросю понесло в художники? — мило улыбнувшись, осведомилась Марго, невесть зачем присоединившаяся к нашей компании. — Ее призвание — быть дворником. Доставлять алкоголиков в вытрезвитель, собирать мусор. — Она выразительно посмотрела на билет в моей руке. — Тут Фрося на своем месте, ничего не скажешь. Хотя нет, похоже, ей и с этим не справиться. Алкоголик-то от нее сбежал! Кстати, а был ли он вообще? Может, девочка из Каргополя таким образом надеялась вызвать к себе интерес?

— А Машка и без того вызывает интерес, — к моему удивлению, возразил Илья. — Причем, в отличие от девочки из Кемерово, ей это обходится абсолютно бесплатно.

— Бесплатным бывает только сыр в мышеловке, — отрезала Марго, захлопывая дверь. Она приехала из Кемерово, и у нее очень много денег. Неделю назад, когда ей исполнилось двадцать, она пригласила всю нашу группу в кафе — за свой счет. Я, разумеется, не пошла. Илья неправ, намекнув, что она преследовала корыстные цели. Думаю, она просто щедрый человек. В конце концов, даже мой злейший враг не может не иметь определенных достоинств? И все равно приятно, что Илья ее отбрил. Устала я от Марго невероятно! Ее подруга Алена тоже терпеть меня не может, но делает это куда более пассивно.

Голова кружилась, слегка подташнивало, однако смутное беспокойство заставило заглянуть на общую кухню. Там возилась Наташа. Пожалев, что сразу не сообразила, где ее искать, я спросила, не знает ли она, куда делся тот, кто лежал в коридоре. Она не знала, лишь удивилась, что в коридоре вообще мог кто-то лежать.

— Хотя под Новый год и не такое бывало, — тут же добавила она. — Главное, обошлось без последствий. То ли он сам встал, то ли друзья помогли — какая разница?

— А вдруг он немного отполз и теперь снова без сознания? — предположила я.

— Где? На лестнице? Давай проверим, если тебе от этого будет спокойнее.

— Нет, по лестнице мы шли с Ольгой Николаевной, там никого нет.

— Остается пожарная лестница. Пойдем!

Мы осмотрели пожарную лестницу, и, облегчив таким образом совесть, я отправилась к себе, совершенно забыв про интимный момент, которому, как вы понимаете, никакие отключения-подключения света не помеха. Но мне повезло — комната была пуста. Видимо, пока я бегала за вахтершей, Светка и ее партнер успели удалиться.

— А что ты в темноте? — очнулась я от удивленного голоса Нельки. — Электричество давно включили.

— Чувствую себя неважно.

— Ты? — опешила моя соседка. — Фантастика! У тебя не грипп?

Я села на кровати. Оказывается, девчонки обе были здесь и глядели на меня во все глаза. Еще бы — я никогда не болею.

— Стукнулась в темноте головой, — успокоила их я. — Довольно сильно. Скоро пройдет.

— При легком сотрясении мозга главное — спокойно лежать и ни о чем не думать, — посоветовала практичная Нелька. — Раздевайся и ложись спать, а на уроки наплюй. Тем более, имеешь полное право, раз электричество отключали.

— Легко сказать — ни о чем не думать, — возразила я. — Я в коридоре на кого-то натолкнулась, представляете? В темноте.

— А может, это судьба? — весело засмеялась Светка. — Очень романтично, как раз в твоём вкусе. Завтра узнаете друг друга по шишке на голове.

Я представила себе подобную ситуацию и тоже засмеялась, потом возразила:

— Только все, к сожалению, было не так. Я споткнулась о человека, лежащего на полу. Мне показалось, он без сознания. Никаким перегаром от него не пахло, и я не смогла нащупать его пульс. Я побежала на вахту и по пути стукнулась об угол.

— И кто это был? — без особого интереса уточнила Нелька.

— А точно, кто? Спорим, Серега? Или нет? Виталик, да? Ну, не Сашка же? Колись, быстро!

Вот вам разница между моими соседками. Нелька на все реагирует спокойно, если не сказать,

вяло. Я до сих пор не догадываюсь, что может ее всерьез задеть. Есть в ней, на мой взгляд, какая-то анемичность. Это и во внешности проявляется, и в манере рисовать. Приятная девушка, симпатичная, но по-настоящему ее запомнить нелегко. У нее есть парень, с которым она давно встречается, так я бы очень хотела с ним пообщаться. Мне интересно, каким образом он сумел выделить ее среди окружающих. Наверное, заметил нечто, от меня ускользнувшее, некую индивидуальную черту. Вот я смотрю на Нелькины работы — все они аккуратные, правильные, хоть в учебное пособие вставляй! Из нее, наверное, выйдет прекрасный репетитор. Я была бы рада обладать подобным мастерством, но взгляд куда чаще останавливается на Светкиных набросках — незаконченных, заляпанных, плохо скомпонованных, однако чем-то мне милых. Светка хватается сразу за многое, однако ничего не доводит до конца. Вот и сейчас ее фантазия летит вперед, словно паровоз из песни: Серега? Виталик? Сашка? Нельке безразлично, кто, она спрашивала из вежливости, а Светка кипит от нетерпения. Впрочем, через пару минут, если я не отвечу, ее внимание не менее бурно устремится в иное русло.

— Я не знаю, кто это был. Было темно. А, когда мы с Ольгой Николаевной вернулись, никого уже не было. И на лестнице не было — ни на основной, ни на пожарной. Я смотрела, уже при свете.

— А тебе не померещилось? — уточнила Нелька. — Может, не человек валялся, а мешок, например. В темноте не разберешь!

— А потом мешок убежал, — хихикнула Светка.

— Кто-то нес его, потом отключили свет, он его положил, надеясь, что свет вот-вот включат, но потом решил все-таки не ждать и дотащить в темноте.

— Кстати, мальчишки, кажется, собирались купить мешок картошки, — серьезно подтвердила Светка. — Они всю уже съели, а мешком дешевле.

— Так я, по-вашему, щупала пульс у мешка с картошкой?

Нелька отрицательно покачала головой.

— Нет, если ты щупала пульс, значит, это человек, — без тени иронии констатировала она. — Значит, кто-то из наших напился. Вероятно, уже начал праздновать Восьмое марта. Так ты его узнала?

— Нет, конечно. И мне не кажется, что напился. Это был культурный человек, а не какой-нибудь алкоголик.

— Откуда знаешь? — снова развеселилась Светка. Она после своих интимных моментов становится еще энергичнее, чем обычно. И у нее удивительно блестят глаза, вот как сейчас.

— Знаю и могу доказать!

Я вытасила подобранный на полу билет в театр, впервые внимательно его рассмотрев. Он был не куда-нибудь, а в Мариинку. В партер. Цена меня потрясла. Я столько за два месяца трачу на пропитание! Даже странно. Я иногда хожу в Мариинку, на третий ярус, и плачу... я задумалась... почти в сто раз меньше. Конечно, партер дороже, только неужели в сто раз?

— Наверное, в сто, — пожала плечами Нелька. — Раз так написано. Вот кому-то деньги девать некуда!

— Это уронила Алена или Марго, а вовсе не твой пьянчужка, — сообразила Светка. — Если это престижный спектакль, они денег не считают.

Я пожала плечами, не без удивления глядя на красиво оформленный прямоугольничек бумаги. Что-то в нем не так! Я хорошо помню дизайн билета — на обратной стороне изображен театральный занавес. Голубой. А здесь коричневый! Интересно, есть еще отличия? Да, есть. Тут обычно напечатано — льготный тариф. Я еще по первому разу испугалась, что это для блокадников или ветеранов и меня не пустят. Но мне объяснили, что льготный тариф относится ко всем гражданам России, а полный действует только для иностранцев. На найденном билете тариф полный. Здесь что, был иностранец?

Мое открытие не вызвало у девчонок бури энтузиазма, и они переключились на обсуждение какого-то салона одежды, где сейчас сезонные скидки. В принципе, все естественно. Чего особенного произошло? Обычная рутина. Светка заперлась с мужчиной, отключили свет, кто-то валялся пьяным в коридоре, а кто-то — не исключено, совсем другой человек — потерял использованный театральный билет. Разве возможно было догадаться, что именно с этого вечера — или его последствий — придется вести отсчет дальнейшим странным событиям? Тем не менее, мне было неспокойно. Терзала мысль, что я бросила неизвестного в беде. Мне чудилось, он был вовсе не пьян, а серьезно болен. Наконец, я твердо решила убедиться, что ошибаюсь. Гордо заявив, что обязательно найду

того, на кого вчера наткнулась, я уснула.

На следующее утро я развила бурную деятельность. Не осмеливаясь откровенно спрашивать у встречных: «Виталий (Сергея, Саша), это не ты валялся вчера в коридоре?», я сформулировала вопрос так: «Ты случайно не в курсе, кто это был? А кто мог потерять этот билет?» Большинство соседей относятся ко мне неплохо, поэтому они не посылали меня куда подальше, а вежливо пожимали плечами. Один Сашка выразился вполне определенно:

— Никогда не относил тебя к сплетницам. Не понимаю, зачем тебе разносить эту дурацкую историю по всей общаге?

Сашка — хороший парень, поэтому я не стала скрывать от него свои мотивы.

— Понимаешь, если я точно узнаю, что с этим типом все в порядке, сразу выкину все из головы. А пока не могу.

— И зря! Ты считаешь, тот, кто напился до потери пульса, так-таки в этом признается? Чтобы получить выговор в приказе? Не создавай проблем ни себе, ни окружающим.

Мысль была здравая, и я неохотно отступилась. Признаюсь, долго сожалеть мне об этом не пришлось. Спустя каких-то двенадцать часов голова моя была прочно занята совершенно другим.

В тот вечер я возвращалась домой довольно поздно, около десяти. Дело в том, что у меня есть приработок. На стипендию, как вы понимаете, не проживешь, а то, что мне присылают мама с папой... Им в Каргополе кажется, что это солидная сумма, и я их не разубеждаю. Они даже не представляют себе, сколько стоит пообедать в столовой или проехать пару раз на маршрутке. И замечательно, что не представляют, а то отрывали бы от себя, а зарплаты у обоих невысокие. К тому же есть еще мой младший брат Мишка, он в восьмом классе, и старшая сестра Танька, она замужем и живет в Архангельске, у нее двое маленьких детей, а муж врач. Мои родители стараются подкидывать Таньке по мере сил то денег, то подарки.

Короче, оказавшись в Питере, я быстро поняла, что должна устроиться на работу. Меня это огорчило, поскольку меньше времени оставалось бы на занятия, а очень хотелось побыстрее ликвидировать отставание от однокурсников. И тут мне привалила неслыханная удача! Нелька свела меня с одним человеком, который работает в художественном салоне и иногда дает ей заказы на копирование известных картин. Разумеется, я на подобный заказ рассчитывать не могла, мне не хватает Нелькиного мастерства, но Виктору Викторовичу приглянулись некоторые из моих рисунков с видами Петербурга, и он предложил выставить их на продажу. Я была уверена, что смысла в этом нет — ну, кто купит опусы семнадцатилетней дилетантки, если вокруг столько картин профессиональных художников? Представьте себе, купили. И заплатили по двадцать долларов за каждый! Вот я теперь и приношу Виктору Викторовичу пару работ в месяц, в основном нарисованные тушью архитектурные пейзажи. Они даются мне легко. Иду по какой-нибудь улочке, и вдруг сердце защемило от ее красоты и гармоничного совершенства. Стою и смотрю, словно зачарованная, иногда часами, а потом бегу домой, хватаю перо и быстро-быстро переношу свои чувства на бумагу. И, знаете, получается нечто, весьма близкое к действительности, но каждый раз хоть чуть-чуть, да отличное от нее. Я сперва боялась, меня за это заругают, за отсебятину то есть, однако нет, Виктор Викторович не возражал. Он даже готов покупать у меня больше вещей, чем теперь, только мне не хочется. Что-то горькое есть в том, что мои рисунки поселятся у совершенно чужих людей. Иногда встречаешь объявления: «Отдам котят в хорошие руки». Вот и я так — когда знаю, что в хорошие руки, не жалко. Всегда дарю, если просят, потому что приятно, когда кому-то твое творчество нравится. Виктор Викторович утверждает, у меня типично дилетантский подход, и, пока я не изменюсь, профессионалом мне не стать. Профессионал, мол, понимает, что его деятельность — способ заработать на жизнь, а не развлечение. Так я же и продаю ровно столько, сколько мне требуется на жизнь!

Именно от Виктора Викторовича я в тот вечер и возвращалась. Он заплатил мне сорок долларов, очень кстати перед Восьмым марта. Правда, пришлось этих денег подождать. После закрытия магазина срочно требовалось подвести какой-то баланс, заполнить бумаги, короче, проволынились до половины десятого. Меня это не смущало. В отличие от Нельки, я не боюсь поздних прогулок — как, кстати, и Светка. Правда, Наташа говорит, я такая смелая, поскольку непуганая, а Светка смелая, потому что уже через все прошла. Не знаю. Просто не верится, что кто-то сделает мне плохое. Зачем?

Поэтому, когда ко мне обратились с дурацким вопросом: «Закурить не найдется?», я невольно засмеялась.

— Что вы, ребята! Я не курю.

— Она над нами смеется, — с угрозой заметил один из двух типов, загородивших дорогу.

Я автоматически отметила, что местечко они выбрали несимпатичное. Кругом ни фонаря, и до ближайшего подъезда довольно далеко. Пожалуй, не стоило мне возвращаться проходными дворами! Впрочем, в душе я все равно не испугалась, спокойно объяснив:

— Да нет, я смеюсь не над вами. Просто настроение хорошее.

— Сейчас будет плохое!

Оба парня были в темных куртках с капюшонами, надвинутыми на лицо. Один из них схватил меня за руки и потащил. Не на такую напал! Я по физкультуре лучшая в группе, поэтому вырвалась бы без особого труда, но тут на помощь первому хулигану подоспел второй. К тому же меня сдерживало глупое опасение нанести им увечье. Не понимаю, как только мальчишкам это не мешает драться? Трудно заставить себя причинить боль живому существу. Нет, если бы я действительно боялась, наверное, сумела бы, только страха по-прежнему не было.

Пока я решала эту сложную проблему, на сцене появился новый герой. Точнее, почувствовав, как хватка напавших ослабла, я отскочила и увидела, что какой-то человек поднял обоих за шкуру и резко встряхнул.

— Они вас обидели? — поинтересовался он у меня слегка сдавленным от усилий голосом.

— Не успели, — покачала головой я. — Все в порядке, спасибо. Пусть идут.

Опустив парней на землю, мой спаситель холодно сообщил им:

— Если б успели, мало бы вам сейчас не показалось. Ладно, убирайтесь!

Те не заставили себя упрашивать, сгинув куда-то под арку.

— А вам, девушка, советую не гулять по проходным дворам криминальной столицы в темное время суток, — тоже довольно холодно обратился неизвестный ко мне.

— Я не гуляю, а иду домой. Извините, что так получилось. Спасибо!

— Давайте-ка я вас доведу, так мне будет спокойнее. Вам куда?

Я во все глаза рассматривала таинственного незнакомца. Он возник в моей жизни, словно герой романа, и вполне мог бы им являться. Мужчина лет тридцати, высокий, с крепкой тренированной фигурой и мужественным, несколько хмурым выражением пусть некрасивого, но самобытного, с резкими чертами лица. Шапки нет, видны коротко стриженные густые черные волосы. Сейчас часто употребляют загадочное слово «харизма», хотя его значение мне никто так и не смог толком разъяснить. Я даже смотрела в словаре иностранных слов, но ничего не нашла. Именно этот странный термин неожиданно всплыл в моем мозгу. «В нем есть харизма», — подумала я.

— Так вы учитесь в Академии? — уточнил спаситель, когда я показала, куда идти. — И на каком курсе?

— На первом. Меня зовут Маша. Маша Архангельская.

— А я Макс. И как вы мыслите свою дальнейшую судьбу? Рекламный бизнес и отдых на Канарах или создание шедевров в сырой мансарде и красивая смерть от скоротечной чохотки?

Почему все так любят меня дразнить? Впрочем, я обижаюсь, только если дразнятся со злобой, а когда просто веселятся, не вижу ничего плохого. Что касается Макса, тот и не злобствовал, и не веселился. Возможно, он равнодушно иронизировал, желая занять чем-то время пути.

— Для скоротечной чохотки у меня сложение неподходящее. Поэтому надеюсь создавать шедевры до глубокой старости.

— Я полагал, в наши времена каждый, кто учится живописи, предполагает устроиться в рекламе. Там по крайней мере хорошо платят.

— Ну, — пожал плечами я, — думаю, в рекламу идут только от полного отчаянья. То есть когда понимают, что в чистом искусстве никогда ничего не добьются.

— Слава важнее денег?

— Почему слава? — удивилась я. — Мало кто из современных художников имеет настоящую славу. Просто... ведь каждому хочется реализовать себя, да еще и принести этим людям радость. Наверное, только художникам так повезло, что для них это совпадает. Я имею в виду художников в широком смысле.

Губы Макса дрогнули в улыбке.

— Тест короткий, однако безошибочный. — Какой тест?

— Который я сейчас провел. Значит, вы живете здесь, Маша?

— Да. Комната тридцать три. Если зайдете, напою горячим чаем.

— Нет, спасибо. Приятно было познакомиться. До свидания!

Макс коротко кивнул, повернулся и ушел.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Какое удивительно происшествие со мною приключилось! Я имела в виду, конечно, вовсе не обнаружение в темном коридоре упившегося до бесчувственного состояния типа. Этот тип выпал у меня из памяти вместе со своим дурацким билетом в театр. Совсем другой человек занимал мои мысли. Герой, спасший меня от... ну, не знаю, какие намерения были у напавших на меня бандитов? (Если при непосредственном контакте я посчитала парней безобидными хулиганами, то теперь они незаметно превратились в бандитов.) Покушались ли они на жизнь, честь или кошелек... хотя о кошельке речь даже не заходила... Жизнь или честь — вот что оградил от посягательств таинственный незнакомец. Оградил — и исчез. Неужели навсегда? Не может быть, нет!

Хотя почему нет? Я вела себя, как неблагодарная дура. Вместо того, чтобы броситься Максиму на шею в искреннем порыве восторга, ограничилась сухим «спасибо». За сохранение моих жизни и чести — простое «спасибо», словно Сашка занял на меня очередь в буфет. Разумеется, это... пусть это и не возмутило моего спасителя — он ведь действовал, не рассчитывая на благодарность, — но настроило его не в мою пользу. Тем не менее он решил проводить меня до дому, и тут я проявила себя ничуть не лучше. На шуточные вопросы отвечала на полном серьезе, докучая своими взглядами на искусство человеку, которому они абсолютно неинтересны. Естественно, что он воспринял это как тест — тест на глупость и невоспитанность, в котором я получила высший балл. А потом еще первенствовала в тесте на навязчивость, не только сообщив номер своей комнаты чужому мужчине, но и пытаюсь заманить его туда. Я аж застонала от огорчения, вспомнив подробности нашего короткого разговора. За десять минут успеть продемонстрировать столько недостатков — одна я на такое способна! Впрочем, раз эти недостатки прочно во мне укоренились, скрывать их было бы непорядочно. Макс знает меня с наихудшей стороны, и если... ведь всякое может случиться... если судьба сведет нас снова, я постараюсь приятно его удивить. Слегка утешенная подобной перспективой, я заснула.

Проснулась я, как обычно, в бодром расположении духа. Не знаю, отчего так происходит, но даже если вечером мне плохо, утром жизнь кажется гораздо менее мрачной. Я даже решила, что рано или поздно Макс вполне может от нечего делать заглянуть к нам на огонек — ведь номер комнаты ему известен.

Первой парой у нас был рисунок. Очень для меня неудачно. Я прекрасно понимаю, что обязательно нужно набить руку, снова и снова воспроизводя карандашом гипсовые слепки, освещенные с разных точек, но меня это ужасно тяготит. Наверное, потому, что дается плохо. Вот Нелька. Штрихует быстро и ровненько-ровненько, не придерешься. Что касается меня, и стараюсь, и времени трачу больше, чем другие, а результат довольно плачевный.

Сегодня же было совсем плохо. Я собиралась закончить рисунок дома, но позавчера не успела, поскольку отключили электричество, а вчера просто-напросто забыла. Вспомнила лишь утром и наскоро что-то накропала. Игорь Матвеевич сперва молча смотрел на дело моих рук, потом тихо спросил:

— И где по-вашему, Машенька, расположен источник света?

— Тут, — робко указала я.

— И как должна ложиться тень?

— Ох, — вздохнула я, моментально прозрев, — я поняла. Я спешила и делала, не думая. Сейчас я это уберу.

— Да не надо, — в задумчивости возразил он. — Жалко портить. С обучающей точки зрения тут, конечно, полный ноль, зато эта дисгармония создает ощущение зыбкости и даже тревоги.

Каждый раз удивляюсь, насколько ко мне здесь все добры. Указывая на ошибки, обязательно, чтобы я не слишком расстраивалась, добавляют что-нибудь хорошее.

Впрочем, все — сильно сказано. Есть Алена и Марго, расположившиеся за чем-то совсем рядом. Для меня они составляют нераздельную парочку, этакое злобное существо, способное допекать меня в два голоса сразу, но на самом деле не во всем похожи друг на друга.

Алена москвичка. Когда, еще совсем ее не зная, я наивно поинтересовалась, почему она учится здесь, а не у себя, она снисходительно бросила:

— В провинции, девочка, все дешевле.

Это Петербург-то для нее провинция! И знаете, о чем шла речь? Совсем не о продуктах, как я сперва решила. О том, во что якобы обходится обучение. А когда я напомнила, что обучение бесплатное, она сообщила мне, что только глубокие провинциалы и ханжи стыдятся самых естественных вещей. «Провинциальный» — вообще ее любимое словечко. А еще — «европейский». «Наконец-то я вижу европейски одетую женщину... наконец-то я нашла здесь ресторан с европейским обслуживанием...» Да, и третье словечко — «совковый». «Ах, эти наши совковые предрассудки... Игорь Матвеевич — типичный совок...» Он стал для Алены совком, когда не поставил ей вовремя зачета. Правильно не поставил — надо делать домашнее задание самой, даже если оно скучное, а не подсовывать преподавателю творения Марго. Он что, слепой, по их мнению? Я и то сразу отличу чужую руку.

Отец Алены что-то то вроде кинопродюсера, и она любит упоминать свое знакомство с известными людьми и регулярное посещение презентаций. Я однажды спросила у Наташи, почему такая крутая особа не снимает квартиру, а мается с нами в общежитии. Наташа объяснила: «Короля делает свита, и ей хочется всегда иметь ее под боком». Наверное, так оно и есть. Алена... мне трудно это сформулировать... тем более, я ведь к ней пристрастна, правильно? Я даже внешность ее не способна оценить по заслугам. Все говорят — красавица, а я этого не вижу. Она совершенно не женственная. Хотя стильная, да. Похожа на борзую: высокая, длинноногая, худощавая. Всегда экзотично одета и тщательно накрашена. Но дело-то не во внешности, дело в характере. Мне кажется, Алена черпает энергию не изнутри себя, а снаружи. Ей требуется постоянное восхищение, именно оно стимулирует ее волю к жизни. Даже не обязательно восхищение. Мое расстройство или возмущение ее тоже устраивают. Я так и чувствую, как она упивается ими. Поэтому из вредности стараюсь сдерживаться, только обычно не удается. Энергетический вампир — я вспомнила, как это называется. Алене недостаточно высасывать Марго, которую она полностью поработила, она пытается использовать каждого. И многие, словно мотыльки к свету, стремятся к ней — кто-то ради надежды быть проведенным через служебный вход на престижное мероприятие, кто-то ради обносков с барского плеча, которые она щедро раздаривает, а кто-то искренне. Зато собственную энергию Алена использует крайне экономно. Томные движения, ленивая речь. Когда они с Марго начинают меня дразнить, роли всегда распределяются одинаково: активность проявляет Марго, а Алена лишь изредка и словно невзначай подливает масла в огонь.

Однако сегодня все было иначе. Стоило Игорю Матвеевичу утешить меня по поводу неправильной тени на рисунке, якобы создающей ощущение тревоги, Алена ехидно прокомментировала:

— Ну, еще бы! Фрося сумела навести тревогу по всей общаге.

И смолкла, надеясь, что дальше за дело примется Марго — однако та медлила. Пришлось Алене продолжить самой.

— Все в курсе, как позавчера ей привиделся в коридоре больной иностранец, или кого-то она еще не успела об этом оповестить? В каждом регионе земного шара свои эротические фантазии.

— Ильницкая, — прервал ее Игорь Матвеевич, — вы всем мешаете.

Она скривилась и терпела до перемены, но, едва прозвенел звонок, вернулась к увлекательной теме.

— Фрося, признайся, а твой иностранец был полностью одет? Нереализованная сексуальность, она должна была вызвать в твоём воображении мужчину, хотя бы частично обнаженного, я уверена в этом. Ну, не будь провинциальной, скажи хоть раз в жизни правду!

Вот ведь, Алена несла такую чушь, что я должна была лишь посмеяться в ответ, а меня разбирал гнев. Ну, чего она ко мне привязалась? Что я ей плохого сделала?

И, представьте, за меня вступилась Марго.

— Да пьяный там валялся, вот и все, — быстро вставила она. — Ничего интересного.

Я удивилась. Марго всегда и во всем поддерживала подругу. Впрочем, можно ли подобные отношения называть дружбой? Я бы сказала, Марго является приближенной рабыней. Не понимаю, как она это терпит. Не из-за денег — денег у нее у самой хватает. И, кстати, энергии тоже. Уж она-то не вампир. Он нее, наоборот, словно исходит некое мощное излучение — правда, скорее разрушительное, нежели созидательное. Она могла бы играть подростков в ТюЗе. Невысокая, худенькая, живая, как ртуть. Конечно, ей лестно посещать богемные тусовки, тем более, что у себя в

Кемерове она вряд ли имела такую возможность, однако мне кажется, не только это привлекает ее к Алене. Трудно представить, но похоже, она ее искренне боготворит.

— Машка поступила по-человечески, — заметил Сашка. — Если б мне стало плохо, неважно, по какой причине, я бы предпочел, чтобы мне оказали помощь, а не бросили помирать.

Настроение мое тут же исправилось. Сашка — порядочный человек, поэтому радовало, что он на моей стороне. На моей, несмотря на то, что справедливо осудил излишние расспросы, которыми я допекала окружающих вчера утром. Кстати, внешне он немного смешной. Частично тут виноваты очки. Будь его зрение чуть похуже, и в Академию Художеств его бы не приняли. Я как-то поинтересовалась, почему Сашка не сделает операцию на глаза. Он ответил, что зрение — один из факторов, освобождающих его от армии. Другой фактор — плоскостопие. Нет, он не выглядит инвалидом, но и сильным мужчиной тоже. Мальчишка мальчишкой, вроде моих бывших одноклассников.

Мою молчаливую радость прервала Марго, очевидно, успевшая пожалеть о своем благородном порыве.

— А скажи, Фросенька, — нежно пропела она, — откуда у тебя это замечательное платьице? Его носила твоя мамочка в послевоенные годы, да? Но выглядит почти как новое. А если кое-где протрется, можно поставить заплатки.

Алена поощрительно улыбнулась, а я, не выдержав, — плохо у меня с выдержкой — почти выкрикнула:

— Понадобится — поставлю!

И добавила бы еще какую-нибудь глупость, если б Наташа не утащила меня в коридор.

— Не надо заводить, — сказала она. — С девчонками вполне можно ладить, если не провоцировать конфликтов.

— А я их провоцирую? — удивилась я.

— Чем сильнее ты реагируешь, тем активнее девчонки станут к тебе цепляться, — объяснила Наташа. — Всегда помни про это. Человека, который не обращает внимания, дразнить скучно.

Она была права, и я вернулась в аудиторию настроенная сохранять спокойствие. Впрочем, Марго больше не обращала на меня внимания.

После занятий я сразу отправилась домой — не потому, разумеется, что рассчитывала на приход Макса, а просто мне требовалось поднажать на уроки, чтобы в очередной раз не опозориться. Светка с Нелькой вернулись поздно, зато в обновках. Они ездили в магазин, где в честь Восьмого марта проходили предпраздничные скидки, и приобрели довольно странные одеяния, причем почти одинаковые. Только Светкино темно-зеленое, очень удачно под рыжие волосы, а Нелькино цвета бордо — тоже неплохо, поскольку оживляет ее бледноватое лицо. Возможно, купленные наряды следовало бы назвать брючными костюмами. Брюки заужены к колену и сильно расклешены внизу, к тому же украшены яркими рисунками и даже сверкающими стразами. Алена осенью носила нечто похожее, а теперь перестала. Сверху короткий топ из той же ткани, а между этими предметами туалета торчит не только голый живот, но и декоративная резинка от трусов. Наверное, так сейчас модно. Еще туфли средневекового вида, с длинными-предлинными носами, причем тоже в стразах.

— Одни трусы должны стоить десять долларов, — похвасталась Светка, — а обошлись всего в семь. Нравится?

— Тебе идет, — стараясь быть дипломатичной, прокомментировала я. — А животу не холодно?

— Зря ты не поехала с нами, — вмешалась Нелька. — Тебе бы тоже пошло.

Я улыбнулась. Вот уж, ни за что б подобное не надела!

— А, ты имеешь в виду, что денег нет? — неправильно истолковала мою улыбку Нелька. — Ерунда! Продала б пару лишних картинок и купила бы.

Нельку вообще удивляет, почему возможность сдавать в салон свои работы я не использую на всю катушку. Она очень практична.

— Но у меня же полно одежды! — напомнила я. — Зачем мне еще?

— Как зачем? — изумилась Светка. — Ты ведь хочешь модно одеваться?

— Да нет, — подумав, честно ответила я. — Красиво одеваться — в этом еще есть определенный смысл, а модно-то зачем?

— Например, чтобы над тобой не потешались всякие ничтожества, — спокойно объяснила

Нелька.

Я покраснела, вспомнив утренний эпизод с Марго, но решила возразить.

— По большому счету, они потешаются не из-за одежды, а из-за характера. Разве нет?

— Не обижайся, Машка, — вмешалась Светка. — Мы хотим тебе только хорошего. Но Нелька права. Кто сейчас носит приталенные платья?

— Ну... а почему нельзя? Если у меня есть талия, зачем мне это скрывать?

— Купи модные брюки и топ, вот и покажешь свою талию. Сейчас не то время, когда одежду носили до тех пор, пока материя не продырявится. Она же морально устаревает, понимаешь! Все твои шмотки давно пора выкинуть. Слушай, а давай их выкинем и купим тебе новые? Такие, как у всех.

Я вздохнула.

— А мне всегда жалко выбрасывать то, чем еще можно пользоваться. Подумайте, сколько трудов стоило вырастить хлопок или лен, убрать урожай, сделать ткань, сшить из нее кофточку. И все эти труды пойдут на помойку только из-за того, что какой-то модельер решил, что с нынешнего года нужно носить другой фасон. Это неправильно! В мире столько народу голодает, даже в нашей стране, а мы вместо того, чтобы выращивать рожь или пшеницу, вынуждены занимать землю льном.

— Ну, ты даешь! — развела руками Светка. — В цирк ходить не надо. Ты что, министр сельского хозяйства? Какая тебе разница, чем занимают землю? Сейчас рынок и конкуренция, так что все происходит, как надо. И вообще, мне без разницы, что на тебе одето. Ходи хоть в кримплене, ему сносу нет. Но ты сама разве не чувствуешь себя гораздо увереннее, когда на тебе что-нибудь новенькое?

— Не знаю. А почему уверенность должна зависеть от одежды? Я думала, она зависит от внутреннего мира.

— А потому, что встречают по одежке, а провожают по уму, — поддержала подругу Нелька. — Вот погоди, познакомишься с парнем, который тебе понравится, а он ужаснется твоему старомодному платью и не захочет больше встречаться. Вот если б стал встречаться, постепенно узнал бы твой замечательный внутренний мир и влюбился бы, но для этого как минимум надо чем-нибудь его сразу привлечь. Вот зачем мода, понимаешь? А то он посмотрит на твою домогостроевскую косу и решит, что на тебя бессмысленно тратить время. А была бы модная стрижечка, так не было бы проблем.

Это било не в бровь, а прямо в глаз. Я познакомилась вчера с Максом и переживаю, что оттолкнула его своим глупым поведением, но возможно, ситуация гораздо хуже? Возможно, еще до того, как я открыла рот, вид моей старой куртки навек зачеркнул надежду на следующую встречу? Всего несколько дней назад я бы решила — ну, и ладно! Глупец, для которого куртка важнее человека, мне не нужен. Но сейчас рассуждать подобным образом я была не в силах. Я вообще была не в силах рассуждать. Мне стало тошно, слезы подступили к глазам.

А девочки, заметив действенность последних аргументов, обрадовано удвоили натиск. Они настолько убежденно рисовали контраст между мною и хорошо одетой красиво подстриженной женщиной, которая умеет понравиться мужчине, что постепенно мне стало казаться: не только Алена с Марго презирают меня, но и соседки тоже, только из деликатности раньше пытались это скрыть, а теперь чувства вырвались наружу. Трудно поверить, что столь горячий энтузиазм и впрямь вызван таким пустяком, как одежда!

Осознав это, я неожиданно разрыдалась.

— Ты чего? — испугалась Светка. — Обиделась? Честное слово, мы не нарочно. Да успокойся! Хочешь, я подарю тебе свой джемпер? Тот, черный? Ты в нем сразу станешь очень даже. Хочешь?

Я отрицательно замотала головой. Разве дело в джемпере?

— Почему, ну почему меня никто не любит? Почему?

— Ты имеешь в виду мужчин или вообще? — деловито уточнила Нелька.

— Вообще.

— Как раз любят. Правда, Светка? А на Марго не обращай внимания. Она ведет себя просто неприлично, с этим все согласны, кроме Алены. И все на твоей стороне. А если речь о мужчинах, то рано или поздно все тоже наладится. Сейчас ты, конечно, еще дурочка, но с возрастом поумнеешь. В конце концов, тебе же не обязательно, чтобы в тебя влюбились прямо сегодня? Годика через два оглянешься назад и удивишься, насколько ты переменялась.

Данные вполне логичные утешения почему-то возымели прямо противоположный эффект. Я зарыдала пуще.

— Ладно, — не выдержала Нелька, — наверное, нам лучше уйти и дать тебе выплакаться. Это все нервы. Или нам лучше остаться? Нет?

Не услышав ответа, девчонки тихонько удалились. Вот я какая! Выжила людей из их собственного дома. Они хотели мне добра, а я повела себя, словно все на свете передо мной виноваты. А ведь так не бывает. Если все перед кем-то виноваты, значит, главный виновник — он сам. В таком случае надо постараться исправиться, правда? Стать менее обидчивой, менее неблагодарной. Я должна быть благодарна соседкам за желание мне помочь. Светка вон даже предлагала подарить свой черный джемпер с блестками. Она вообще щедрая душа и никогда не считает расходы. Нелька, та другая, более разумная. Но и она стремилась утешить, дать добрый совет. А я оскорбила их своими слезами! Надо попросить прощения, показать, что осознала ошибки.

Я схватила карандаши и живо нарисовала обеих девчонок, нарядив их в самые шикарные туалеты, какие только были доступны моему воображению. Получилось очень красиво. Им должно понравиться! Я наносила последние штрихи, когда снова отключили свет. Неужели началось то же, что в январе? Значит, следующим этапом у нас вырубят отопление. Сейчас, правда, потеплее, но все равно не хотелось бы. Вылезти, что ли, в коридор, разведать обстановку? Нет уж! Один раз в подобной ситуации я уже стала посмешищем всего общежития, с меня довольно. Пусть кто другой натывается на пьяных сокурсников, спешащих от него удрать!

Похоже, остальные тоже не жаждали проявлять инициативу. Естественно. Они уже знали, что ничем не могут помочь. Скоро Ольга Николаевна вызовет аварийщиков, те привычно обругают нас за неумеренное пользование электроприборами и приступят к работе.

Поэтому, закрыв глаза, я принялась вспоминать любимые сцены из «Джен Эйр», причем в роли мистера Рочестера мне упорно мерещился Макс. От приятного времяпрепровождения меня отвлекла Нелька.

— Можно войти? — спросила она. — Сейчас уже без пяти одиннадцать.

— Конечно. Извини, что я так... не знаю, что на меня нашло.

— Я думаю, это последствия легкого сотрясения мозга, которое ты получила позавчера. Тебя ведь подташнивало, я помню. Я бы на твоём месте все-таки посетила врача. Травмы головы — дело нешуточное.

— У меня уже ничего не болит. Я вообще никогда не болею.

В этот момент включили свет.

— Смотри! — Я тут же протянула Нельке свой рисунок.

Она взяла его не без удивления, однако, едва бросив взгляд, тут же впилась глазами. Даже румянец появился на обычно бледных щеках. Я ждала комментариев, но она молчала. Вскоре открылась дверь, и появилась Светка, нагруженная двумя большими пакетами. Она, не церемонясь, сунула нос в листочек, затем выхватила его и принялась изучать.

— Вам нравится? — уточнила я, несколько смущенная странной реакцией на мой жест примирения.

Вместо ответа Светка произнесла, ни к кому не обращаясь:

— А хорошо, наверное, быть жутко талантливой...

— Ну, конечно, хорошо, — немного подумав, согласилась я. — Наверное, в этом есть какие-нибудь минусы — обостренная чувствительность, хрупкое здоровье, душевное одиночество, — но я бы все отдала за большой талант. И вы, наверное, тоже?

Светка захохотала довольно нервным смехом, а Нелька поспешно заметила:

— Мне очень понравился твой рисунок. Просто здорово!

— Хочешь оставить его себе?

— Спасибо. Девчонки, а кто был на последней лекции по дизайну? Я думала взять конспект у мальчишек, но у них не оказалось. Никто к нашей Ниночке не ходит.

— Я хожу, только конспект у меня плохой. Она так занудно читает, я просто засыпаю. Сейчас найду!

Мы занялись повседневными делами. На приход Макса в столь позднее время надеяться было нечего, и я успокоилась. Завтра Восьмое марта. Разве это не повод навестить спасенную даму, даже если она тебе не понравилась?

Но визит состоялся гораздо раньше, и не тот, которого я ждала. Дверь внезапно открылась, и на пороге возникла Наташа в халате, небрежно наброшенном на ночную рубашку. В таком виде она еще больше, чем обычно, походила на мою маму.

— Что случилось? — испугалась я. Ворваться, не постучавшись, за полночь — это не в Наташином характере. К тому же на ней лица нет!

— Что случилось? — повторила Нелька.

— Марго выпала из окна.

— Что значит — «выпала»? — уточнила Света. — Как это?

— Не знаю. Никто не знает. Ее тело нашли во дворе.

Наташа села на мою кровать и заплакала.

— Тело? — в ужасе повторила я. — Ты хочешь сказать... она ведь живая?

— Ме-е-ертвая, — прорыдала Наташа. — Говорят, сразу насмерть...

— О черт! — выругалась Светка. Точнее, она выругалась иначе.

Никогда не теряющая разума Нелька мрачно прокомментировала: — Ей еще повезло. Третий этаж... Могла сломать позвоночник и долго мучиться. Или остаться инвалидом. Кошмар!

— Нет, — покачала головой Наташа, — она выпала не от нас. Алена провела весь вечер дома, она бы знала. Мы еще удивлялись, почему Марго все нет. Кто мог подумать...

— Никогда больше не стану напиваться, — горестно вздохнув, дала обещание Светка. — Хоть завтра и Восьмое марта. Точнее, уже сегодня. Значит, Марго пила не с Аленой?

— Нет. И вообще никто не признается, что ее видел. Точнее, все ее видели, но кто был последним?

— И не признается, — заявила Нелька. — Кому охота лишним неприятностей? Хотя Марго не из тех, кто напивается в одиночку. Поганая история! Бедная Марго! Вас еще не допрашивали?

— Нет. А будут?

— Наверное. Правда, завтра праздник, может, у ментов выходной?

И тут Светка изумила меня, поинтересовавшись:

— Вы не думаете, что она могла сделать это нарочно?

— Самоубийство — смертный грех, — напомнила я.

— Она вряд ли верующая.

— На ней всегда крестик.

— Что сейчас значит крестик? — махнула рукой Нелька. — Мода. Чего зря гадать, все равно без толку. Вот узнаем, было ли состояние алкогольного опьянения, тогда и пойдем. Давайте ложиться спать, у меня от всего этого башка трещит. Надо выпить валерианки, а то не заснем. И тебе, Наташа, тоже.

Мы покорно заглотили валерианку, только лично мне она не помогла. Я ворочалась в кровати, так и этак крутя подушку, но сон не шел. Еще бы! Марго погибла, Боже мой! В двадцать лет — в самом расцвете сил. Да, мы с ней не любили друг друга. Точнее, она по неизвестным причинам плохо относилась ко мне, а я из-за этого — к ней. И вот теперь она мертва, и нам никогда уже не помириться. Никогда — самое страшное слово из всех, какие я знаю. Никогда не будет она больше меня дразнить. Конечно, я вовсе не желала повторить испытанные из-за Марго тяжелые минуты, но несомненно согласилась бы на это, лишь бы ужасное известие оказалось ложным. Однако надежды на подобный исход не было. Наташа не стала бы так шутить.

А если Марго вовсе не ненавидела меня, а лишь пыталась угодить Алене? Нет, я чувствовала исходящую от нее злобу. Неужели она так и умерла с нею? Но Бог милосерден, он ее простит. Бог — это ведь не совсем то, что описано в Библии или в Коране. Это высший разум, точнее, высшая справедливость. Я согласна с Кантом: наличие у человека совести — единственное доказательство его существования. Бог способен простить даже самоубийство, я не сомневаюсь! Нет такого греха, по поводу которого Он произнес бы: «Никогда». Только зачем Марго убивать себя? Она выглядела почти счастливой. Почти — потому что тот, кто испытывает злобу, не может быть вполне счастлив. Я не верю в самоубийство. Но неужели Марго так напилась, что выпала из окна? Напилась с кем-то, кто живет на высоком этаже — раз разбилась сразу насмерть.

Я вспомнила, какими речами напутствовал меня перед отъездом папа.

— Дай мне обещание, — сказал он, — что не будешь пить в присутствии посторонних людей. Особенно мужчин. Если уж тебе суждено наделать глупостей, я бы предпочел, чтобы ты пошла на них

осознанно.

Меня тогда очень это насмешило — с чего бы мне вдруг пить в чьем бы то ни было присутствии или без такового? Лишь поступив в Академию, я поняла папину предусмотрительность. В общежитии действительно много пили, причем не только парни, но и девчонки. Я быстро выработала собственную методику: брала одну рюмку — неудобно ведь совсем отказываться — и растягивала ее на все время.

Вторую просьбу папа произнес шутливо.

— Обещай мне, что не обстрижешь косу, как бы ни уговаривали тебя подруги. Сперва спроси мнения мужчин.

Я ответила, что не для того столько лет растила волосы, чтобы добровольно их лишаться. Кстати, папа и тут оказался прав. Моя коса неоднократно служила предметом бурных дебатов.

Но я отвлеклась. Я думала про алкоголь и про Марго. Она любила водку и могла выпить довольно много, не пьянея. Это сколько ж ей понадобилось, чтобы дойти до бессознательного состояния? Трудно представить. Напилась, высунулась в окно глотнуть воздуха и... Только сперва ей потребовалось отворить окно. Топят у нас плохо, и для проветривания мы открываем разве что форточку. Отворить окно... непростая задача! Рамы старые, набухшие, а за зиму и вовсе примерзают. Наверное, ей отворил кто-то другой... поэтому он и боится признаться, что был с нею.

И тут страшное подозрение заставило меня подскочить в кровати. Не слишком ли много случайностей нагромоздилось за последние двое суток? Позавчера отключили свет — и я наткнулась в коридоре на тело. Неподвижное, не подающее признаков жизни. Да живое ли? Мне так до конца и не верилось, что это был пьяный, скорее, некто без сознания. Без сознания — или мертвый. Но бессознательное тело не могло само уйти! Его унесли, пока я бегала на вахту. Кто, зачем? А сегодня снова вырубил электричество, и погибла Марго. Выпала из окна — или ее вытолкнули в темноте?

Сердце бешено колотилось. «Меньше надо читать романов», — посоветовала бы мама. Она вечно так говорит, когда я что-нибудь выдумываю. Да, она права. Зачем кому-то убивать Марго, а до нее — другого человека? К тому же если бы позавчера я действительно натолкнулась на мертвого, мы бы уже об этом знали. Его бы обнаружили, правда? Наверное, я пытаюсь трактовать жизнь, словно книгу. В книге каждое событие имеет смысл, а жизнь обыденнее и бестолковее. Она предлагает нелепость за нелепостью, не удостаивая нас объяснениями. И потом... убийства ведь совершают убийцы? Но в нашем общежитии не могут оказаться убийцы. Мы — художники, а гений и злодейство — две вещи несовместные. Наверное, мои дурацкие предположения — следствие испорченности, извращенного воображения. Скорее бы утро, чтобы кто-нибудь подтвердил мне это! Так размышляла я на грани сна и яви. Ночь казалась бесконечной, однако и ей пришел конец.

— Девчонки, — не здороваясь, выпалила я, — скажите мне, что Марго не убили!

— Ну, ты даешь, — опешила Светка. — А кто, по-твоему, ее убил?

— Тот же, кто убил человека, тело которого я нашла два дня назад. Скажите мне, что это неправда!

— Это неправда, — покладисто подтвердила Нелька. — А откуда у тебя вообще такие мысли?

Я подробно, но путано рассказала. Нелька пожала плечами.

— И это все? Прежде, чем рассуждать, легко ли открыть окно, надо знать, где оно расположено. Зачем теоретизировать на пустом месте? А что касается этого твоего типа... то ли пьяного, то ли мертвого, то ли бессознательного... почему он должен быть с этим связан?

— Потому, что со мною никогда не происходило ничего особенного, а тут сразу два эпизода. По логике вещей, между ними должна быть связь.

— Есть поговорка: пришла беда — отворяй ворота, — мрачно заметила Светка. — Так что бывают и совпадения. У Марго, конечно, характер еще тот, но, кроме тебя, никто с ней всерьез не цапался. А ты ее спихивать наверняка не стала бы.

— Да, конечно. Я и не думаю, что ее могли спихнуть за характер. Просто есть какая-то таинственная история, о которой мы не знаем. В этой истории фигурируют загадочный незнакомец, исчезнувший позавчера из коридора, Марго и...

— И сумасшедшая жена, заточенная в башне, а также неожиданно полученное наследство от дядюшки и мистер Рочестер. Машка, тебе надо меньше читать! Развлекайся как-нибудь иначе.

Мне стало совестно. Неужели я пытаюсь смешать роман и жизнь, устроив себе развлечение из смерти человека? Но я-то знала, что это против моей воли! Мне было тошно, а мысль о

неслучайности гибели Марго терзала, словно зубная боль. Пусть боль вызвана книжным восприятием мира, однако для меня она была совершенно реальна!

— Успокойся, — оценивающе на меня глянув, посоветовала Нелька. — Решать проблемы надо по мере их поступления. Сперва выясни точно, что произошло, а потом уже обдумывай это. Сегодня или завтра появятся менты, и мы все выясним. Из какого окна она выпала, была ли в состоянии опьянения и все такое. Тогда и начнешь, если захочешь, забивать себе голову, а сейчас какой смысл? Кстати, сегодня Восьмое марта. Конечно, настроение не праздничное, но все равно приготовить что-нибудь вкусненькое нужно. Парни наверняка нас поздравят.

Она была совершенно права, но я не прислушалась к голосу разума и отправилась к Наташе. Та сидела на кровати среди скомканного белья, растрепанная, с опухшим лицом. Алена лежала в постели, повернувшись к стене — возможно, спала.

— Наташа, — тихо произнесла я, — как вы?

— Ужасно, — с чувством ответила Наташа. — Скоро приедет милиция, а я у меня все не хватает воли привести себя в порядок. А Аленка вообще... сама видишь! Лежит, как неживая. Аленушка? Тебе кофейку сварить? Или коньяку выпьешь, для бодрости? Нельзя же так!

— Отвяжись! — с неожиданной силой выкрикнула Алена.

— Вот видишь, Маша, какие наши дела.

— А давай я т е б е кофейку сварю. А ты пока оденешься и умоешься, хорошо? И придешь ко мне на кухню.

Наташа рассеянно кивнула, и я побежала готовить завтрак. Помимо кофе, я сделала бутерброды, которые моя подруга, слава Богу, покорно начала есть. На душе у меня полегчало. Если человек ест, значит, он почти в порядке. Вот бедная Алена, ей, наверное, совсем ужасно! Они с Марго были неразлучны и так любили друг друга...

— Расскажи мне все подробно, — попросила Наташу я. — Как это случилось?

— Ну... вчера после занятий я пробежалась по магазинам, купить кое-что к празднику. Потом до позднего вечера возилась на кухне. Потом отключили свет, и я вынуждена была вернуться к себе. Вот тут Алена и завелась — не знаю ли я, где Марго, да почему ее нет, да как все это странно...

— Серьезно? То есть она удивлялась?

— Удивлялась и даже беспокоилась. Я прямо-таки ее не узнала! Алена, она всегда такая пофигистка, ей ни до чего нет дела! А тут ясно — человек нервничает. Мол, Марго была здесь, вполне довольная, обсуждала планы на Восьмое марта и какой Алену ждет сюрприз, а потом куда-то делась, и ее все нет да нет.

— А что за сюрприз?

— Не знаю. На то и сюрприз, чтобы о нем не знали.

«Как бы то ни было, — отметила я, — вряд ли Марго имела в виду самоубийство. Она была довольна и обсуждала планы на следующий день».

— И во сколько она исчезла?

— Алена точно не помнит. Еще до того, как отключили свет.

— Незадолго или задолго?

— Не знаю.

«Наверное, довольно задолго, — решила я, — иначе как бы Алена успела забеспокоиться?»

— Кстати, Наташа, а ты не помнишь, во сколько это произошло? Я подразумеваю отключение света. Я почему-то не обратила внимание на время.

— Я тоже. Часов в восемь я поставила варить языки, так они еще были не готовы.

— А сколько они варятся?

— Три часа.

— Ну, конечно, не готовы. Нелька вернулась без пяти одиннадцать, и света еще не было. Пол-одиннадцатого, что ли, отключили, или чуть позже? И ты сразу пошла домой, да?

— Почти сразу, — кивнула моя собеседница. — Кое-что доделала на кухне и пошла. Зажгла свечку, успокоила Алену. Я же не знала, что... Я ей сказала, что Марго отправилась к кому-нибудь в гости и решила не возвращаться в темноте, а пересидеть у них. Алена позвонила на мобильный Сашке, но тот сказал, что Марго не с ним.

— А почему Сашке? — не поняла я. — Разве они с Марго дружили?

Наташа окинула меня странным взглядом и, подумав, заметила:

- Они много общались.
- А сам Сашка был дома или нет?
- Наверное, дома.

Не знаю, зачем я этим поинтересовалась. Видимо, от удивления. Марго и Сашка — вот уж нелепое сочетание! Он добрый, хотя и смешной, а она совсем не смешная злючка. Кстати, он ее младше. Точно, ему девятнадцать, а ей двадцать. Хотя дело не в возрасте, дело в поведении. Сашка совсем мальчишка, пусть и умный, а у Марго повадки опытной женщины. Он выглядит немного отстраненным, возможно, из-за близорукости, а она очень живая и энергичная. Он равнодушен к деньгам, а она гордится своим богатством. Неужели у них роман? Тогда стоит поверить, что противоположности сходятся.

— Так у них роман? — вслух произнесла я и тут же прикусила себе язык. Увлечись, я умудрилась забыть, что Марго мертва. Теперь мой вопрос звучал на редкость неделикатно. Тем не менее, Наташа дала на него ответ.

— Я бы это так не назвала, — уклончиво прокомментировала она.

Я постеснялась уточнять и продолжила:

— Значит, с Сашкой ее не было. А что потом?

— Потом дали электричество, и даже я немножко забеспокоилась. Пробежалась по знакомым — нигде Марго нет. А потом пришел Виталик. Это было без четверти двенадцать. Я нервничала и все время смотрела на часы. Виталик пришел и сообщил нам о несчастье. Он-то и нашел ее... то есть Марго...

Виталий был нашим местным Казановой. Мне он не очень нравился. Во-первых, слишком красив. Вы спросите, а разве можно быть красивым «слишком»? На мой вкус, да, особенно мужчине. Представьте себе парня двадцати трех лет с роскошными кудрями до плеч, то распущенными, то забранными в элегантный хвост и имеющими столь чудесный золотистый оттенок, что начинаешь сомневаться в его естественности. Черты лица правильные, глаза с поволокой. Фигура стройная, ноги длинные. Одет стильно, держится развязно. Вот я и перешла к «во-вторых». Все без исключения мои знакомые женского пола обожают с ним общаться, а я терпеть не могу. Я честно пыталась относиться к его манере поведения, как к игре. Мы ведь с удовольствием смотрим на талантливого актера, и нас не смущает, что на самом деле он не чувствует того, что изображает. Вот и здесь вроде бы то же самое — но нет! То, что годится для сцены, не подходит для жизни. Ведь девчонки-то влюбляются в него по-настоящему и плачут потом по-настоящему! За примером недалеко ходить — Наташа очень переживала в декабре, когда он переключился на другую. А ему, как с гуся вода, и никто потом на него не в обиде. Улыбнется пару раз — и все решают, что виновата злая разлучница, а не драгоценный Виталик. Подозреваю, во мне слишком развит дух противоречия. По крайней мере, когда этот доморощенный Дон Жуан смотрит на меня своими томными глазами и прямо-таки бархатным голосом мурлычет, что одна моя роскошная коса стоит всех косметических ухищрений других женщин, меня так и тянет ляпнуть: «Мели, Емеля, твоя неделя». Скажу больше. От его взгляда мне иной раз хочется чем-нибудь прикрыться. Странный взгляд, неприятный!

Впрочем, не буду уверять, что Виталий часто меня им удостаивает. Не чаще, чем любую другую. Значит, именно он нашел тело Марго...

— Ну, да, — повторила Наташа. — Он откуда-то возвращался, оказался под окнами, и, поскольку уже дали свет, то увидел... ее. Какой кошмар!

— А под какими окнами? С какой стороны?

— Не знаю. Я не спрашивала. Меня так ужаснуло это известие, да еще у Алены случилась истерика... Наверное, не с нашей стороны, а с той, где вход. Иначе как бы он увидел?

— Наверное. И он вызвал скорую, да?

— Не он, а Ольга Николаевна. Он побежал на вахту, и она вызвала скорую и милицию. И попросила его подежурить у тела до их приезда. Его, бедного, всего трясло, когда он рассказывал нам про это. Если бы я обнаружила тело, я бы, наверное, умерла от ужаса!

Да, Виталию не позавидуешь. Впрочем, а кому в этой истории позавидуешь?

— Наташа, так ты точно знаешь, что милиция приедет сегодня, а не завтра? Сегодня ведь праздник.

— Они так вчера сказали. Будьте завтра дома и ждите. Вот я и жду.

Погладив Наташу по плечу, я, вздохнув, отправилась на поиски Виталия. Один раз, два дня

назад, Сашка уже сделал мне замечание по поводу неуместных расспросов, и вот я опять принимаюсь за свое. Неужто я действительно такая сплетница? Все сидят спокойно, одной мне нейдет. Но мотивы мои не изменились. Раньше я хотела успокоиться, узнав, что найденный мною неизвестный был благополучно кем-то устроен. Теперь я не в силах успокоиться, пока не удостоверюсь, что смерть Марго — роковая случайность и ничего больше. Пускай мои фантазии беспочвенны, тем легче будет их развеять! Я, например, уже убедилась, что о самоубийстве речь не идет. Марго была довольна и строила планы — значит, собиралась жить дальше.

Хотя комната Виталия располагалась неподалеку от моей, раньше мне ее посещать не доводилось, и постучалась я туда с опаской. Я знала, что у Виталия нет соседей. Точнее, формально они имелись, однако реально предпочитали снимать квартиру. Если вы удивитесь, с чего это Виталию так повезло, замечу, что расселением у нас ведает хорошо сохранившаяся дама бальзаковских лет.

Итак, я осторожно постучалась. В мозгу крутилась мысль, что девушка, согласившаяся остаться наедине с мужчиной у него дома, подает ему определенные надежды. Вот ведь! Сто раз оказывалась наедине с Сашкой, Ильей или Сережей, и никогда о такой ерунде не заботилась.

— Кто там? — мрачно осведомились из-за двери.

— Это Маша. Можно?

— Погоди минутку. Теперь можно.

Судя по всему, я вытащила бедного Виталия из постели. Мне это даже в голову не пришло — ведь уже первый час! Хотя могла бы догадаться, что бедный человек после ужасного происшествия заснул, видимо, лишь под утро.

— Извини, — вздохнула я, окинув взглядом неприбранную кровать и стройную фигуру в коротком халате. — Я не хотела тебя будить.

— Я уже проснулся. Заходи! Ты ведь не была здесь ни разу, так? Посмотришь, как я живу. Сейчас включу кофеварку.

— Спасибо, Виталий, я уже завтракала. Я пришла из-за... ну... то есть...

Я неожиданно поняла, насколько бестактно мое намерение заставить Виталия заново переживать страшные события вчерашнего вечера, и слова застряли у меня в горле. Вместо этого я и впрямь осмотрелась. Да, убранство этой комнаты сильно отличается от того, что я привыкла видеть у нас или даже у Алены, Марго и Наташи. Пол покрыт ковром, одна стена почти сплошь увешана плакатами с полуголыми красотками, а противоположная — качественными репродукциями с картин, тоже изображающих обнаженных женщин. В таком соседстве наличие на тебе одежды казалось вызовом законам природы. Стульев не было вовсе, только казенная кровать и явно приобретенная широкая тахта.

— Присаживайся, — предложил Виталий.

— Спасибо, нет, я ненадолго. Я, наверное, вообще зря пришла. Тебе вряд ли хочется говорить на эту тему. Но расспрашивать Алену я совсем уж не могу, а голова идет кругом от мыслей. Но, если тебе не хочется отвечать, скажи мне это сейчас прямо, хорошо? Я полностью тебя пойму.

Мой собеседник, нахмурившись, кивнул.

— Ясно. Ты о Марго, да? Паршивая ситуация, а для тебя особенно. Да присаживайся, тебе говорят, никто тебя здесь не тронет! Ты не Красная Шапочка, а я не серый волк.

Покраснев, я присела на уголок кровати.

— Это ведь ты нашел вчера... ну...

— Да, угораздило. Теперь вот жду ментов. Делать мужикам нечего! Вчера целый час пытали, что да как, бумаг каких-то наподписывал, надеялся, все. Ан нет! Вчера был участковый, а сегодня явится следователь. Или наоборот? Короче, влип я радикально.

— Ну, ты-то тут совсем не при чем, — попыталась успокоить собеседника я. — Случайно наткнулся на... Какие они могут иметь к тебе претензии?

— Ты, Машка, не сталкивалась с ментами. Дай бог, и не столкнешься. При чем, не при чем — какая им разница? Им лишь бы отрапортовать. Попал им в лапы — даром не выпустят. Начнут копать личную жизнь, мало не покажется.

Виталий вдруг улыбнулся и сочувственно добавил:

— Не бойсь, прорвемся!

Его улыбка поразила меня полным отсутствием игры. Стеснение мое прошло, я заговорила

свободно.

— А где ты ее нашел, Виталий? Под какими окнами?

— Да примерно под ее собственными. Хотя очевидно, что вывалилась она не оттуда. Не с третьего, конечно. Этажа с шестого, не ниже. Ты даже не представляешь...

Он нервно передернулся, словно отгоняя жестокое зрелище.

— То есть не с той стороны, где вход, а с противоположной?

— Да. Такое уж мое везение. У входа ее мог бы найти кто-нибудь другой. А если б меня вчера не угораздило... короче, не забрел бы я на ту сторону, наверняка она лежала бы до утра.

Мне очень захотелось спросить, зачем Виталий забрел на ту сторону, однако я не решилась. В конце концов, он вообще не обязан мне отвечать. Зато я выпалила нечто, о чем тем более не стоило упоминать. Мой собеседник выглядел таким искренним, просто на себя был непохож! Вот я и впала в откровенность. Со мною часто подобное случается. Наболтаю с три короба, а потом сокрушаюсь. — Как ты думаешь, Виталий, Марго выпала из окна случайно?

— Важно, Машка, что думают по этому поводу менты, — без промедления констатировал Виталий. — Думаю, они уже провели анализ на алкоголь в крови. Если алкоголя нет, тогда дело хуже. Чтобы трезвая Марго умудрилась случайно выпасть из окна, да еще в такой холод? Я не очень-то верю, что она могла это проделать даже пьяная. Уж как-нибудь видал ее пьяной! Но тебе, Машка, волноваться нечего. Все понимают, что, хоть она к тебе и цеплялась, ты бы ее пальцем не тронула. Это подтвердит каждый. Ты хоть и вспылчивая, зато отходчивая.

— Погоди! — опешила я. — Ты хочешь сказать, могут решить, что ее столкнула я?

— А ты разве не из-за этого пришла? — удивился Виталий. — Я думал, ты беспокоишься. Алена, она ведь запросто на тебя наклепает... К тому же для девчонки ты очень сильная. Но все остальные будут на твоей стороне. Я лично не собираюсь доносить ментам, что вы с Марго вчера поссорились. Это к делу не относится. Честно говоря, я представляю все так. Только это между нами, я ментов наводить на мысль не собираюсь. Конечно, Марго была вчера не одна. Она девка общительная, заводная. Слово за слово, поспорили, что она... ну, к примеру, сумеет перебраться по карнизу. Она азартная, это точно. Полезла и сверзилась. А чего бы не сверзиться, особенно если в тот момент как раз вырубил свет? Естественно, тот... или та... или те... кто ее подначил, они не жаждут про это рассказывать. Затихарились и надеются, что пронесет. Я тоже надеюсь. Марго не вернешь, а нам жить дальше.

Я задумалась. В то, что убийцей Марго сочтут меня, я не верила. За что мне ее убивать? За то, что называла Фросей? Тогда уж скорее Алену, инициатором была она. А вот версия Виталия по поводу пари показалась логичной. Марго и впрямь был не чужд азарт, хотя и странного свойства. Когда она, например, дразнила меня, то вроде бы держала себя в руках и выглядела спокойной, однако я чувствовала, что внутри у нее все бурлит и она ждет-не дождется, когда же я сорвусь.

— Бедная девочка! — прервал мои раздумья Виталий, усаживаясь рядом. — Нельзя быть такой впечатлительной! Хотя что ты можешь сделать со своей художественной натурой? Ты ведь не такая, как все, ты особенная!

Я встала. Голос моего собеседника звучал неестественно нежно, а глаза приобрели то странное выражение, которое всегда меня раздражало.

— Спасибо, Виталий. Я пойду.

У меня возникла идея, которую требовалось проверить. Я поднялась на лифте на последний, девятый, этаж, затем по лестнице еще на один пролет. Вот и наш солярий! Разумеется, солярием мы называем это помещение в шутку. Это фактически часть чердака, только немного приведенная в порядок. Вывеска гордо гласит «Комната отдыха». Предполагается, что здесь мы проводим досуг. Осенью иной раз сюда кто и забредал, особенно пока телевизор не испортился, но теперь царит такой холод, что желающие вряд ли находятся.

Пол отчаянно заскрипел, вызывая у меня нервную дрожь. Я выглянула в окно. Ага! Вон далеко внизу огороженное флажками место. Наверное, там и лежало тело. Я нервно поежилась, отодвигая шпингалет. Рама поддавалась легко, окно сразу отворилось. Похоже, его недавно открывали, иначе мне пришлось бы потрудиться. Предположим, Марго выпала отсюда. Подоконник довольно низкий, если на него облокотишься и закуритесь голова... да, запросто упадешь!

Я закрыла окно и спустилась к себе на третий этаж, но отправилась не домой, а к мальчишкам. Я подразумеваю комнату, где жили Сашка, Илья и Сережа. Они часто навещали нас с девчонками, а

мы их. Нет, абсолютно без всяких глупостей, нормальные товарищеские отношения! Всем известно, что Светке постоянный ухажер ни к чему, у Нельки есть какой-то парень не из наших, а я вообще дурочка. Просто мы общаемся. Обмениваемся конспектами, делимся при необходимости продуктами. Мы иногда что-нибудь парням приготовим, а они приедут нам гвоздь. Взаимовыгодное сотрудничество!

Откровенно говоря, я намеревалась обиняками выяснить у Сашки, не знает ли он чего важного про Марго. Раз они, как оказалось, дружны. Но тут меня ожидал прокол.

— Мы еще не готовы! — из-за закрытой двери сообщил Илья. — Девушки, нельзя же быть такими нетерпеливыми! Мы скоро сами к вам придем, и тут уж вам понадобится масса усилий, чтобы от нас избавиться. Мы, современные мужчины, предпочитаем воевать на чужой территории.

Илья, он вечно шутит. Я вспомнила, что сегодня Восьмое марта, и поспешно ретировалась. Действительно, почему мальчишки должны слишком горевать о Марго? Она им чужая. Наверное, и Сашке тоже — иначе он бы сейчас не веселился, а переживал. Впрочем, может, и переживает — я же не слышала его голоса.

Я вернулась домой. Соседок не было. Воспользовавшись случаем, я решила систематизировать собранные за утро сведения, но не успела. К нам постучались, я разрешила войти, и на пороге возник Макс.

Он выглядел еще интересней, чем я предполагала. Нет, интересней — не то слово. Своеобразней, мужественней, загадочней. Я не в силах этого объяснить! Темно-карие глаза смотрят весело, даже насмешливо. В руках букетик подснежников. Не сухая мимоза, не почти восковые от долгого хранения розы, а нежные, живые подснежники, напоминающие о том, что скоро станет тепло.

Неожиданно насмешка в глазах Макса смешилась изумлением, почти растерянностью, и он вдруг спросил:

— А она настоящая?

— Кто? — не поняла я.

Он осторожно приподнял мою косу, на миг его лицо стало немного детским, но тут же вернулось к привычной взрослости. Отпустив косу, он заметил:

— Тяжеленная! Наверное, трудно такую таскать.

— Я привыкла. Не замечаем же мы собственного веса, а коса — часть меня.

— Насколько я знаю, в общежитии обычно ставят цветы в бутылки, поэтому на всякий случай принес вот это.

Макс протянул мне маленькую вазочку, простую, но очень подходящую к букету.

— Спасибо! — улыбнулась я и побежала в туалет набрать воды. Когда я вернулась, на столе стояли шампанское и торт, а Макс с интересом разглядывал мои абстрактные работы, украшающие комнату. Я специально их нарисовала, чтобы на них отдыхал глаз.

— Твои? — уточнил он. — Я так и думал. Они на тебя похожи. А что-нибудь неабстрактное у тебя есть?

— Конечно. Сейчас я вам покажу.

— Слушай, раз уж я каким-то образом перешел на «ты», придется и тебе. А то я почувствую себя хамом. Или попытаться вернуться на «вы»?

— Как хотите. То есть, как хочешь. Вот мои работы.

Макс переворачивал листы, а меня не покидало ощущение, называемое «дежавю». Это когда кажется, будто живешь по второму разу. Только мое дежавю было особенным. словно в прошлом папку с моими рисунками держал мистер Рочестер, а теперь вот Макс. Удивительное, необыкновенное совпадение!

— Школа у тебя пока хромает, — прокомментировал он, — но это наверстывается быстро. Но вообще я не ожидал... Сколько тебе лет?

— Через неделю уже восемнадцать. Чего вы не ожидали?

— Например, вот эту вещь, увидев в художественном салоне, я бы приобрел, не торгуясь.

Его выбор необычайно меня порадовал, поскольку это была одна из любимейших моих работ, хотя внешне не слишком эффектная. Просто облака, плывущие по небу. Нет, не просто! Я как-то раз посмотрела ввысь и увидела целый прекрасный мир. «Над небом голубым есть город золотой» — помните эти стихи? В песне поется — «под небом», но в оригинале-то «над»! Однако самое

интересное в другом. Когда я показала картину Светке, она, представьте себе, обнаружила на ней не город, а, как она выразилась, «совершенно сложенные мужские торсы». Хотя я об этих торсах, как вы догадываетесь, ни сном ни духом. Тут-то и выяснилось, что каждый находит в облаках свое.

Макс внимательно изучал изображение, и я выпалила:

— А что ты здесь видишь?

— Не скажу, — моментально ответил он. Явно сам удивился подобному ответу, засмеялся и повторил: — Не скажу, Маша. По крайней мере, не сейчас. Но зрелище завораживающее.

— Так бери ее! — предложила я. — А ты что, сам занимался живописью?

— С чего ты взяла?

— Не знаю. Обычно с первого раза на «Облака» не обращают внимания.

Мой собеседник пожал плечами:

— Когда-то учился в художественной школе, только это было давно.

— А что сейчас? — бестактно осведомилась я. Я знала, что скоро пожалею о своей несдержанности, но не в силах была остановиться.

— А сейчас я предприниматель.

— Меня всегда удивляло это название. И что же ты предпринимаешь?

— В данный момент — колоссальные усилия, дабы понять психологию барышни, которой через неделю уже восемнадцать.

Отповедь была произнесена шутливо, однако я ее поняла. Не следует быть такой навязчивой. Макс положил «Облака» на стол, но, казалось, все не мог оторвать от них взгляда.

— Возьми их, пожалуйста! — повторила я. — Раз тебе нравится.

— Только я плохо представляю себе цену, — неуверенно признался он. — Долларов триста? Или этого мало? Я никогда не задумывался над этим вопросом.

— В любом случае моя жизнь, спасенная тобой, куда дороже, — засмеялась я, — так что денег я брать не собираюсь. Триста долларов! Да столько платят члену Союза художников. Я счастлива, когда мне дают двадцать.

— Серьезно? И кто же этот благодетель, который платит тебе столь бешеные деньги?

Я коротко рассказала про Виктора Викторовича с его художественным салоном и принялась упаковывать подарок. В этот момент дверь распахнулась и на пороге показались Светка с Нелькой. Увидев гостя, обе несколько опешили, а Нелька пробормотала:

— Извини, мы не постучались.

— Ничего. Это Макс, а это Света и Нелли.

— Ага! — с выражением произнесла Светка, и внутри у меня похолодело. Она смотрела на Макса так, словно тот был полной сковородой жареной картошки, а она неделю голодала. Я поняла, что моя песенка спета. Светка решила залучить моего гостя к себе в постель, и жизненный опыт подсказывает, что ей это удастся. Иосиф Прекрасный, сумевший в подобной ситуации устоять, — боюсь, большая редкость.

Тут я должна объяснить следующее. У нас со Светкой и с Нелькой хорошие отношения, и мы не желаем друг другу зла. Но у каждого человека, наверное, есть нечто, слишком ему дорогое, чтобы легко этим пожертвовать. Нелька, например, падкая на модные тряпки. Она из тех, кто готов полизать перед Аленой, дабы получить в дар ее поношенную жилетку. Зато отбивать чужого кавалера вовек не станет, не тот у нее характер. У нее есть постоянный парень, она с ним регулярно встречается, и ей этого достаточно. Светка совсем другая. Она любит модную одежду, однако отнюдь не до потери пульса, а вот знакомить ее с безразличным тебе мужчиной — огромная глупость. Каковую я и совершила.

Я молча наблюдала, как Светка усаживается рядом с Максом, прижимаясь к нему бедром. Зрелище не для слабонервных! К счастью — или к несчастью — вскоре мне пришлось от него отвлечься. В дверь постучали, и я с удивлением увидела Наташу и Алену.

— Мальчики почему-то попросила нас зайти к вам, — сообщила Наташа. — Мы не помешали?

— Конечно, заходите, — кивнула Нелька.

На Алене, что называется, лица не было, и я почувствовала укоры совести. Мальчишки сообразили, что девочкам, только что пережившим гибель соседки, требуется отвлечься, а я думала только о себе. Все-таки хорошие у нас парни!

Они были легки на помине — Сашка, Илья и Сережа. Сутуловатый смешной Сашка в очках,

вечно иронизирующий Илья и Сережа — несколько старше остальных, лет, наверное, двадцати пяти, энергичный жизнерадостный брюнет. Он всегда был в делах, и я не так уж близко его знала.

Естественным образом все взгляды сфокусировались на Максе — никто не ожидал увидеть посторонних, — и Светка грудным, мурлыкающим голосом сообщила:

— Макс, Машкин знакомый.

Тут же взгляды переместились на меня. Я представила Максу наших гостей. Парни явно немного растерялись. Первым, разумеется, нашелся Сережа.

— Прежде всего — вот, — он вытащил из-за спины букет мимозы. — Это вам, девчонки. Чтобы и вы были такие же красивые да ароматные.

Мимоза выглядела не слишком юной, а ее аромат имел парфюмерный оттенок, однако я придерживаюсь мнения, что дорог не подарок, а внимание. Только все равно, какой контраст между нашими мальчишками — добрыми, но обыкновенными — и Максом, не похожим ни на кого другого!

Я вздохнула, уголком глаза заметив, как Светка что-то нашептывает моему спасителю на ухо.

— Вот именно, — кивнул Илья. — Что за намеки, Серый? Хочешь сказать, нашим девушкам не хватает красоты с ароматностью? Да они могут конкурировать с целым вагоном коллекционных роз! Ведь каждая из них — единственный, уникальный экземпляр. Именно поэтому мы и заготовили каждой единственный и неповторимый подарок. Сашка, ты чего тормозишь? Давай!

Сашка и впрямь казался заторможенным. Наверное, переживает из-за гибели Марго. Я порадовалась, что не сумела прорваться к нему и задавать вопросов. Нельзя травить человеку душу. Зато Илья превзошел сам себя. Он словно летал на крыльях.

Упорно не открывая рта, Сашка протянул Илье папку.

— Это кому? — голосом ярмарочного зазывалы выкрикнул последний и продемонстрировал нам лист ватмана, на котором я с радостным удивлением узрела Светку. Она, полуодетая, на высоченных каблучках, весело выплясывала что-то на помосте, сложенном... я присмотрелась... сложенным из мужчин! Причем в этих мужчинах угадывались наши знакомые, включая авторов замечательного плаката.

— Дайте! — завопила Светка, в реальности тоже начиная приплясывать и забыв про Макса. — Дайте это мне! Отпад! Я вас всех люблю!

И она звонко расцеловала мальчишек в щеки. Они явно были довольны, даже Сашка улыбнулся.

— А это кому? — продолжал зазывать Илья. — «А теперича мы откроем модный магазин»!

«Бегемот из «Мастера и Маргариты», вот кого он пародирует», — сообразила я.

Следующий лист и впрямь изображал магазин, ломящийся от роскошной одежды. Несколько нарушая реалистичность картины, в центре салона помещался шикарный автомобиль, из которого вылезла Нелька в мехах.

— Это, по-вашему, я такая тряпичница? — кокетливо улыбнулась Нелька.

— Не тряпичница, а истинная женщина, — возразил Илья. — Есть женщины, которые думают об одежде. Есть, которые не думают вообще. Третьего не дано.

— Это ты, по-моему, загнул, — вмешался Сережа, покосившись на меня.

— Да, — гордо кивнул Илья. — Я такой. Ради красного словца не пожалю и отца, а уж женщину в ее праздник — тем более. Итак, наш лот номер три. То самое третье, которое не дано!

Ну, разумеется, я стояла на фоне старинного монастыря, вырядили меня в древнерусский сарафан, а в руки дали коромысло. Только на нем висели не ведра, а огромное количество картин. Правильно, ведь главное в жизни для меня не мужчины и не тряпки, а призвание. Или я не имею право так думать, учитывая Макса? Нет, имею. Он для меня не один из мужчин, которых я хотела бы заполучить. Он — единственный, а это совсем другое. Итак, для меня главное — призвание и любовь, только о последнем мальчишкам знать неоткуда.

— О чем задумалась, Машка? — поинтересовался Сережа.

— О том, насколько хорошо вы нас всех знаете. Спасибо!

— Лот номер четыре... — тихо произнес Илья почему-то без привычных прибауток. — Вот...

Томная, скучающая Алена восседала на троне лицом к нам, а передний план картины был заполнен склоненными затылками придворных.

— Мило, — сообщила Алена, протягивая руку, куда Илья услужливо вложил подарок. — Наивно, но мило. Теперь садимся за стол? У меня есть настоящее виски, купленное за границей.

Наташа, кажется, оно в холодильнике, сбоку.

Наташа повернулась, чтобы сходить к себе, но я ее остановила.

— Так еще же не все! — напомнила я, глядя на Илью. Он недоуменно вскинул брови. Тогда я посмотрела на Сашку, и тот вдруг начал краснеть. Я и не думала, что парни на это способны. Девчонки, те да, а чтобы парень за несколько секунд стал совершенно багровым? За эти же несколько секунд сумела удивить меня и Наташа. У нее из глаз брызнули слезы. В буквальном смысле — только что их не было, и вдруг брызнули. Только тут до меня дошло. Ей не было заготовлено рисунка!

Наташа выбежала из комнаты, я за ней.

— Наташа! — чувствуя себя на редкость отвратительно, прошептала я, обнимая ее за шею. — Прости меня, я не нарочно!

— При чем здесь ты? — всхлипнула Наташа. — Но почему он... он...

— Он тоже не нарочно! Он просто забыл, понимаешь?

— Да. Просто забыл. Хуже ничего быть не может.

Я оцепенела. Разумеется, она права! Нет ничего хуже равнодушного невнимания любимого человека. Пусть осуждает тебя, ругает, лишь бы думал о тебе хоть немного! Только при чем здесь любимый человек? Это же просто наши мальчишки. А, поняла. Меня смутило, что Наташа произнесла не «они», а «он». Значит, один из них ей гораздо дороже остальных. Интересно, кто? Кого она выбрала, забыв, слава богу, неверного Виталика? Сашку? Илью? Сережу? Но не спросишь же, правда? И без того мой длинный язык натворил сегодня бед.

— Пойдем к нам! Пусть они видят, что ты не обиделась.

— Нет, не пойду. Вот тебе виски, а я останусь здесь.

— Тогда и я останусь здесь. Еще я понесу виски для Алены! А сама она сходить не может?

— У Алены горе.

— Наташа, ты очень добрая! — горячо воскликнула я. — А я так не могу. От ее «наивно, но мило» меня просто передернуло! Почему она такая высокомерная?

— Ее так воспитали, Маша. Потом, она москвичка, и все мы для нее провинциалы. Слышала — «Москва для России то же, что Америка для всего мира»? Это Задорнов сказал.

Я не успела ответить. В дверь постучали, и появился Макс, держа в руке дивной красоты розу. Ее длинный, гордый стебель увенчивал темно-бордовый, почти черный роскошный цветок.

— Это тебе, — протянул Макс подарок Наташе. — Коллекционная роза.

И улыбнулся так, что у меня сердце забилося часто-часто. Наташа, зардевшись, взяла розу и поставила в бутылку. Я вспомнила, что произнес Макс, преподнося мне вместе с фиалками вазочку, и украдкой на него взглянула. Впрочем, украдкой не получилось, поскольку в тот же миг он взглянул на меня.

Мы взяли виски и вернулись к компании, однако сесть за стол нам опять не удалось. В комнату ворвался Виталий, всполошено обвел всех глазами и выдал:

— Алена, к ментам. Теперь твоя очередь.

— К ментам? — удивился Макс. — В каком смысле?

— Да у нас одна девчонка вчера вывалилась из окна, — бодро пояснила Светка. — Виталик вот ее нашел. А Алена, она ее подруга.

— Что, насмерть? — нахмурился Макс.

— А вы считали, наполовину? — грубо, совершенно не в своем стиле рявкнул Виталий.

— Я ничего не считал и считать не собираюсь, — холодно уведомил Макс. — Ведь ее обнаружили вы, молодой человек, вам и карты в руки.

Готовую начаться ссору предотвратила Алена, слабым голосом уточнив:

— И куда мне идти?

— В солярий. Они засели там. Баба и мужик. Тебе, конечно, лучше иметь дело с мужиком. Баба довольно ушлая, хотя я, похоже, сумел ей понравиться.

— И что за мужик? Провинциальный совок или хоть немного похож на человека?

Господи, как я не люблю Алену! Это грех — так сильно не любить. У Алены несчастье, я должна ей сочувствовать. Почему Наташа добрая, а я злая?

Пока я размышляла, Алена с видом отправляющейся на плаху жертвы удалилась. Настроение наше утратило праздничность.

— Как вы думаете, — спросила я, — мне надо будет пойти к ним и рассказать все, что знаю?
— А ты что-то знаешь? — изумился Сашка.
— Ну, не то, чтобы знаю, просто удивляюсь. Совпадению, понимаешь? Совпадению с тем, что было три дня назад.

— А что было три дня назад?

Светка, недовольно фыркнув, заявила:

— У Машки буйное воображение. В живописи это неплохо, а в жизни создает кучу проблем.

— Маша вспоминает, как три дня назад обнаружила кого-то в коридоре, — поспешила внести ясность разумная Нелька. — Ей кажется, это как-то связано со смертью Марго.

— Почему связано? — заинтересовался Сережа.

Я вздохнула.

— Я не утверждаю, что связано, я только выдвигаю предположение. Три дня назад отключили свет, и я обнаружила в коридоре тело. Возможно, мертвое. Потом оно исчезло, остался только билет в театр, причем почему-то для иностранца. А вчера снова отключили свет, и Марго выпала из окна. Милиционеры знают только про вчерашнее. Должна ли я рассказать им про то, что случилось три дня назад? Вдруг им это поможет? В конце концов, что мы теряем? Если данные вещи не имеют друг ко другу отношения, пускай это выяснится.

— А в процессе выяснения на кого-нибудь выльется больша-а-ая куча грязи, — прокомментировал Сережа. — На того несчастного, которого угораздило в пьяном виде попасться тебе под ноги.

— Вот именно! — поддержал приятеля Сашка. — Мои слова ей, что о стенку горох, может, хоть тебя послушает.

— погоди! — возмущенно прервал его Виталий и обернулся ко мне. — Я, значит, изо всех сил скрывал ваши ссоры с Марго, чтобы тебя не подставить, а ты собираешься сама обратиться к ментам? Дурака из меня делаешь?

Я растерялась. Неужели все против меня? А Макс?

— Если откровенно, — с неохотой ответил он на мой вопрошающий взгляд, — не думаю, что кому-либо... даже такому кристальному человеку, как ты... стоит без причины привлекать к себе внимание милиции. Надеюсь, те, кто занимается уголовными преступлениями, отличаются от гаишников или налоговиков, и тем не менее... Попадешь им в компьютер — потом поди отмойся.

— Это точно, — кивнул Илья. — Ты, Машка, витаешь в облаках, так хотя бы слушай советы старших товарищей. Пока ты живешь не на д небом, а по д, должна приноравливаться.

Его слова прозвучали удивительно по-дружески, хотя и шутливо. Тут же инициативу перехватил Макс:

— Я правильно понял — ты просто-напросто наткнулась на кого-то в коридоре, так? В темноте? Или у тебя есть основания считать, что этот человек был мертв и что это происшествие связано со смертью вашей девочки? Если основания есть, тогда ситуация меняется.

Я пожала плечами.

— Что считать основаниями, Макс? Мне не показалось, что это был пьяный. Я решила, без сознания.

— А ты так хорошо можешь отличить? Тем более, в темноте.

— Нет, не могу.

— Так стоит ли озадачивать милицию несуществующими проблемами?

— Не факт, что эти проблемы не существуют, — вдруг раздраженно вставил Сашка. — У Машки есть чутье.

— Спасибо, — обрадовалась я, но он тут же пошел на попятный:

— В любом случае, все это не нашего ума дело. Мы художники, а не сыскари. Кстати, Виталик, Марго была под градусом или нет?

— Похоже, нет. Я прямо спросить побоялся, но сделал вывод по поведению ментов.

— С ментами чем меньше иметь дела, тем лучше, — вставила Светка.

Все смолкли. Я задумалась. Итак, кто призывает меня не лезть? Светка с Нелькой, Сережа с Ильей, Виталий. Сашка, в общем-то, тоже, правда, не совсем последовательно. Он вообще сегодня какой-то нервный. И, самое главное, Макс. Макс считает, я не должна вмешиваться, чтобы себе не навредить. Разумеется, это чепуха — правда навредить никогда не может. Важно другое: раз Макс

боится за меня, значит, я ему небезразлична? Я была бы счастлива, если б так! Кстати, а вот один человек пока не высказывался. Это Наташа.

— Наташа, а как считаешь ты? Я должна обратиться к милиционерам?

— Что? — подняла голову та. — А, к милиционерам... Не вижу смысла.

Моя последняя надежда на поддержку рухнула, однако судьба не заставила решать, как в подобной ситуации поступить. Судьба приняла облик Алены, лениво сообщившей:

— А теперь твоя очередь, Фрося. Менты тебя ждут.

— Машку? — словно не веря своим ушам, уточнил Сашка. — Ее?

— Да.

— Но... но почему ее? Какое она отношение имеет к Марго?

Алена лишь передернула плечами.

— Что ты про нее наболтала? — гневно наседал Сашка. — Это ты устроила, не сомневаюсь!

— Я? — вздернула брови Алена. — Я обычно выбираю более интересные темы для беседы, даже с ментами. Фрося — это такая скука.

Макс чуть нахмурился, видимо, не до конца понимая, обо мне ли идет речь. Он не знал, что в глазах Алены я Фрося. Я молча достала найденный три дня назад театральный билет и отправилась в солярий.

Там и впрямь расположились двое — женщина и мужчина. Оба лет, наверное, сорока. Женщина очень худая, коротко стриженная, с довольно ехидным выражением лица, мужчина, наоборот, несколько расплывшийся и на вид добродушный.

— Здравствуйте. Вы Маша Архангельская? — уточнила женщина. — Я следователь, Ирина Станиславовна Долинина, а это капитан Трофимов.

— Сергей Михайлович, — представился мне капитан. — Зовите меня по имени-отчеству. Зачем нам с вами эти звания, правда?

Я неуверенно кивнула. Его фамильярность несколько меня смутила. Впрочем, распорядилась в основном женщина.

— Вы, я полагаю, догадались, о чем будет идти речь, — начала она.

— О Марго, — кивнула я. — Правильно?

— Да, о Маргарите Петровой. Вы ведь хорошо ее знали?

— Не уверена. Вы только что говорили с Аленой, вот она ее знала. Они подруги.

— А вы? Какие у вас были отношения с Петровой?

— Она очень меня не любила, — объяснила я.

— А вы ее?

Я задумалась.

— Наверное, тоже. Я старалась ее избегать. Она меня дразнила.

— Дразни-и-ила? — повторила Долинина таким тоном, что мне стало стыдно за употребленное детское слово. — И за что?

— За провинциальность, — стараясь более тщательно подбирать выражения, ответила я. — За то, что я из Каргополя.

— А сама Петрова из Кемерово. Согласитесь, ей было бы странно не любить вас по названной причине. Возможно, есть другие?

Меня вдруг словно обухом по голове ударило. А ведь точно! Алена еще могла ненавидеть меня из-за моей провинциальности, но никак не Марго! Однако ее ненависть ко мне — несомненный факт. Другие причины... Почему я не подумала об этом раньше? Какая же я дура! Вдруг причина была из тех, которые вполне можно устранить? Вместо того, чтобы огрызаться, мне следовало подойти к Марго и прямо спросить, что именно во мне ее раздражает. Если это нечто несущественное, я бы попыталась измениться, и Марго бы успокоилась. Вот как поступил бы на моем месте всякий разумный человек. А я не догадалась, и теперь уже ничего не поправишь.

— Что случилось, Маша? — неожиданно вмешался Сергей Михайлович.

— Извините. Я поняла, что не знаю, за что она меня не любила. Я не сообразила, что, раз она из Кемерово, то действительно... Но, в конце концов, разве это теперь важно? Она умерла.

— Итак, причину конфликта назвать не можете, — резюмировала Долинина. — А непосредственно перед смертью Петровой между вами были ссоры?

Я напрягла память, но, кроме встречи с Максом, ничего из событий последних дней на ум не

шло. Я пожала плечами.

— Нам ведь все известно, так что советую быть искренней, — сообщила следователь.

Я изумилась.

— Ну, конечно. Если вы мне напомните, то я, наверное, вспомню.

— Речь шла о вашей одежде.

— Об одежде со мной говорили соседки по комнате, Светка и Нелька, а не Марго. Хотя да, наверное. Простите, но я точно не помню. Я, наверное, не придавала большого значения.

— Да-а-а? — протянула Ирина Станиславовна. — Вы хотите сказать, вам безразлично, как отзываются о вашей манере одеваться? Вы это серьезно?

— Нет, не безразлично, — возразила я. — Девчонки вчера даже довели меня этим до слез. Но это потому, что я от них не ожидала. Понимаете, когда с кем-то в хороших отношениях, то острее воспринимаешь критику с его стороны. А когда понимаешь, что тебя кто-то не любит, и ты его не больно-то любишь, то стараешься просто не принимать слова этого человека близко к сердцу.

— Итак, вы совсем не обижались на Петрову, — скептически заметила моя собеседница.

— Когда нарочно обижают, трудно не обижаться, — глянув ей прямо в глаза, возразила я. — Но, если это делает безразличный тебе человек, сильно переживать по данному поводу не станешь.

— Bravo, Маша! — засмеялся Сергей Михайлович. — Ира, не ломись в открытую дверь. Насчет ваших отношений с Петровой мне все ясно. А, кроме вас, у нее были с кем-нибудь конфликты?

— Наверное, нет. По крайней мере, я не знаю. Но три дня назад у нас случилось одно странное происшествие. Можно, я расскажу?

— Ну, конечно.

Я в который раз поведала сагу о найденном теле, подкрепив ее вещественным доказательством в виде иностранного билета в театр. У Сергея Михайловича сага моя имела несомненный успех. Капитан расспросил о каждой мелочи и даже забрал себе билет, горячо одобрив, что я его сохранила. Небольшая заминка произошла лишь, когда Ирина Станиславовна ехидно осведомилась, почему это я торчала в коридоре, а не пошла в свою комнату. Мне не очень хотелось признаваться, что в комнате Светка развлекалась с любовником. Вдруг ей было бы неприятно, что я болтаю на подобную тему? Но Сергей Михайлович пообещал, что не станет распространять эту информацию по общежитию, и я предпочла не скрытничать.

— Раз вы решили оказывать такую активную помощь следствию, — снова вмешалась Долинина, — вы не будете возражать против того, что мы возьмем у вас отпечатки пальцев?

Я вообще не догадывалась, что милиции можно по данному вопросу возражать, и потому лишь кивнула.

— Но зачем это вам? — рискнула поинтересоваться я, едва странная процедура завершилась. — С чем вы хотите их сравнивать?

Ирина Станиславовна с холодным, однако нескрываемым удовольствием изучала свой трофей. Сергей Михайлович искоса глянул ей через плечо, затем, нахмурившись, обратился ко мне:

— Скажите, Маша, а вот этой комнатой, где мы сейчас, ею часто пользуются?

— Зимой — нет, здесь очень холодно, — объяснила я и, освежив в памяти свои недавние предположения, выпалила: — Так вы считаете, Марго упала отсюда? Знаете, мне тоже так кажется. Я забыла сказать, что когда я с утра проверяла вот это окно, оно очень легко открылось. Слишком легко. Вот это, видите!

— Значит, вы забыли сказать, что открывали это окно, — холодно прокомментировала Долинина. — А теперь вот вспомнили — ни с того, ни с сего.

— Просто раньше вы на эту тему не заговаривали, а когда заговорили, я и вспомнила. Я не понимаю, что вас удивляет.

— Меня уже ничего не удивляет. Итак, когда вы проверяли это окно? Во сколько?

— Я точно не помню. Наверное, около двенадцати.

Лишь тут до меня дошло.

— Конечно, на этой раме есть сейчас мои отпечатки. Но вчера их не было.

— Это ведь логично, — глядя на коллегу, заметил Сергей Михайлович. — Мы прибыли сюда в четырнадцать.

Ирина Станиславовна подняла брови, и я почувствовала прилив злости.

— Уж не считаете ли вы, — воскликнула я, — что я вытолкнула Марго из окна за то, что ей не

нравилась моя одежда? По-вашему, это достаточный повод для убийства?

Сергей Михайлович мрачно пробормотал:

— «Она назвала меня плохим словом, в связи с чем я нанесла ей двенадцать ножевых ударов».

Это цитата из заявления подследственной.

— Так ваша подследственная, наверное, больная, — предположила я. — В смысле, душевнобольная. Иначе и быть не может! Если бы нормальный человек убивал по подобной причине, человечество давно бы вымерло.

— Человечество довольно быстро размножается, — пояснила Долинина. — А ревность вы полагаете достаточным поводом для убийства?

Я добросовестно принялась размышлять. Мне лично вообще трудно представить, за что можно убить человека. У меня это не укладывается в голове. Но, если судить по художественной литературе, ревность — страшное чувство, и оно способно лишать рассудка.

— Да, — согласилась я, — ревность может стать поводом. Только у Марго никого не было. В смысле, она не дружила ни с одним парнем. Кто мог ее ревновать?

— А вы не догадываетесь?

— Если бы догадывалась, не спрашивала бы, — стараясь скрыть нарастающее раздражение против собеседницы, сообщила я и повернула голову к Сергею Михайловичу.

— А разве Петрова не дружила с Александром Марковым? — улыбнувшись, уточнил он.

Я пожала плечами.

— Еще вчера я бы твердо ответила, что нет. Но сегодня мне сказали, что вроде бы они часто общались. Только вряд ли это был роман. Зачем Марго роман с таким, как Сашка? Она бы выбрала кого-нибудь покруче.

Капитан подмигнул.

— А что, этот ваш Сашка, он совсем несимпатичный?

— Нет, он ничего, — вступилась я. — И главное, человек хороший. Только он совсем мальчишка. Он, наверное, и не думает еще ни о какой любви. Я уверена, что не думает!

Сашка — и любовь... Смешно!

Долинина кинула на меня взгляд, полный нескрываемого отвращения, и протянула:

— Да-а-а? Значит, он не думает о любви? И вы наверняка тоже?

Я покраснела. Какое ей дело до меня и Макса? Не стану отвечать, и все тут!

На помощь ко мне снова пришел Сергей Михайлович.

— Спасибо за ваши честные и исчерпывающие показания. Подпишитесь, пожалуйста, вот здесь. Да, и попросите прийти к нам вторую соседку Петровой... ее зовут Наталья Денисова, так?

Я расписалась и вышла. Прикрыв дверь, я остановилась, поскольку почувствовала, что меня трясет. Требовалось хоть немного прийти в себя. Я не собиралась подслушивать, честное слово! Но вдруг услышала.

— Какие же вы, мужики, ослы, — в сердцах произнесла Ирина Станиславовна. — Смазливое личико, коса да простодушное хлопанье глазками — и вот перед вами святая невинность.

— Девочка была совершенно искренна, — устало возразил капитан. — И потом, она по своей инициативе принесла нам билет. По билету мы сможем узнать, в какой гостинице он куплен. Или через какую турфирму. Если мы сможем связать его с Юханом Свантесоном, то...

— Билет — ложный след, а Свантесон — это совпадение. Таким, как эта девица, всегда везет. Петрова увела у нее парня, а она притворяется, будто ей все равно. Ты не знаешь женщин, Сережа. Если женщина делает вид, что забыла, как другая женщина критиковала ее одежду, поверь мне, она врет. Святая невинность! Вот уж, не удивлюсь, если она стоит сейчас под дверью и подслушивает. С нее станется!

— Ты преувеличиваешь, Ира.

Я отскочила, словно ошпаренная, и бросилась вниз по лестнице. Сердце бешено колотилось, в голове царил сумятица. Надо сосредоточиться и все обдумать, понять... Но сперва отправить в солярий Наташу, раз пообещала. Наверное, она по-прежнему у нас?

Ситуация, которую я обнаружила дома, не поправила моего настроения. Алена, Илья и Сережа ушли, Наташа беседовала с Сашкой, Нелька с Виталиком, а Светка развлекала Макса. Она успела облачиться в коротенький халатик без пуговиц, к тому же уселась так, что трудно было не заметить миниатюрные кружевные трусики — равно как и большую часть того, что находилось под ними. В

результате Сашка, например, явно стеснялся отвести глаза от собственных ботинок. Что касается Макса, тот не проявлял подобной деликатности. Оживленно о чем-то разговаривал, а при виде меня смолк.

— Ну, что? — раздраженно обратился ко мне Сашка.

— Они просят в солярий тебя, Наташа, потому что ты соседка Марго по комнате, — пытаюсь сохранять спокойствие, передала я.

Она, молча кивнув, удалилась. Сказать, что мне было плохо, значит сильно преуменьшить нахлынувшую на меня тоску. Гибель Марго, отвратительные подозрения Долининой, а теперь еще уверенность, что я теряю любимого человека, едва успев его повстречать — причем, как это ни стыдно, именно последнее было для меня ужаснее всего остального.

Смотреть на Светку с Максом я не хотела, поэтому повернулась к Сашке. Что-то в выражении его лица заставило меня спросить:

— А скажи, отчего мужчины ругаются матом?

— От злости, — ничуть не удивившись, пояснил он.

— И это помогает?

— Ну... в некотором роде.

— А научи, пожалуйста, меня. Ты ведь умеешь?

Бедный Сашка откровенно растерялся.

— Тебя? — пролепетал он. — Ты что? Зачем тебе?

— Ты же уверяешь, помогает, — улыбнулась я. — Вот и использую при случае. Все лучше, чем мебель крушить.

— Приехали, — констатировал Виталик. — Ты, Машка, думай, о чем просишь. Чтобы при тебе материться, нужны нервы покрепче, чем у Сашки. Я, и то не взялся бы. Да и ты, как до дела дойдет, пожалеешь.

— А вдруг мне понравится? — заявила я. Меня несло. Я затылком чувствовала, как Светка обольщает Макса, и несла всякую чушь, лишь бы отвлечься.

— Зато нам не понравится. Ты и мат — идиотское сочетание. Это что, тебя Ирина Станиславовна доконала? Я сразу понял, что она баба сексуально неудовлетворенная. Ты не бери в голову. Просто ей любая молодая девчонка — кость в горле. Ничего у нее против тебя нет и быть не может.

Его слова пролетали мимо моего сознания, не оставляя следа. Я думала о другом. Меня терзала мысль, что самое правильное, что я могу сделать — это оставить Макса со Светкой наедине. Чему быть, того не миновать, так пускай оно случится поскорее! Еще минута неопределенности — и я умру.

— Схожу-ка я проветрюсь, — сообщила я. — А то весь день в четырех стенах.

— Хорошо, что я необидчивый гость, — с легкой иронией заметил Макс, вставая. — Похоже, я тут у вас засиделся?

— Ничего подобного! — бурно запротестовала Светка. — Они все хотят гулять, а я нет. И ты, наверное, нет? Оставайся!

Она сделала быстрое движение опытного фокусника на арене цирка, и халат будто случайно распахнулся, обнажив неожиданно яркий сосок.

— Класс! — не выдержав, восторженно выставил большой палец Виталик, но тут же зажал сам себе рот, не желая портить чужую игру.

— Ой! — притворно застеснялась Светка, прикрывая грудь ладошкой и весело подмигивая парням. — Вечно забываю про этот дурацкий халат!

Сашка, покраснев, невнятно что-то пробормотал и, не подымая глаз, выскочил из комнаты. Виталик одной рукой обнял за плечи Нельку, другой меня, и повлек нас к двери. Время остановилось, и за одну неимоверно долгую секунду я увидела, как Макс внимательно и без тени смущения оглядывает Светку с головы до пят, потом усмехается и спокойно произносит:

— Машка, ты ведь проводишь меня хотя бы до лифта?

Ноги мои подкосились, но твердая рука Виталика поддержала меня, а спустя мгновение я поняла, что в силах идти сама.

— Может, прогуляемся вместе? — предложил Макс у лифта. — А потом я провожу тебя досюда. Печальный опыт подсказывает, что одну тебя отпускать нельзя. Или, хочешь, заглянем в

какое-нибудь кафе? Или в кино?

Светило солнце, и я предпочла прогулку. Смерть Марго, допрос — все отступило куда-то далеко-далеко, стало неважным и неинтересным. Мы бродили по заснеженным улицам, и я была счастлива. Ничего мне больше в жизни было не нужно, только знать, что дороге нашей не будет конца.

— Ну, вот мы и снова у твоей общаги, — улыбнулся Макс. — Уже поздно, а тебе небось завтра рано вставать. Беги!

Я почему-то была почти уверена, что он назначит новую встречу, однако ошиблась. Мы расстались, ни о чем не договорившись. Я по-прежнему не знала, где он живет, поэтому, даже мучительно захотев, не сумела бы его найти. Наверное, так было лучше. Это поможет мне сохранить остатки достоинства и не навязываться человеку, которому я, вероятно, не слишком-то нужна.

С подобными мыслями я медленно брела по коридору, опустошенная и усталая.

— Явилась, не запылилась, — мрачно прокаркали у меня под ухом.

Я подняла голову. Сашка! Он сегодня на удивление недружелюбный, прямо-таки на себя не похож. Переживает из-за смерти Марго? Или и впрямь, как предположила Долинина, влюблен в меня и потому ревнует? Впрочем, она вовсе не предполагала, будто он в меня влюблен. Она утверждала, что Марго увела его у меня. Подразумевается, что у нас с Сашкой когда-то была любовь, а теперь он предпочел мне другую.

Я внимательно оглядела высокую сутулую фигуру, какую-то по-детски нескладную, растерянные глаза за толстыми стеклами очков, вспомнила, как смущали бедного парня сегодняшние демарши Светки. О какой любви тут может идти речь? Смешно!

Тем временем Сашка не менее внимательно оглядывал меня, и мой унылый вид явно его смягчил.

— Ты так и не рассказала, чем тебя так допекла следователь, — совсем другим, сочувственным тоном произнес он. — Расскажи мне, и я объясню, есть ли основания для тревоги. Со стороны ведь виднее.

— Следователь? — глупо переспросила я. Вся эта ситуация как-то вылетела у меня из головы, оттесненная более важным — отношениями с Максом. Но теперь, после Сашкиного вопроса, во мне неожиданно проснулась совесть. Вчера вечером убили человека — я теперь почти не сомневалась, что Марго именно убили, — а я, видите ли, переживаю из-за того, что некий мужчина не счел меня достаточно привлекательной, чтобы договориться о встрече, зато смерть одноклассницы стала мне безразлична. Нехорошо, непорядочно! Надо взять себя в руки и сосредоточиться не на себе, а на окружающем мире.

— Давай сядем вон туда, там нам не помешают, — предложил Сашка. — Так что?

Я постаралась собраться с мыслями.

— Во-первых, Марго, наверное, была трезвой. По крайней мере, про алкоголь мне ничего не говорили.

— Несомненно, — кивнул Сашка. — Пока ты гуляла, прилетели ее родители из Кемерово, а уж им, полагаю, рассказали правду. А родители, в свою очередь, передали все Алене. Никакого алкоголя или наркотиков в крови. Кроме того, Марго вроде бы не становилась ногами на подоконник, а перевалилась через него животом, понимаешь? Какая-то там экспертиза это показала. В трезвом виде таким образом выпасть трудно, на самоубийство тоже непохоже. Отрабатывается версия убийства. Разумеется, убийцу ищут среди близких знакомых.

— Почему?

— А ты подумай! Стоишь ты у окна, и к тебе подходит малознакомый человек. Что ты сделаешь? Повернешься к нему лицом, ведь так?

— Да, конечно.

— Ну, вот. А лицом к лицу вытолкнуть не так-то просто. Даже будь убийцей сильный мужчина, завязалась бы борьба, а никаких следов борьбы не обнаружено. Судя по всему, Марго неожиданно вытолкнули сзади. Раз — и все. Это мог сделать только тот, кого она близко знала.

Я поразились Сашкиной логике.

— Ты совершенно прав. Я бы в жизни не додумалась! Значит, ее все-таки убили?

— Интуиция тебя не подвела. Ты ведь сразу это предполагала?

— Ох, бедные ее родители! — вздохнула я. — Не знаешь, у них есть еще дети?

— Нет, Марго единственная.

— Ужасно! Не представляю, что стало бы в подобной ситуации с моими. Неужели кто-то мог ее убить? Тем более, знакомый. В голове не укладывается!

— Тем не менее это так. Ладно, вернемся к нашим баранам. Так о чем тебя спрашивали на допросе?

— О моих отношениях с Марго. Дружили мы или нет. Я, разумеется, сказала правду. И знаешь, что интересно? Они спросили, за что она меня ненавидела, я ответила, что за провинциальность, так? И следователь, Ирина Станиславовна, сказала: «Раз Марго из Кемерово, она тоже провинциальная, поэтому причина ее ненависти в другом». Мне это раньше как-то в голову не приходило, но ведь это правда! Я долго думала, но так и не смогла понять, за что же она на самом деле меня невзлюбила.

— Да? — странным тоном осведомился Сашка. — Ты действительно не можешь этого понять?

— Ну, конечно! А ты что, можешь?

— Несомненно, — с мрачной иронией подтвердил он. — Уж эту тайну я тебе открыть могу.

— Так открой.

— Они тебе завидуют. Обе — и Марго, и Алена. Лютой и черной завистью.

Я, не выдержав, засмеялась.

— Придумал! За что им мне завидовать? Обе такие... наверное, это называется «элитные», да? Вон Алену вы и вовсе нарисовали сегодня королевой. А я — крестьянка с коромыслом.

— Ты обиделась на крестьянку? — удивился Сашка.

— Нет, конечно. Это же правда, а на правду не обижаются.

— Как раз на правду-то и обижаются, Машка. Все очень просто. Они завидуют твоему таланту. Еще душевной цельности, полагаю.

— А я талантливая? — обрадовавшись, переспросила я. — Спасибо! Скажи мне это еще раз, можно?

— Ты очень талантлива, не исключено, что гениальна, — довольно скучным тоном повторил Сашка.

— Про гениальность не надо, а то я решу, что ты издеваешься. А про талантливость слушать ужасно приятно. Прямо настроение сразу улучшилось!

Собеседник внимательно посмотрел мне в глаза.

— А ты что, действительно сомневаешься в своем таланте? Или это кокетство?

Я сосредоточилась, чтобы ответить поточнее.

— Нет, иногда я уверена, что талантлива, даже очень. Когда рисую, у меня бывает чувство, что я... мне трудно объяснить... что я на седьмом небе... в сказке... я — волшебник, который может все, понимаешь? Я могу то, что не может ни один человек, кроме меня. Поэтому рисуешь, рисуешь без остановки... словно именно ты выбрана для того, чтобы открыть всем, как красив мир. А потом... потом глянешь на результат своих трудов — и ужаснешься. Мне удается передать такую малую часть из того, что хотела бы, что иногда просто руки опускаются. Думаешь — а тем ли я в своей жизни занялась? Какой из меня художник? Бездарь я, вот кто. А через пару дней рисунок вдруг начинает казаться не таким уж плохим, и снова надеешься, что хоть небольшие способности у тебя есть.

— Способности? — хмыкнул Сашка. — Если бы Алена имела хоть сотую долю твоего таланта, она бы уже устраивала себе персональные выставки в Манеже.

— У них с Марго техника куда лучше, чем у меня, — напомнила я.

— Да к черту технику, к черту гипсы! Этому можно обучить и зайца. Ты знаешь, кого мне напоминаешь? Надю Рушеву. Не столько манерой, сколько оригинальностью и бесспорностью очень раннего таланта.

— Спасибо!

— Не так уж это здорово, — вздохнул Сашка. — Во сколько там она умерла, в семнадцать? Не исключаю, что это расплата.

— В семнадцать, — тоже вздохнула я. — А мне через неделю восемнадцать, а я еще ничего не сделала. Если бы я сумела выразить себя так полно, как она, я, конечно, тоже согласилась бы умереть.

— Не носи чуши! — резко прервал меня Сашка.

— А что? — удивилась я. — А ты бы не отдал все на свете за возможность создать истинные шедевры — такие, как мечтаешь? Я думаю, каждый художник отдал бы.

Явно смягчившись, мой собеседник заметил:

— Наверное, в этой твоей наивности и заключен источник дара. Тут уж Алена с Марго могут не дергаться — посмотреть на мир твоими глазами им не грозит.

— По-твоему, раз я говорю с тобою откровенно, так сразу наивная? — немного обиделась я. — Я не такая глупая, как вам всем кажется, просто не люблю притворяться.

— Ладно, успокойся, я не имел в виду ничего плохого. Просто объяснил, что девчонки ненавидят тебя из зависти, и, поверь мне, это несомненный факт. Значит, тебя спросили об отношениях с Марго, и ты по своей привычке сказала правду. Но, судя по всему, они эту правду знали и раньше — иначе непонятно, с чего вдруг вообще тебя вызвали. Не Светку, не Нельку, а именно тебя.

— Виталик уверял, что ничего обо мне не говорил, — вспомнила я. — И Алена тоже.

— Значит, кто-то из них врет. Скорее всего, Алена — учитывая ее к тебе отношение.

— А никого другого милиция до меня не допрашивала?

— Вроде нет. Первый Виталик, вторая Алена, третья ты, четвертая Наташа. И все. Как тебе показалось, менты восприняли ваши с Марго конфликты всерьез или нет?

— Всерьез. Кстати, они даже знали, что вчера на занятиях Марго критиковала мою одежду. Я и сама уже об этом забыла, а они откуда-то знали.

— Ага! — воскликнул Сашка. — Значит, заведомо донес кто-то из нашей группы.

— Видимо, да. Но зачем? Кому какое дело до моих отношений с Марго?

— Если это Алена, то все ясно. Она донесла из вредности, чтобы менты испортили тебе побольше крови. А если Виталий... хотя надеюсь, это не он... ну, тогда можно предположить, что у него была особая причина навлечь на тебя подозрения.

— Какая причина? — не поняла я.

— Желание отвлечь подозрения от себя. А, если так, значит... значит, он или виновен, или считает, что выглядит виновным. Ты не знаешь, у него были конфликты с Марго?

Лишь тут до меня дошло.

— Ты что, думаешь, Виталик мог ее убить? Зачем? Да и не было у них никаких конфликтов. Они почти не общались.

— О! — поднял палец Сашка. — Почему ты не сказала: «Как тебе не стыдно подозревать такого хорошего парня в убийстве?» Это ты-то с твоим прекраснодушием! Вместо этого ты сказала, что убивать ему было незачем. А было бы зачем, так убил бы, я тебя правильно понял?

Покраснев, я заметила:

— Я, конечно, брякнула, не подумав. Но, наверное... наверное, моя реакция вызвана тем, что он не любит женщин.

— Виталий не любит женщин? — искренне расхохотался Сашка. — Это хохма!

— Помнишь в «Винни Пухе»? — тоже невольно рассмеявшись, уточнила я. — Пятачок думает: «Любит ли Слонопотам поросят и к а к он их любит?» Виталик любит женщин, как тигр поросят. Но их страдания ничего для него не значат. Думаю, он не считает нас полноценными существами.

— То есть ты полагаешь, раз он привык без зазрения совести причинять женщинам душевную боль, то при случае способен одну из них убить?

— Я так не полагаю, — испугалась я. — Я просто объяснила, почему у меня вырвались такие слова о Виталике. Но в любом случае, у них ведь с Марго действительно не было конфликтов!

Сашка пожал плечами.

— Если бы между ними произошла открытая ссора, желание Виталия показать, что с Марго ссорился не только он, но и ты, было бы довольно понятно. А вот как раз то, что мы ничего подобного не знаем, наводит на размышления. Значит, есть нечто, что он скрывает, понимаешь? Скрывает и боится, что это выльется наружу.

— Но, может, он боится не за себя, а за кого-то другого? Поэтому и предпочел направить внимание милиции на меня.

— За кого? Заботится о женщине? Не верю. О мужчине? Тем более. Хотя, конечно, все это рассуждения на пустом месте. Скорее всего, на тебя донесла Алена. Слава богу, что, кроме этих ваших идиотских ссор с Марго, против тебя ничего нет и быть не может!

— А если есть? — осторожно осведомилась я.

— Что значит — «если»? — строго глянул на меня Сашка. — Говори прямо.

— Ох... это так совпало, понимаешь? Я думаю, ничего страшного. Просто я решила, что Марго выпала из окна солярия. Мне так показалось.

— Почему показалось? Так оно и есть. Так сказали менты ее родителям.

— Правда? Но утром я еще этого не знала и пошла туда все разведать. Подергала окно, а оно легко открылось. Так легко, будто его только что открывали, например, накануне.

— Ты вообще читаешь иногда детективы? — невежливо и даже раздраженно перебил меня Сашка.

— Ну... современные нет, а классические... да, иногда. А почему ты...

— Просто я всегда веселюсь, читая про обнаруженные на месте преступления отпечатки пальцев убийцы. Я полагал, в наше время нет идиотов, не знающих про дактилоскопию и не соображающих, что свои отпечатки надо стереть.

Он сверлил меня таким презирующим взором, что я сочла за лучшее объяснить:

— Так я же не делала ничего плохого! Просто подергала раму. Зачем мне было стирать отпечатки пальцев? Я даже не была уверена, что Марго выпала именно оттуда. Просто предположила.

— Короче, там теперь твои отпечатки, — желчно констатировал Сашка. — А свои убийца наверняка стер. Очень хорошо, просто здорово! А менты не давали тебе невзначай подержать какой-нибудь стакан? Вспомни хорошенько!

— Почему невзначай? — вздохнула я. — Они попросили снять мои отпечатки, а я согласилась. Отпечатки совпали с найденными на окне, и я рассказала, как это получилось. Капитан мне поверил, а следователь нет. Я ей вообще почему-то не понравилась, и уж в данном-то случае талант не при чем. Просто я не нравлюсь некоторым людям.

— Все мы не нравимся некоторым людям, но хотелось бы, чтобы среди этих людей не встречались следователи. Я бы вообще запретил занимать подобную должность бабе! Тут нужны не эмоции, а логика. Ладно, ваяя дальше! Что еще у нее против тебя есть?

— А... а почему должно быть что-то еще? — попыталась уклониться от ответа я.

— Потому что у тебя на лице все написано. Или что, ты мне не доверяешь? Так бы сразу и говорила! Конечно, я ведь не романтический герой, спасающий девиц от драконов в подворотнях, за что мне доверять?

В Сашкиных словах звучала огромная обида, и я решила.

— Понимаешь, Сашка... только восприми это с юмором, хорошо? Ирина Станиславовна почему-то решила, что я испытывала к Марго ревность. Что Марго увела тебя от меня, и за это я могла ее убить. Не знаю, откуда она это взяла. Очевидно, что тут нет ни слова правды, но...

Я покраснела. Мне было неловко сообщать собеседнику, что кто-то заподозрил у нас с ним роман. Не очень-то приятно, когда тебе приписывают чувства, которые ты не испытываешь. Но, наверное, куда неприятнее, когда тебе не доверяют, поэтому их двух зол я выбрала меньшее.

— Интересно, откуда подобные сведения? — тоже слегка покраснев, пробормотал Сашка. — Видимо, опять Алена? Она что, поставила целью засадить тебя в тюрьму?

— Невинных не сажают.

— Неужели? На редкость получается идиотская ситуация... Просто ловушка.

— Сашка! — обратилась я. — Я была с тобой до конца откровенна, поступи так же и ты.

Он как будто насторожился, но я все равно продолжила.

— У вас с Марго... мне Наташа говорила, вы много общались... то есть...

— А, ты об этом, — облегченно махнул рукой он. — Нет, ничего между нами не было. Она действительно... действительно активно со мной общалась последнее время, но совсем не в этом ключе.

— А в каком?

— Ну, просто общалась, — недовольно уточнил Сашка. — По-твоему, парень с девушкой не могут просто общаться, без всякой примеси секса?

— Конечно, могут, — подтвердила я. — Вот мы с тобой, например. Просто меня удивило... Марго, видимо, лучше, чем я о ней думала. Я думала, она выбрала бы кого-нибудь крутого... то, что она оценила тебя, это ведь очень хорошо ее характеризует, понимаешь?

— Необычайно хорошо! — с явной иронией повторил мой собеседник. — Кстати, ты не знаешь, Марго не писала детективов?

Я оторопела.

— Марго? Писала детективы? Первый раз слышу. Откуда ты взял?

— Менты задали этот вопрос Алене и родителям Марго. Те тоже очень удивились.

— Я не думаю, что Марго стала бы писать книги. Она... она человек совсем другого склада.

— Я тоже так считаю, но вопрос был задан, причем дважды. Если понять, чем он вызван, наверное, многое прояснится.

— Да, кстати! — вставила я. — Я ведь рассказала капитану про то, как обнаружила в коридоре тело. Пятого числа, помнишь? И билет отдала, который нашла рядом. Который куплен для иностранца. Капитан обрадовался, а потом, когда я вышла, я услышала, о чем они говорили. Капитан сказал, что по билету можно узнать, через какую фирму он приобретен, и если удастся связать его с... с... какое-то скандинавское имя... Юхан Свантесон, кажется. Если удастся связать его с Юханом Свантесоном, то будет хорошо. А следователь возразила, что Юхан Свантесон — это совпадение. Как ты думаешь, может быть, так звали этого человека? Ну, на которого я наткнулась в коридоре?

— Откуда в нашей общаге взяться иностранцу? — пожал плечами Сашка.

— А иностранному билету в театр откуда?

— Например, кто-то из девчонок ходил в театр с иностранцем.

— Тогда почему бы кому-то из девчонок не привести иностранца в гости?

— Ну, я бы не рискнул вести иностранного гостя в наши хоромы, хотя кто его знает? В этом что-то есть. Но ведь мы все живем не поодиночке. Соседи были бы в курсе.

— Один живет только Виталик, — кивнула я.

— Да, но мужиками он, слава богу, не увлекается. Хотя видишь — все подводит к нему. Он живет один, и он имел возможность бросить на тебя подозрения.

— Еще Алена имела возможность!

— Да, но я не представляю, чтобы она убила Марго. Они так дружили! Хотя, конечно, женская дружба...

— Ничем не отличается от мужской, — отрезала я.

— Хорошо, глянем на дело с другой стороны. Кого Марго подпустила бы к себе, не обернувшись?

— Погоди! А если некто подкрался и застал ее врасплох?

— Это в солярии-то подкрался? С его скрипучим полом?

— Какой ты умный! — вырвалось у меня. — Точно, там жутко скрипит пол. Меня сегодня утром просто в дрожь бросало от этого скрипа.

— И, раз Марго не обернулась, — вдохновенно продолжил Сашка, — значит, она знала, кто идет. У нее была назначена встреча. С кем? Кто был ей достаточно близок? Алена?

— С Аленой она могла пообщаться и дома.

— Да, если им не мешала Наташа. Ты не знаешь, где была Наташа во время убийства?

— Вероятно, на кухне. Она варила языки. Я сегодня пыталась это у Наташи выяснить. Она ходила за продуктами, а часов в восемь отправилась на кухню. Говорит, что языки варятся около трех часов, и, когда отключили свет, они были еще не готовы.

— Так свет же отключили не вчера, а три дня назад, — нахмурился Сашка.

— Вчера тоже. Тебя что, не было дома?

— Да, я гулял, — неохотно подтвердил он. — Значит, снова отключали свет? И во сколько?

— Я точно не знаю. Примерно в половину одиннадцатого.

— А во сколько включили?

— Сейчас подумаю. Без пяти одиннадцать вернулась Нелька, и совсем вскоре дали свет. В одиннадцать с небольшим, я думаю. И сразу появилась Светка.

— А где они были?

— Не знаю. Мы с ними немного поссорились... вернее, я немного разнервничалась, из-за ерунды... и они ушли, чтобы я успокоилась.

— Так ты что, была все это время одна? — настороженно уточнил Сашка.

— Да.

— И никто к тебе не заходил? Никто тебя не видел?

— Никто. Я сперва плакала, потом рисовала, а потом отключили свет. Потом я задумалась, а потом появилась Нелька.

— О черт! — выругался Сашка. — Как нарочно. Ладно, будем надеяться на лучшее. Что касается времени отключения-подключения света, это можно выяснить у Ольги Николаевны. Она наверняка помнит. Так девчонки, похоже, тоже бегали где-то поодиночке? Раз вернулись не вместе?

— Наверное. Да, Нелька заходила к вам в комнату за конспектом по дизайну.

— Ну, это я уточню у парней. Значит, у тебя нет алиби. У меня, впрочем, тоже. Возможно, его нет также у Светки с Нелькой. Это не мешало бы выяснить. Что касается Сереги и Ильи... Кстати, Серегу я встретил во дворе, мы с ним вернулись вместе. Это было где-то без четверти двенадцать. Он ведь подрабатывает вечерами.

— А где он подрабатывает?

— Он хорошо владеет компьютерной графикой и занимается оформлением интернетовских сайтов.

Я удивилась.

— А почему не дома? У него же есть ноутбук?

— Да, но для качественной графики требуются такие навороты, что ноутбуком не отделаешься. А навороченный компьютер оставлять у нас страшно. Ты же знаешь, дверь открывается почти любым ключом. Серега и ноутбук-то вечно с собой таскает, и правильно делает. Кстати, его работодателям очень удобно. Он приезжает после занятий, когда остальные, наоборот, уходят и компьютеры свободны.

— А я-то удивлялась, почему Сережа вечно в цейтноте. Значит, занимается рекламным бизнесом. — Я вспомнила слова Макса о том, что все художники мечтают о подобной стезе. — И хорошо ему платят?

— Думаю, да. Ты не отвлекайся. И так, Серега где-то шляется, а Илья сидел один. Вот тебе и еще парочка без алиби. Слава богу, ты в этом не одинока!

— Сережа, возможно, работал вместе с кем-нибудь, и его алиби подтвердят. А Илья... раз к нему заходила за конспектом Нелька, разве это не алиби для обоих?

— Смотря во сколько было совершено убийство. Значит, Нелька вернулась без пяти, а у Ильи была, предположим, без десяти. А свет отключили около половины. Кстати, как ты думаешь, это случайность?

— Что — случайность? — не поняла я.

— Отключение света в самый подходящий момент. Причем, учти, вторично! Надо обязательно спросить у Ольги Николаевны, что сказала аварийка. Может, кто-то вырубил свет нарочно?

— А это можно сделать?

— Да запросто. Выкрутил пробки, и все дела.

— А... а где они, эти пробки?

Сашка хмыкнул.

— Похоже, подозревать следует скорее мужчин. Хотя и женщины не всегда так беспомощны, как любят изображать. Ладно, выяснить про свет и пробки — это моя забота. Илья с Серегой тоже на мне. А ты расспроси девчонок. Где были, кто их видел.

— Уж не думаешь ли ты, — изумилась я, — что Светка или Нелька могли убить Марго?

Мой собеседник пожал плечами.

— Я знаю, что кто-то ее убил. Это не ты и не я. В то же время это человек, с которым она в достаточно коротких отношениях, чтобы не считать необходимым к нему обернуться. Таких не очень много. Я, Илья и Серега. Серега в меньшей степени, чем мы оба, ведь он общался с Марго куда реже. Еще годится Виталий, и из парней больше никто. Что касается девчонок... Светка, Нелька, Наташа и, разумеется, Алена. Выбор невелик. Кстати, ты начала говорить мне про Наташу. Якобы она сидела весь вечер на кухне, варила языки. Я, конечно, не специалист, но сомневаюсь, что они нуждаются в постоянном присмотре. Варятся себе и варятся, а ты можешь пока уйти. Или нет?

— Да, но Наташе нравится быть на кухне. Когда отключили свет, она немного подождала, а потом пошла к себе в комнату. Там была Алена, которая удивлялась и переживала, куда же делась Марго. Мол, Марго ушла еще до отключения света, была довольна и обещала Алене сюрприз. Наташа посоветовала Алене позвонить тебе на мобильный, чтобы узнать, не с тобой ли Марго. А ты в это время гулял?

Мне казалось странным в начале марта гулять поздно вечером по слякоти, но выразить сомнение я не решилась.

— Да, гулял.

— А они думали, ты дома.

— Ну, я не уточнял, где я. Сообщил только, что ничего не знаю о Марго. Это было в самом начале двенадцатого. Ты не знаешь, свет уже был?

— Не было. Наташа решила, Марго сидит у вас, поскольку не хочет возвращаться в темноте.

— Ага! — с чувством глубокого удовлетворения констатировал Сашка. — Если считать, что Марго убили около одиннадцати, значит, обе они имели возможность совершить убийство. Либо Наташа отключила свет, потом отправилась в солярий, а только потом к себе. Либо это сделала Алена и успела вернуться в комнату до появления Наташи.

— Они обе любили Марго, — возразила я.

— Наташа вряд ли ее сильно любила, а Алена... может, они поссорились? Кстати, мне действительно так показалось вчера на занятиях. Помнишь, Алена к тебе прицепилась по поводу этого несчастного тела в коридоре, а Марго ее не поддержала? Я очень тогда удивился.

Я кивнула.

— Да, Алена стала насмехаться, что я нашла в коридоре иностранца, а Марго ответила, что это был обыкновенный пьяный. Совершенно на Марго не похоже! Потом за меня вступился ты. А потом Марго начала смеяться над моим платьем, но Наташа меня увела.

— И правильно сделала. Значит, иностранца звали Юхан Свантесон?

— Это еще неизвестно. Просто капитан сказал, что хорошо бы связать билет с Юханом Свантесоном. Как ты думаешь, кто это?

— Не знаю. А если предположить, что это знакомый Марго? Что это она привела его три дня назад к нам в общежитие? Потом ему стало плохо, и она решила его увести, но он упал в темноте, и ты на него наткнулась, — без большой уверенности предположил Сашка.

— А зачем ей это скрывать? Ну, стало человеку плохо — она же тут не виновата.

— Возможно, ей не хотелось афишировать свою связь с иностранцем. И вообще, Машка, мы с тобою делаем глупость. Началось все именно с этого эпизода, а мы про него забыли. Давай-ка отмотаем назад. Итак, ты торчала под дверью собственной комнаты. А внутри что, Светка с кем-то трахалась?

— Вот именно. Запершись на молоток. Но она не виновата. Я собиралась в филармонию на концерт, а его отменили. Нелька тоже собиралась прийти поздно, и Светка была убеждена, что никто ей не помешает.

— А ты не знаешь, с кем она была?

— Нет, не знаю. Я не спрашивала. Потом отключили свет, и я решила пойти к Наташе. Но из ее комнаты ответила Марго. Наташи там не было.

— А Алены?

— Не знаю. Говорила со мной только Марго. Тогда я пошла обратно и наткнулась на человека. Я побежала к Ольге Николаевне, мы вернулись и никого не нашли. От вас вышел Илья и сказал что-то незначительное. А ты был дома?

— Нет. Я гулял.

У меня зародилась мысль, что Сашка проводил время с девушкой — и три дня назад, и вчера. Иначе мне не понять подобную страсть к прогулкам — или подобную скрытность.

— Тут как раз я и нашла билет, — продолжила я. — И сразу же появилась Марго. Она еще сказала, что мне надо работать дворником, раз я подбираю с полу мусор. А Наташа возилась на кухне. Мы с ней осмотрели пожарную лестницу, и я вернулась домой. Там уже было свободно. Через какое-то время пришли Светка с Нелькой и сказали, что электричество давно включили. А назавтра я всех расспрашивала, но никто мне ничего не сказал.

— Я помню, — вздохнул Сашка. — Я был уверен, ты поднимаешь шум по пустякам. А теперь боюсь, что не так все просто. Выяснить бы, что за Юхан Свантесон такой и почему им интересуется милиция. Похоже, кто-то привел его сюда. Предположим, Марго. Поэтому она всячески пыталась отвлечь от него внимание — даже с риском не угодить Алене.

— Остальные тоже пытались, — напоявила я. — Даже ты. И вообще, куда он мог деться? Не думаешь же ты, что у Марго хватило сил его унести, пока я бегала к Ольге Николаевне?

— Ну... может, он очнулся и ушел сам?

— Может. И все равно я не понимаю, как связать это со смертью Марго. А тут еще и то, что она

якобы писала детективы! Бред какой-то!

Голова уже отказывалась думать, и я обрадовалась, когда наши рассуждения были прерваны появлением Ильи.

— А и Б сидели на трубе, — оглядев нас, констатировал он. — А мы уж стали бояться, не упало ли наше драгоценное А и не пропало ли заодно Б.

— С чего это вдруг? — недружелюбно осведомился Сашка.

— Ну, последнее время вокруг нас как-то усилилась тенденция к пропаданию и упаданию. Ладно, не гони волну, я пошел.

— Подожди! — попросила я. — Скажи, Илья, ты помнишь тот день, когда я нашла в коридоре тело?

— И рад бы забыть, да разве ты позволишь?

Я, не выдержав, улыбнулась.

— Допекла я вас всех, да?

— Да ладно, я не нервный. Спрашивай.

— Вчера, когда отключили свет... где ты в это время был?

— Дома.

— А Сережа?

— На работе. Пришел, как всегда, почти в двенадцать.

— То есть ты был один, да?

Илья кивнул.

— Правда, заглянула Нелька за конспектом, но у меня этого конспекта нет.

— А во сколько она заглянула?

— Без десяти одиннадцать. Я, как гостеприимный хозяин, включил подсветку на мобиле и заодно посмотрел на часы.

— Да, — обрадовалась я, — а ко мне она пришла без пяти. А три дня назад, когда я нашла тело, ты тоже был один или нет?

— А с кем мне быть? — поднял брови Илья. — Серега на работе, Сашка черт-те где. Один, разумеется. — И плачущим голосом добавил слова Воланда: — Один, всегда один.

Он так настойчиво это подчеркивал, что я даже удивилась. Действительно, а с кем ему быть? Совершенно не с кем. Мои соседи словно сговорились находиться поодиночке.

— Ага, все живы! — неожиданно послышался бодрый голос Сережи. — А то просто триллер какой-то. Один ушел — не вернулся. Другой за ним двинул — тоже сгинул. А вы, значит, лясы точите.

— Мы пытаемся разобраться в ситуации, — пояснила я. — Понять, кто где был, когда умерла Марго.

— Ну, я-то на работе, — махнул рукой Сережа. — Бросить эту бодягу, что ли, к чертовой матери? А то света божьего не вижу.

— А почему нельзя, предположим, работать вдвое меньше? — удивилась я.

— Потому что и получать будешь вдвое меньше, — подмигнул мне собеседник.

— Ну и что? Зато будешь видеть божий свет. И не будет желания бросить все к чертовой матери.

— В общем-то, ты права. Но наш шеф любит, когда все вкалывают на пределе сил. Конечно, и платит соответственно. Его бы раздражал подчиненный, который не готов примчаться по первому зову.

— Ужасно! — вырвалось у меня.

— Что?

— Мчаться по первому зову человека только потому, что он — твой начальник.

— А по-твоему, мчаться следует лишь по зову любви?

— Любви — в широком смысле этого слова, конечно.

— Говорят, единственный, кого любят все без исключения, — это американский доллар, — пошутил Сережа. — Так что все мы гоняемся за любовью.

— Но не все любят одни только доллары, — вдруг мрачно вставил Илья.

— Разумеется. Никто и не говорит о том, что только. Однако без денег не проживешь, с этим, я думаю, даже Машка согласится.

Я кивнула, и мы разошлись, поскольку разговор явно исчерпал себя.

Дома девчонки еще не легли.

— Ага! — с энтузиазмом встретила меня Светка. — Держу пари, раз ты так поздно, значит, побывала у него дома.

— Я болтала с мальчишками в коридоре.

— Да? Слушай, что я говорю. Либо он гомик, либо сильно на тебя запал. В то, что он импотент, я не верю. Уж импотента я как-нибудь отличу. Так он все-таки звал тебя к себе домой?

— Нет.

— Значит, гомик. А может, просто женат. Надеюсь, что женат. Жена — не стена, а гомика не переделаешь. Мне ни разу не удавалось, хотя старалась я — ого-го!

Я засмеялась. Все-таки на Светку невозможно обижаться! Ее откровенность обезоруживает. А может, и я могу попробовать быть с нею столь же откровенной? И я неуверенно начала:

— Свет, а если я задам тебе один вопрос? Нескромный?

— Задавай! — обрадовалась моя собеседница.

— С кем ты была здесь три дня назад? Ну, когда заперлась на молоток, а я стояла под дверью?

Нелька, читавшая конспект, изумленно подняла голову.

— Ну и вопросы ты стала задавать! Светка у нас вполне совершеннолетняя.

— Я же не просто так задаю, — пояснила я. — Я хочу понять картину убийства.

— Да, но при чем тут, с кем кто трахался за два дня до этого? — фыркнула разочарованная Светка.

— А вдруг при чем? Вы же помните, я сразу это заподозрила! Я имею в виду, что между тем, что я нашла тело, и убийством Марго есть связь. Кстати, вам знакомо такое имя — Юхан Свантесон?

— Современный шведский художник, да? — с сомнением уточнила Нелька. — У меня большая проблема с их фамилиями. История живописи идет хорошо, а вот современность...

— Нет, это совсем другое. Так, может быть, зовут того, кого я нашла.

— А откуда ты знаешь?

— Я не знаю, просто предполагаю. Я услышала это имя от милиционера. Светка, так что?

— Ох, — вздохнула она. — Мне не хочется говорить. Зачем устраивать человеку неприятности? И я не думаю, что это хоть как-то связано с Марго.

— Понимаешь, очень важно знать, кто где был во время убийства и тогда, когда появилось это странное тело. Марго наверняка столкнулся кто-то из ее близких знакомых, так?

— Так, — серьезно согласилась Светка.

— И ни у кого нет алиби, понимаешь? Как в романе! Самая подозрительная я — и я как раз оказалась одна, потому что, как дура, расплакалась. Вы тогда ушли — куда?

— Я пошла в универсам — тот, который открыт до двадцати трех часов. Довольно долго там бродила, выбирала разные вкусы к Восьмому марта. Когда его закрыли, вернулась домой. Не думаю, что кто-нибудь меня там запомнил.

Я кивнула. Светка и впрямь появилась седьмого поздно вечером с пакетами, битком набитыми праздничной снедью: ананасами, мидиями, карбонатом и тому подобным. Я еще ужаснулась, сколько ей пришлось потратить денег, а она в ответ лишь хихикала. Она вообще очень щедрый человек.

— А я была в кафе на первом этаже, — прервала паузу Нелька. — Если тебе требуется подтверждение, так там было полно наших. Наверняка они меня помнят. Без четверти одиннадцать нас оттуда поперли, потому что вырубился свет. Я заглянула к парням за конспектом и сразу пошла домой. Только мне не нравится, что ты нас в чем-то подозреваешь.

— Да не подозреваю я! — горячо воскликнула я. — Просто хочу отмести тех, кто заведомо не виноват!

— Пусть это делает милиция, — заметила Нелька. — Одно дело, когда меня допрашивают чужие люди, от них хорошего не ожидаешь, а другое дело — ты.

— А что Машке остается? — вступилась за меня Светка. — Она ведь действительно самая подозрительная. Не зря ее менты вызывали! Сам себе не поможешь — никто тебе не поможет. Честное слово, Машка, про универсам я тебе не вру и Марго я не убивала. А что касается того дня... ну, когда ты стояла под дверью... я должна подумать. Если пойму, что это может быть важно, то расскажу, с кем я была. А без необходимости не хочу. Терпеть не могу связываться с милицией. Ничего хорошего я от них никогда не видела.

Я повернулась к Нельке. Ее нежелание отчитываться передо мной было вполне естественным, и я не решалась требовать от нее ответа. Но она, видимо, проникнувшись аргументами Светки, добровольно сообщила:

— Мы с Колей ходили в кино на «Властелина колец». Он у меня толконутый.

Коля — это ее парень, а толконутость, то есть любовь к Толкиену, весьма мне близка. Жаль, что я с Колей незнакома, нам было бы о чем поговорить!

— Значит, у Нельки на время убийства алиби, — с удовлетворением констатировала Светка. — А у нас с тобой нет. Но мы не убивали. А может, Марго сама выпала? Случайно?

— Вот именно! — радостно согласилась Нелька.

Я лишь махнула рукой и отправилась спать. Почему меня никто не принимает всерьез? Одно утешение — Сашка, который неожиданно решил меня поддержать. Интересно, а что бы посоветовал мне Макс? Что он вообще сейчас делает? Спит или читает? Один ли он или, как предположила Светка, женат? И мысли мои от преступления плавно перешли совсем на иное... На следующий день занятия заканчивались рано. Девчонки отправились гулять, а я пошла домой. Не то, чтобы я всерьез рассчитывала на появление Макса, но мысль, что он может прийти и не застать меня, казалась ужасной.

Дома я прежде всего сменила воду подснежникам. Они, бедняжки, уже немного увяли. Как они прекрасны и как короток их век! Как короток век многих прекрасных вещей! Меня нередко терзали подобные мысли, и результат был всегда один — я пыталась продлить существование хрупкого совершенства, запечатлев его. Причем никогда еще мне этого по-настоящему не удавалось, но каждый раз думалось, что вот теперь, наконец, удастся.

Букетик образовывал полупрозрачное голубое облако, парящее над вазочкой, поэтому я взяла кисти и акварелью зарисовала его. Но это было неправильно! Ведь, если взглядеться, видишь вовсе не облако, а множество тончайших деталей: тычинки, пестики, лепестки. Я достала остро отточенные карандаши и на другом листе бумаги принялась скрупулезно передавать изящество и разнообразие отдельных цветков.

Однако через некоторое время руки мои опустились, горькие мысли заставили бросить карандаш. Какою глупостью я занимаюсь! Ну, закончу свою кропотливую работу — разве она будет отражать то чудесное, ради сохранения чего я готова отдать полжизни? Ведь в реальности обычный букетик одновременно включает в себе все: он и единое целое, то самое парящее облачко, и совокупность индивидуальностей, которые хочется разглядывать до бесконечности, находя новые и новые детали. Вот и я должна в одной картине дать зрителю возможность увидеть обе эти ипостаси. Но вместо этого я, как все бездарности, штамую примитивные суррогаты. Зачем я вообще поступила в Академию, почему меня туда приняли? Художник, лишенный таланта — самое жалкое явление, какое только можно вообразить. А поскольку не рисовать я не в силах, значит, всю дальнейшую жизнь проживу в роли этого нелепого существа. За что меня так наказывают? Зачем мне дали непреодолимую страсть и неумение ее удовлетворить? Что мне делать?

Я поспешно отодвинула листы, чтобы не замочить их слезами. Девчонки уверяют, что я плачу вовсе не тогда, когда это полагается. Не знаю. Я же не нарочно это делаю, оно само! Вот и теперь мои слезы снова пришли некстати, поскольку дверь отворилась, и на пороге появился Макс.

— Я стучал, — заметил он, — но никто не отвечает. Боже мой, Машка, в чем дело?

Я не смотрелась в зеркало, но и без того знала, что глаза у меня теперь красные, лицо пятнистое, а нос распух. Хотя какая разница! Все равно такую бездарь никогда и никто не полюбит.

— Так что случилось?

Я молча указала на рисунки. Макс внимательно изучил первый, затем второй.

— Это твое? — уточнил он.

Я кивнула. Он снова уставился на листы.

— А что, тебе после этого обязательно плакать? Конечно, результат того стоит, но все же...

Я, захлебываясь слезами, попыталась все объяснить. Брови Макса постепенно поднимались, уголки губ разъезжались, и, наконец, улыбнувшись, он проговорил:

— Так ты действительно такая дурочка? Или это гордыня? То, на что ты претендуешь, умеет делать только Господь Бог.

Слезы мои высохли от изумления.

— Гордыня? — повторила я. — Ты думаешь, я не должна хотеть... то есть не имею права... я

никогда не думала...

— Хотеть ты имеешь право, но малая толика смирения при этом не помешала бы. По-твоему, все на свете художники бездарны?

— Конечно, нет!

— Но ведь ни один из них не передал все без исключения свойства натуры.

— Зато они передали нечто свое!

— Ты тоже. Ну, вот и успокоилась. Нервы надо беречь даже в семнадцать лет. Или у тебя какие-то неприятности? — Макс нахмурился. — Погоди... эта ваша девочка, выпавшая из окна... судя по всему, она не была твоей близкой подругой? Ты из-за нее переживаешь?

Я пожала плечами.

— Сама не знаю. Хотела бы я знать, кто ее убил.

— Я думаю, милиция это скоро выяснит и сообщит вам. Но разве она не выпала сама?

— Нет. Ее вытолкнули. Кстати, ее единственным врагом считаюсь я.

Я подробно рассказала Макс, что и как. Он слушал серьезно и вдумчиво, затем прокомментировал:

— Да, теперь я понимаю. Ты действительно попала в переплет, но я надеюсь, все кончится хорошо. В милиции все-таки сидят не круглые идиоты, они найдут настоящего убийцу.

— А может быть, его раньше найдем мы с Сашкой! — похвасталась я.

— С Сашкой? — повторил Макс. — Ну-ну. Мне он не показался семи пядей. Хотя тебе лучше знать.

— Он считает, Марго мог вытолкнуть только тот, кому она доверяла, — не желая переходить на обсуждение Сашкиного ума, продолжила я.

— Почему?

— Потому что, когда убийца подошел, она не обернулась.

Мой собеседник хмыкнул.

— А твой умный Сашка не учел, что убийце требовалось сперва открыть окно? К тому же дело произошло в темноте. Откуда вашей Марго знать, кто там к ней подкрался?

Я опешила. Действительно, мы забыли про темноту! Макс между тем продолжил:

— Подкрасться-то как раз мог незаметно кто угодно...

— Нет, — возразила я. — Сашка вспомнил, что в солярии очень скрипучий пол. Там всю зиму фактически не топили, и пол действительно стал страшно скрипеть.

Похоже, Макс вознамерился подвергать критике каждую Сашкину идею.

— Так когда пол начал скрипеть? — осведомился он. — Зимой? А что, зимой туда кто-нибудь ходил?

— Вряд ли, а что?

— Откуда ты знаешь, что пол скрипит, понятно. Ты была в солярии вчера. Но откуда это знает твой Сашка? Он что, тоже был там совсем недавно? Зачем?

Я пожала плечами.

— Наверное, был. Я могу у него спросить.

— Кстати, где он находился во время убийства?

— Гулял, — покраснев, сообщила я. Мне и самой эти прогулки представлялись довольно нелепыми.

— Один, да? Фактически ночью, в кромешной тьме, при лужах по колено. А когда ты нашла этого своего типа, Александр что, тоже гулял?

— Да, — вздохнула я. — Только ты зря его подозреваешь. Он хороший парень. И потом, какой у него может быть мотив?

— Это-то как раз понятно, — заметил Макс. — Ты говоришь, они с Марго много общались. При этом он утверждает, будто общение не было любовным. Тогда каким? В любом случае, врет он в данном вопросе или нет, тесное общение дает достаточно причин для конфликта.

Я уже сама была не рада, что завела этот разговор. Доводы впечатляли, а результат расстраивал.

— Мне кажется, Марго была как-то связана с этим странным Юханом Свантесоном, — попыталась сменить тему я. — Она явно обратила внимание на билет, который я подобрала, а потом пыталась убедить всех, что я наткнулась не на иностранца, а просто на пьяного.

— В этом что-то есть, — согласился Макс. — Предположим, именно Марго привела к вам в общагу этого типа, потом... например, у него случился сердечный приступ, и она перепугалась. Когда ты разговаривала с ней через дверь, Алена там была?

— Голоса ее я не слышала.

— Предположим, Алена отсутствовала, зато присутствовал Юхан Свантесон.

— Нет, — твердо возразила я. — Я поговорила через дверь с Марго и прямо сразу на обратном пути наткнулась на тело. Шла туда — его не было, а обратно — появилось.

— То есть оно появилось, пока вы ругались. Очень интересно! Да, его подкинула не Марго.

— Да у нее и сил бы не хватило, — сообразила я. — Это наверняка был парень, ни одна девчонка не справилась бы. К тому же если еще требовалось вывинтить эти самые пробки...

— Ну, пробки — минутное дело, а вот тащить тело... Если недалеко, сильная девушка могла бы справиться. Света, Нелли, Алена и Наташа... Не знаешь, кто из них сильнее?

— Сильнее всех, несомненно, я. Светка, несмотря на небольшой рост, тоже довольно сильная. Она всегда откручивает крышки, когда у Нельки не получается. И Наташа тоже сильная, а Алена, наверное, нет. Только это вовсе не значит, что Светка или Наташа убили Марго.

— Тем не менее вопрос силы оказывается существенным в обоих случаях, — пробормотал Макс. — Выволочь тело или вытолкнуть человека из окна не так-то просто. Твои физические способности тут удивительно некстати. Значит, отпадают Нелька и Алена? Хотя... Алена только строит из себя слабое существо, а на самом деле вампир еще тот...

Меня поразило, как верно Макс классифицировал Алену с одной-единственной встречи.

— Но она любит Марго! — напомнила я.

— Даже слишком, — ответил Макс.

— Что значит — слишком?

— Неважно. Не хочу болтать о том, в чем не уверен. Но признаюсь честно, ваша Алена произвела на меня неприятное впечатление. Я бы не стал снимать с нее подозрений. Помимо всего прочего, целенаправленное желание замарать тебя тоже указывает на нее. Наверняка она навела на тебя ментов, хоть и врет, что нет. Именно такая стерва способна не просто прикончить лучшую подругу, но и свалить вину на самого порядочного из своих знакомых.

Мне стало приятно, что Макс считает меня порядочной и что последнюю фразу он произнес с огромным отвращением. Однако вслух я спросила:

— Но зачем ей убивать Марго?

— Вариант номер один — из-за сугубо личных взаимоотношений. Судя по всему, подруги поссорились. А поскольку Марго фактически содержала Алену...

— погоди! — прервала я. — С чего ты взял?

— Да со слов вашей Наташи и твоих тоже. Алена имеет связи, а Марго деньги. Такой вот бартер. Разве нет?

— У Алены тоже есть деньги.

— Наверное, только тратились в основном деньги Марго. Полагаю, живя в ними в одной комнате, Наташа знает ситуацию. Как бы там ни было, первый вариант — личная обида. Особенно если учесть интерес Марго к вашему Сашке.

Я не очень поняла, при чем здесь Сашка, но побоялась перебивать.

— А второй вариант, Машка, связан с тем самым телом. Итак, гость был не у Марго. Возможно, у Алены?

— Но где? Эту комнату, где мы сейчас, занимала Светка, в другой была Марго, на кухне Наташа. Да, а у мальчишек Илья. Один. Он так настойчиво повторял — я был там один, что...

— Что ты заподозрила его во вранье. Ясно. Может, он был не один и не там? А там была Алена с иностранцем?

— Но Илья вышел из своей комнаты, когда я привела Ольгу Николаевну!

— Ты уверена, что он вышел именно оттуда?

Я задумалась.

— Нет, было темно, но откуда еще?

— Не знаю. Из коридора. Я не уверяю, что это обязательно так, просто рассматриваю варианты. А кто-нибудь еще из ваших соседей мог уступить свою комнату Алене?

— Виталий мог. Он иногда уступает свою комнату, если... ну, если кому-то очень надо. Короче,

где была Алена, я не знаю. И, боюсь, если спрошу ее, она не ответит.

— Не ответит, если ни в чем не виновата, а вот если виновата, то побоится и что-нибудь сохнет, — заметил Макс. — Итак, предположим, Алена была где-то с этим типом, а Марго узнала. Вот еще один мотив.

Я развела руками:

— Ну, узнала. Разве это причина ее убивать?

— Согласен, — засмеялся Макс. — Но разве не ты с большим упорством хочешь связать смерть Марго с найденным тобою телом? Вот я и пытаюсь тебе угодить, а ничего более правдоподобного придумать не в силах. А ты?

— А я тем более. То есть ты считаешь, эти вещи между собою не связаны?

— Не знаю. Я ведь вообще не владею ситуацией — увидел всех вчера впервые в жизни. Если бы в эту историю не попытались впутать тебя, я б и вовсе не стал забивать себе голову. Пускай работает милиция, им за это деньги платят. Но поскольку, — он иронически поднял брови, — спаситель несет ответственность за жизнь спасенного, приходится заниматься сыском.

И, мгновенно став серьезным, Макс спросил:

— Алена тебя терпеть не может, это ясно. А ваш Дон Жуан Виталий?

— Терпит, — не удержалась от улыбки я.

— Просто я думаю, кто именно на тебя донес. Если не Алена, то Виталий. Он ведь затаил на тебя зло, да?

Я удивилась:

— С чего ты взял?

— Не очень-то приятно, кидая даме мячики, каждый раз убеждаться, что она их не ловит.

Я поняла, что имеет в виду Макс, и поразилась элегантности сравнения.

— Если мячики охотно ловят все остальные, — заметила я, — то ничего страшного. Ты не представляешь, сколько у Виталия женщин. Одной больше, одной меньше...

— Не уверен. Полагаю, мужскую психологию я знаю лучше, чем ты. Кстати, а была ли у Виталия связь с Марго?

— Нет. Но он и не пытался.

— И с Аленой, наверное, не пытался, так?

— Так, — удивленно подтвердила я. — А откуда ты знаешь?

— Дедукция, дорогой Ватсон. Ну, а со Светой, Нелли или Наташей?

— Со Светкой они быстро друг другу наскучили, а с Наташей в декабре был бурный короткий роман, закончившийся очень неприятно. Если честно, — я помолчала, но все-таки решилась, — если честно, я считаю, Виталий способен на все.

— В смысле, даже на убийство? — уточнил Макс. — Почему ты так считаешь?

— Помнишь, кто горит в последнем круге ада? Предавшие доверие. Я согласна, это действительно самый страшный грех. Понимаешь, одно дело — перехитрить врага, в этом есть хоть какая-то доблесть, а совсем другое — обмануть человека, который безоговорочно тебе верит и готов выполнять любые твои просьбы, не спрашивая, зачем тебе это надо. Так вела себя с ним Наташа. А он бросил ее, даже не попытавшись смягчить удара. Человек, предавший подобное доверие, недостойн называться человеком.

— И, по-твоему, ему не может быть никаких оправданий?

— Предательство не оправдывается ничем.

— А если человек не просил об этом доверии и не хотел его? — спокойно поинтересовался мой собеседник.

— Он должен был показать это сразу, а не брать на себя ответственность. Помнишь «Мастера и Маргариту»? Маргарита имела неосторожность подать Фриде надежду — и готова была пожертвовать всем, только бы эту надежду не обмануть.

Макс пожал плечами.

— Интересно, до какого возраста ты будешь судить о жизни по книгам? Надо же, а мне Наташа показалась совершенно приземленной.

— В чем-то она действительно приземленная, но... Наверное, природа создала ее для того, чтобы быть женой и матерью, а возможности почему-то не предоставляется. Поэтому, как только возникает хоть какой-то шанс, Наташа теряет голову. Против природы ведь не пойдешь! Вот сейчас

она снова в кого-то влюбилась, и снова, наверное, неудачно.

— Ты имеешь в виду ситуацию с забытым подарком? — догадался Макс (ну, до чего же он умный!) — Я так и решил, что Наташины слезы не просто так. В кого?

— Не знаю.

— Впрочем, неважно. Наташа хорошо к тебе относится и вряд ли стала бы бросать на тебя подозрения. А вот ваша рыжая красotka...

— Светка? Она тоже хорошо ко мне относится.

— Да? Ты всерьез полагаешь, что ее поведение со мной свидетельствует о хорошем к тебе отношении?

— Ну, — пробормотала я, — это просто... то есть... она не думала обо мне.

— Вот именно!

В тот же миг дверь отворилась, и, легка на помине, перед нами в сопровождении Нельки предстала героиня разговора.

— Менты опять здесь, — не обращая особого внимания на Макса, неодобрительно произнесла она. — Трясут всех подряд, даже нас. Где кто был пятого да где кто был седьмого — короче, делать им нечего. Теперь требуют тебя. Срочно.

— Я подожду, — пообещал Макс.

Мне пришлось уйти, и оставленное позади взрывоопасное сочетание беспокоило ничуть не меньше, чем Ирина Станиславовна, ожидающая впереди.

— Добрый вечер, Маша, — весело приветствовал меня Сергей Михайлович. — Как дела? — Так же, как вчера, — подумав, ответила я. Ну, не скажешь же вскоре после убийства — «дела хорошо»?

— Ну, и славно. А мы еще хотим тебя поспрашивать. О кое-каких деталях. Ты не против?

— Нет.

— Я про пятое число. Итак, ты вернулась домой раньше, чем предполагала. Во сколько?

— Часов в девять. Я погуляла немного, потом стало темно, и я вернулась.

— Понятно. Вернулась, а дверь заперта изнутри. А внутри Светлана с любовником. Кстати, с кем? Какие-то догадки по этому поводу у тебя наверняка есть?

Вопрос мне не понравился.

— А разве это важно? — парировала я. — Впрочем, я ничего не знаю и ни о чем не догадываюсь.

— Да? Но ведь ты не станешь отрицать, что ваша Светлана отличается... скажем, большой раскованностью по отношению к мужчинам.

— Она совершеннолетняя, — повторила я слова Нельки.

— Это да, но проституция в любом возрасте не самое почтенное занятие.

— Но ведь проституция — это когда за деньги. А Светка просто легкомысленная.

— Да? То есть денег она не берет? — вмешалась Ирина Станиславовна.

— Конечно!

— А откуда ты знаешь?

Я разозлилась.

— Это называется презумпцией невинности. Надо доказывать вину, а не ее отсутствие.

— Успокойся, мы просто спрашиваем, — не дал разгореться конфликту Сергей Михайлович. — Итак, ты неотлучно стояла под дверью до отключения света, то есть до десяти часов. Правильно?

— Да. Я отошла по коридору до соседней комнаты, но раздумала и сразу же вернулась.

— Очень хорошо. А звуки какие-нибудь из-за двери раздавались? Специфические?

Я покраснела, представив, какие звуки имелись в виду, и честно ответила:

— Нет.

— Прекрасно. Звуков уже не было. А потом отключили свет, и ты все-таки решилась пойти к соседям. Зашла в их прихожую, поговорила с Марго, но не осталась там, как было бы естественно предположить, а вернулась. Вот тут-то ты и наткнулась на тело. Оно появилось за эти несколько минут. Я правильно излагаю?

— Да.

— Ты споткнулась об него, испугалась и почему-то стала щупать ему пульс. Почему?

Я удивилась.

— Раз человек лежит на полу, значит, с ним не все в порядке. Я сперва попыталась с ним

заговорить, но он молчал.

Тут снова вмешалась Ирина Станиславовна.

— А когда ты его ощупывала, может, обратила внимание на какие-то особенности? Ты же художник.

И тут я вспомнила. Да, действительно, у тела была особенность. На запястье очень сильно выпирала кость, и в поисках пульса я упорно на нее натыкалась.

— Что, память вдруг отшибло? — съязвила следователь.

— Да, — кивнула я.

Ирина Станиславовна обладала удивительной способностью пробуждать во мне дух противоречия.

— Надеюсь, ты знаешь, что обязана отвечать на все вопросы, связанные с расследованием убийства? И что сокрытие важных сведений — уголовно наказуемое деяние?

— А вы спрашиваете не об убийстве. Я не верю, что найденное мною тело имеет отношение к преступлению. Разве вы мне чем-то это доказали?

— Да кто ты вообще такая, чтобы я была обязана перед тобой отчитываться?

— Взаимно, — парировала я. Если меня по-настоящему разозлить, я становлюсь страшно упрямой, и никакие доводы рассудка на меня не действуют. Есть за мной такой недостаток.

— О женщины, женщины! — патетически воскликнул Сергей Михайлович. — С вами трудно, но без вас скучно, — и продолжил другим тоном: — Ирина, пойми, девочка совершенно добровольно навела нас на след, который мы без нее никогда бы не обнаружили, а на данный момент она знает то, чего не знает никто другой. Маша, если ты дашь мне обещание никому не рассказывать, то я...

Ирина Станиславовна покрутила пальцем у виска, а я, изнывая от любопытства, быстро заявила:

— Обещаю.

— Видишь ли, шестого марта в подвале одного из соседних домов был обнаружен труп иностранного гражданина, убитого несколько раньше и в другом месте.

— Но на моем теле... вернее, теле, которое я нашла... на нем не было повреждений, это точно.

— Ну да, это было отравление клофелином. Обычно проститутки с его помощью только усыпляют жертву, но у данного экземпляра оказалось слабое сердце. Хотелось бы точно установить, не этого ли господина ты нашла пятого числа в коридоре.

— У него очень выступает косточка на левом запястье, — не стала скрывать я. — А на правом нет.

— Шикарно! — прокомментировал Сергей Михайлович. — Ирина, ты записываешь? Еще вопросик. Кто видел, как ты нашла на полу билет в театр?

— Ольга Николаевна, Илья и Марго.

— А как тебе кажется, кто из них обратил на него внимание?

— Марго. Она еще сказала, что я, как дворник, подбираю бумажки.

— А потом, в следующие дни, она продолжала насмехаться над тобой по этому поводу?

— Нет, наоборот, она явно не хотела на эти темы говорить. Но почему вы...

В голове у меня стало проясняться. Я попыталась сосредоточиться.

— То есть кто-то из девчонок привел с собой иностранца и решил его ограбить, но случайно отравил. Испугавшись, решил унести тело в соседний дом, отключил свет... Свет был отключен нарочно?

Однако, сообщив необходимую деталь, я перестала быть интересной, и мне никто не ответил.

— Но Света не стала бы красть! — объяснила я. — Она очень щедрая. Она никогда не считает денег.

— И откуда она их берет, ваша бессребреница? — вскинула брови Ирина Станиславовна.

Я еще немного повоскликала в пустоту, и меня выводили самым настойчивым и недвусмысленным образом. Единственное, что утешало — я поняла, что больше не нахожусь под подозрением. Иначе мною бы так не пренебрегали, правда? Зато под подозрение попала бедная Светка.

Дома все было мирно. Макс, Светка, Нелька и присоединившийся к ним Сашка обсуждали последнюю выставку в Эрмитаже. Удивительно светская беседа, почти о погоде.

— Ну, что? — осведомился Сашка.

— Да ничего, — ответила я, покраснев. Не очень умею врать, но я ведь обещала!

Я осторожно взглянула на Светку. Похоже, подозрения с меня переместились теперь на нее. И она будто чувствует — ни следа обычных жизнерадостности и энтузиазма, мрачное лицо, потухшие глаза и полное отсутствие интереса к Макс. Но раз для меня все обошлось, надеюсь, и для нее обойдется!

— Мне пора, — встал Макс.

Я проводила его до выхода, и, не сказав ничего о будущем, он исчез. Настроения возвращаться домой не было, поэтому я взяла в нашем кафе чашку кофе и принялась думать.

Итак, человек, которого я обнаружила пятого числа в коридоре, действительно был мертв. Его звали Юхан Свантесон, он, очевидно, швед, ненадолго приехавший в Петербург. Сходил в Мариинку на балет, а потом решил развлечься менее культурно. Познакомился с девушкой, и она пригласила его к нам в общежитие.

К сожалению, Светка под данную схему вполне подходит. Нет, я не верю, что она проститутка, но что при первой же встрече готова лечь в постель — несомненный факт. К тому же она знала, что наша комната будет пустовать. Привела, значит, гостя домой, они развлеклись, а потом она подлила ему этот самый клофелин. Зачем?

Про клофелин, которым проститутки опаивают доверчивых клиентов, знаю даже я. Подобный сюжет фигурирует во всех милицейских сериалах. Интересно, где данный препарат берут? Вряд ли в аптеке. Хорошо, предположим, где-то раздобыла, предположим, и впрямь решила ограбить — хотя мне по-прежнему не верится. Мне кажется, грабят жадные, а не щедрые. Хотя вредная Ирина Станиславовна не зря поинтересовалась, откуда же у Светки деньги, чтобы быть щедрой. Не знаю, откуда. Никогда об этом не задумывалась. Возможно, кое-кто из мужчин ей и впрямь что-нибудь дарит. Сам, добровольно. Но вообще-то я готова голову позакладывать за Светкино бескорыстие!

Ладно, пускай я слепа и Светка воровка, которая не учла больное сердце Свантесона и случайно совершила убийство. Перепугавшись, она решила избавиться от тела. Но, как на грех, под дверью безвылазно торчу я. Тогда она отключает свет... нет, погодите! Как она могла выйти и отключить свет, если я торчу под дверью? И тут я с ужасом вспомнила мотив «Желтой подводной лодки», прервавший мои мечтания о мистере Рочестере. Мобильник! Светка могла позвонить и попросить кого-нибудь из парней вырубить электричество, не объяснив, зачем это нужно. Кого? Сашка гулял, Сережа был на работе, Илья... он не мог пройти по коридору мимо меня незамеченным. Впрочем... а если в тот момент он был не дома, а домой вернулся потом, под прикрытием темноты? Есть еще Виталий, про которого я не знаю, где он в тот вечер находился. К тому же пробки может выкрутить и девчонка, если она не такая тупица в физике, как я. Нелька отсутствовала, Марго заведомо сидела у себя, я ведь беседовала с ней! Алена или Наташа? С трудом верится, что Алена побежит кому-то помогать, а вот Наташа очень хозяйственная и как-то раз починила нам электрочайник. Надо будет у нее спросить!

Хотя есть вероятность, что свет отключился случайно. Этот вопрос обещал выяснить Сашка. Свет отключают, я ухожу, Светка вытаскивает труп, но далеко его унести не успевает, поскольку я возвращаюсь. Она в ужасе прячется, я паникую над телом, потом бегу к Ольге Николаевне. Пока я сучусь, Светка успевает выволочь несчастного Свантесона по черной лестнице и... Нет, что-то тут не сходится. Ладно, в общежитии никто ничего не заметил по причине темноты, но ведь требовалось отнести труп в соседний дом. Чтобы хрупкая девушка, пусть даже ей прибавило сил состояние стресса, сумела сделать это скрытно! Я так и увидела, как бедная Светка тащит тело за ногу, а редкие прохожие таращат на нее глаза. Нет, здесь требуется помощник. Двое, обхватив мертвого с обеих сторон, могут вести его, словно пьяного. Получается, тот, кто отключил свет, тоже не невинная овечка.

Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь и все происходило совсем иначе. У меня не слишком хорошо с логическим мышлением. Теперь о главном. Марго увидела, как я нашла билет в театр, купленный иностранцем, и обо всем догадалась. На это явно намекал Сергей Михайлович, задавая мне вопросы. Ерунда! Пускай она поняла, что я нашла в коридоре именно иностранца, что с того? Откуда ей знать остальное? Или у милиции есть еще какие-то сведения? Почему они интересовались, не пишет ли Марго детективов? Зря я сразу выдала им приметы Свантесона, надо было сперва попросить ответить. Но теперь, разумеется, уже поздно и требуется думать самой. Даже за советом не к кому обратиться, поскольку я дала обещание молчать.

Пропустив непонятное место — как именно Марго сообразила, что к чему, и действительно ли это так, — я двинулась дальше. Предположим, она сообразила и решила повернуть это себе на пользу. Я недолголюбиваю Марго и не стану утверждать, будто она не способна на плохой поступок.

Так что, шантаж? Марго за свое молчание потребовала от Светки денег? Нонсенс! У Марго их куры не клюют, а у Светки серединка наполовинку, то они есть, то нет. Хотя сейчас как раз есть — вон, сколько она накупила перед праздником деликатесов! Короче, еще одно непонятное место. Светка обещает заплатить Марго седьмого вечером и назначает встречу в одиннадцать в солярии. Уходит в универсам, а оттуда бежит в солярий и выталкивает шантажистку из окна, отключив предварительно свет — сама или с помощью загадочного сообщника. Потом, как ни в чем не бывало, в прекрасном настроении возвращается домой, решив в случае чего свалить вину на меня.

Я отставила холодный кофе. Бред, бред сумасшедшего! В то, что Светка могла совершить опрометчивый поступок — подлить кому-то снотворного — ладно, поверю. Но что она совершила преднамеренное убийство и ей как с гуся вода — нет, нет и еще раз нет! Пусть я глупа и слепа, но не настолько. Она открытый человек, по ней все видно. Я пыталась объяснить это милиционерам, но они, по-моему, не особенно слушали. Неужели они собираются обвинить Светку в двух убийствах, причем именно я неуместной откровенностью навела их на подобную мысль? Однако никаких доказательств у них нет и быть не может. Это сделала не Светка. Тогда кто? Почему бы все эти рассуждения не отнести к кому-нибудь другому? Но к кому?

Интересно, кто из девчонок привел бы к себе иностранца? Наташа? Кстати, не исключено, только вовсе не из корыстных побуждений — разве что считать корыстью желание создать семью. В любом случае, подливать ему снотворное она бы не стала. Хотя если б полагала, что это поможет ей прочнее его привязать и не подразумевала бы ничего плохого... Да о чем я, она же в кого-то влюблена! В того, кто забыл поздравить ее с Восьмым марта. Кто у нас был? Сашка, Илья, Сережа. Сашка с Ильей по сравнению с Наташей совсем дети, остается Сережа... Вот уж, кто совсем не думает о любви. Он деловой человек, это сразу видно. Любить его — затея безнадежная. Бедная Наташа! Значит, ее отмечаем. Любя одного, она не связалась бы с другим.

Теперь Алена. На наших парней она смотрит свысока, нередко намекая, насколько из более высокого круга ее поклонники. Богатый иностранец был бы ей вполне под стать. Предположим, она привела его в пустующую комнату Виталия и решила ограбить. Зачем? Неужели ей не хватало денег? Хотя Макс сказал, что Наташа намекала на нечто подобное. Надо будет обязательно Наташу спросить. Но все равно... пусть Алена убила Свантесона, у нее не поднялась бы рука на Марго — они же лучшие подруги! Любой жестокости есть предел. Нет, Алену тоже отмечаем.

Дальше по списку идет Нелька, но у нее на время убийства алиби. До того, как без четверти одиннадцать отключили свет, она сидела здесь, в кафе, потом без десяти одиннадцать заглянула к Илье и без пяти была дома. Да и вообще, Нелька практична и не склонна к риску. В ней не хватает какой-то изюминки, индивидуальности. Стоит взглянуть на ее рисунки, и понимаешь — она ходит проторенными путями. Короче, Нельку тоже отмечаем. Кто остается? Я, что ли?

С изумлением сделав подобный вывод, я решила радикально изменить концепцию преступления. Откуда уверенность, что его совершила женщина? Разве только проститутка способна использовать клофелин? Кстати, вот еще проблема. Если предположить, что виновата одна из девчонок, то на что она рассчитывала? Ну, украла бы она деньги, так на следующий день Юхан Свантесон привел бы к нам в общежитие милицию, и мало бы никому не показалось. Или он побоялся бы признаться, что вступил в связь с незнакомой женщиной, и предпочел бы не затевать дела? Однако связь с незнакомой женщиной — еще не преступление. Вот если б она была несовершеннолетняя... но таковых, кроме меня, здесь нет. Честное слово, убийца — я! Голова идет кругом!

Лучше взгляну на ситуацию с другой стороны. Предположим, загадочный иностранец явился сюда вовсе не с любовным визитом. Он был знаком с одним из наших парней, приглашен в гости. В конце концов, почему бы шведу не заинтересоваться, в каких условиях проживает в демократической России студенческая молодежь? Но корыстный приятель, заметив в кошельке Свантесона крупную сумму, решился на убийство. Нет, не так. Яд требовалось достать заранее, поэтому убийство было запланированным. Далее все идет по той же схеме, какую я описывала применительно к Светке, только преступник мужского пола мог обойтись без сообщника. И тело сам бы дотащил, и пробки вывинтил. Действительно, сообщник — существо опасное, логичнее считать,

что злодей действовал в одиночку. Но его заметила Марго и принялась за шантаж. Господи, как хотелось бы знать, почему милиция спрашивала, не пишет ли Марго детективов! Ладно, не стоит отвлекаться. Надо решить, кто из парней годится на страшную роль.

Да уж, конечно, не Сашка. Не спорю, его ночные прогулки подозрительны, но я уверена, что объяснение им самое невинное. Всякие намеки Макса — мол, откуда Сашке известно про скрипучий пол солярия, — они вызваны тем, что Макс не знает Сашку и не знает, что тот — хороший человек. А убийц хороших не бывает, правильно? Даже обсуждать это не собираюсь.

Илья... он вечно шутит, никогда не поймешь, что у него на душе. Хотя я от него не видела ничего, кроме добра. И пятого, и седьмого он сидел в одиночестве дома, причем то, что касается пятого, вызывает у меня смутные подозрения. Что-то неискреннее почудилось мне в настойчивых словах Ильи. И, кстати... когда мальчишки пришли поздравлять нас с Восьмым марта, он был не такой, как всегда. Сперва словно летал на крыльях, а потом неожиданно присмирел. Когда? Вручая подарок Алене. Может, Алена ему нравится? Может, он с нею находился пятого числа? Ох, не верится. Зачем Алене провинциальный нищий ухажер? Она — светская дама, столичная штучка.

Вернемся к вопросу о том, мог ли Илья совершить эти убийства. Физически — да, его алиби никем не подтверждается. Психологически... мне трудно судить. Никогда не замечала в нем алчности. И потом, неужели восьмого, совершив накануне страшное преступление, он мог выглядеть таким счастливым?

Сереза... Практичный, взрослый, активно работающий и имеющий хорошую зарплату. Раз у него и без того есть деньги, стал бы он рисковать, убивая ради наживы? Сомнительно. Тем более, и пятого, и седьмого он вернулся в общежитие уже по завершении трагических событий, в половину двенадцатого или без четверти. Причем седьмого числа встретил во дворе Сашку. Интересно, кто-нибудь из его коллег может подтвердить его алиби или в столь поздний час Сереза трудился в одиночку?

Виталик... предающий доверие женщин красавец-мужчина. Именно он наткнулся на тело Марго, только в моем представлении это скорее отрицает вину, чем подтверждает. Зачем убийца станет находить тело? Разве что ему требуется нечто там подобрать... кстати, а почему бы нет? Марго вцепилась в волосы злодея, а Виталий под окном вытащил их из мертвых рук. Хотя нет, следов борьбы не обнаружено. Все равно, остается открытым вопрос, почему Виталий оказался у общежития не со стороны входа, а с тыла. Там мокро и грязно, никто туда не ходит.

— О чем задумалась?

Я подняла глаза, увидела красивое, слишком красивое лицо и от неожиданности выпалила:

— О тебе.

— Серьезно? — обрадовался Виталий, став еще красивее. — Смотрю, кофе остыл, а барышня в прострации. Я купил тебе свежий. И пирожок.

— Спасибо, мне не нужно.

— Так что, прикажешь мне пить обе чашки? Нет уж, бери.

Вот вам одна из причин успехов моего собеседника у слабого пола. Кто я ему? А он приносит мне кофе и пирожок.

— И чем же я тебя заинтересовал, скажи на милость?

— А ты не догадываешься?

— О боже! — с наигранным пафосом воскликнул Виталик. — Похоже, до меня дошло. Я волную тебя только как существо, умеющее находить трупы, а остальные мои качества тебя не интересуют. Мое отношение к тебе, мои чувства...

Он искренне засмеялся, а я поспешила заверить:

— Как раз очень интересуют. Виталий, скажи честно... я не обижусь... ты плохо ко мне относишься или ничего?

Виталик изумленно поднял брови.

— Почему плохо? Я вообще ни к кому не отношусь плохо.

— А разве так бывает?

Он пожал плечами.

— Я не уверяю, что люблю ближнего, словно самого себя. Это было бы нелепо. Но и плохо относиться к какому-то постороннему человеку... с чего бы вдруг?

Я уточнила:

— То есть окружающие люди тебе слишком безразличны, чтобы относиться к ним хорошо или плохо? Я правильно поняла?

Виталий задумался.

— В твоём изложении, Машка, это звучит довольно неприглядно, но разве лучше принимать окружающих близко к сердцу и ненавидеть их?

— А почему, принимая близко к сердцу, обязательно ненавидеть?

— Потому что интересы другого человека обычно противоречат твоим. Машка, ты уникал! Я ведь никогда не разговариваю с женщинами на абстрактные темы.

— Почему?

— Им это недоступно. Ладно, не хмурься, о присутствующих не говорим. А вообще, с женщиной следует обсуждать её саму. Это безотказный приём.

— Совсем-совсем безотказный?

Виталик улыбнулся.

— Совсем-совсем безотказных не бывает. Ты, например, шкатулка с секретом. Но гении, подобные тебе, встречаются редко, а вот что касается обычных людей...

— Проверяешь на мне метод грубой лести? — прервала я.

— Есть немного. Привычка, Машка. Но, если серьёзно, проколов у меня практически не бывает. Я решила.

— А вот Алена или Марго... они ведь симпатичные, а ты никогда даже не пытался...

— Ну, Машка, даже меня не хватит наставить на путь истинный лесбийскую пару. Да и не имею такого желания.

Я застыла, поражённая.

— Ты... ты шутишь, Виталий?

— погоди... ты что, не знала? Серьёзно? Я думал, это всем очевидно.

— Что значит — очевидно? Откуда можно это знать? Разве ты видел, как... ну, то есть...

— Да у каждой из них на лбу стоит крупное клеймо, — прервал меня Виталик. — Не обязательно потрахаться со Светкой, чтобы быть уверенным в её опыте, правильно? А чтобы, pardon, обнаружить твою девственность, вовсе не требуется справки от гинеколога. Вот и эта сладкая парочка... не знаю, где теперь Алена найдёт себе новую партнёршу, у нас все девочки, слава богу, гетеросексуальны. Впрочем, она наверняка вхожа в соответствующие круги.

Я молча хлопала глазами. Так вот на что намекал Макс! Он сразу заметил, хоть и не был уверен, а я, как обычно, проявила полную слепоту. Разумеется, я знала о существовании лесбиянок. Древнегреческая поэтесса Сафо, клубы однополый любви, розовые и голубые... Но это было для меня абстракцией, чем-то из мира глянцевого журналов, которые часто приносила Нелька, или непристойных газет, чтением которых иной раз развлекалась Светка. Алена и Марго — лесбийская пара. Какой кошмар! Хотя почему кошмар? Разве они не имеют права? И все равно я содрогалась от непонятного ужаса. Почему-то Светкины демарши не казались мне даже вполноту такими неприятными, как сексуальный союз двух женщин.

И тут меня пронзила новая мысль. Любовь способна породить ревность, а Марго последнее время выказывала интерес к Сашке. Я ведь полагала, что Алена ни за что не убила бы близкую подругу, однако если это не подруга, а совсем другое... Хозе и Кармен, Отелло и Дездемона — вот вам страшные примеры. Неужели Алена могла... хотя погодите! Будь она лесбиянкой, разве стала бы заманивать к себе иностранца? Хотя почему нет? Она ведь заманивала его с целью наживы.

— Огоршил тебя, да? — сочувственно заметил Виталик. — Да не бери в голову. Какая тебе разница?

— Но Марго ведь убили! — вырвалось у меня.

— Думаешь, Алена? — проницательно уточнил мой собеседник. — А кто вас, баб, разберет, особенно сдвинутых. Никогда не понимал лесбиянок. По-моему, они лишают себя самого основного. А менты что, по-прежнему подозревают тебя?

Я не ответила. И зачем только я дала Сергею Михайловичу обещание молчать?

— Твой самый большой недостаток — это упрямство, — продолжил Виталий. — Я бы посоветовал тебе не вмешиваться, но знаю, что все равно сделаешь по-своему. Так имей в виду — меня в это дело впутывать не надо. Я тебя не впутывал, так будь добра, и ты меня не впутывай. Ко мне даже менты уже перестали цепляться. Я был у любовницы, причем не только седьмого, но и

пятого, и она это подтверждает. Конечно, моя красотка подтвердит все, что угодно, но есть еще отпечатки шин у нашей общаги. Она подвезла меня на своем мерсе. Только, дура, почему-то постеснялась подъехать к главному входу. У баб иногда бывают странные заскоки. Идти со мной в казино она не стесняется, а показаться нашим ей, видите ли, стыдно.

— Почему стыдно? — испугалась я. — Она что, какая-нибудь... то есть...

— Да успокойся, — засмеялся Виталий, — ни хвоста, ни рогов у нее нет. Сорокалетняя бизнесвумен, вся из себя холеная и новорусская. А в глубине души — типичный совок, как и все ее поколение. Помнит времена, когда сама училась в институте, и боится, что наши девчонки нас обсмеют. А что они скорее уж мне позавидуют, поскольку сами мечтают ухватиться за богатого папика, ей в голову не приходит. Теперь студентки пошли продвинутые, это вам не застой. Короче, из-за этих ее бабских закидонов я наткнулся на труп. Возможно, умнее было сделать вид, будто ничего не видел, но я сразу подумал про следы — и оказался прав. Если бы я не позвонил ментам сам, а они нашли меня по следам, наверняка попытались бы навесить дело на меня. А теперь я чист.

— А во сколько ты возвращался? То есть нашел Марго... — с трудом выдавила я, ошарашенная довольно циничными откровениями. Виталий — альфонс? Или он искренне любит богатую пожилую женщину? Впрочем, о чем я — ведь параллельно он крутит романы с другими, помоложе.

— Без четверти двенадцать. А умерла она где-то в районе одиннадцати. Так, по крайней мере, уверяют менты. Только знаешь что, Машка! Перестань грузить себя посторонними проблемами. У тебя своих хватает.

— Что ты имеешь в виду?

— Да твоего Макса. Чем портить людям настроение разговорами про убийство, лучше побеспокойся о себе. Ты, надеюсь, понимаешь, что он непростой?

— А почему он должен быть простым? — холодно осведомилась я.

— Потому что ты у нас больно простая, — с раздражением ответил Виталий. Я еще раньше заметила, что Макс очень ему не понравился. — От меня шарахаешься, будто от сифилитика, а он, видите ли, книжный герой! А книжных героев не бывает, поверь моему опыту. Бывают мужики честные, вроде меня, а бывают притворщики, которые строят из себя героев. А нужно всем одно и то же, советую тебе это понять. Противно смотреть, как ты, будто последняя дурочка...

— Я же не рассказываю тебе, Виталий, на что противно смотреть м н е, — прервала я. — Спасибо за кофе.

Я встала и выскочила в холл. Душу переполняли различные чувства. Главенствовало над всеми возмущение из-за Макса. Как Виталий смеет сравнивать его с собой? Как смеет утверждать, что им нужно одно и то же? Да сам бы на его месте давно попытался уложить меня в постель, а Макс на подобное даже не намекал! Я до сих пор не уверена, что его интерес ко мне выходит за рамки обычного доброжелательства. Я мечтала бы получить доказательства противного, однако их как не было, так и нет. Другое дело Виталий, глаза которого вечно шарят по твоему телу. А сам живет на содержании у женщины! Мужчина на содержании у женщины — что может быть недостойнее! Как его язык повернулся критиковать Макса!

Заботы о расследовании преступления отступили на второй план. Смутно мелькала мысль, что Виталий, по-видимому, не убийца, но сосредоточиться на ней не удавалось. В этот момент смятения со мною заговорила Алена.

— Хелло, Маша. Куда собралась?

Я уставилась на нее, словно баран на новые ворота. Я уже и забыла, когда она последний раз называла меня настоящим именем, а не Фросей. К тому же, вспомнив, что Виталий уверенно наградил Алену званием лесбиянки, я попыталась обнаружить в лице девушки следы этого загадочного порока. Или слово порок тут неуместно? Короче, ничего особенного я не замечала. Лицо как лицо.

— Да нет, никуда не собралась.

— Так поехали со мной.

— Куда?

— В Дом кино. Там сегодня будет весь бомонд.

— Но уже десятый час! — напомнила я.

— Да. Как раз скоро закончится фильм, и можно будет пообщаться. Ты ведь, по-моему, ни разу со мною туда не ездила?

Доброжелательный тон вечного врага меня просто обезоружил. Нехорошо отвергать предложение о мире, правда? Хотя мне вовсе не хотелось в Дом кино. Если честно, я боюсь подобных заведений. Абсолютно не умею вести себя в светском обществе и вряд ли когда-нибудь научусь. Но отказаться означало снова встать на тропу войны. К тому же я совсем недавно сокрушалась, что Алена не станет отвечать на мои вопросы, связанные с убийством Марго. И вот сама судьба неожиданно предлагает удобный случай. Алена зовет пообщаться! Наверное, смерть подруги ее переродила? Не исключено, что бедная девочка, как и я, безуспешно пытается вычислить преступника и теперь хочет объединить наши усилия. Ведь она заинтересована в выяснении истины куда больше, чем я. Представляю, как она должна терзаться! Неужели я откажу ей в помощи?

Пока я так размышляла, мы уже оказались на крыльце, и Алена привычным жестом подняла руку, останавливая автомобиль. Только внутри него под удивленным взглядом шофера я сообразила, как странно выгляжу.

— Погоди, Алена! — быстро воскликнула я. — Мне ведь надо зайти домой переодеться. И взять куртку. И деньги.

Кафе, где подхватила меня спутница, располагается на первом этаже нашего общежития, и мы посещаем его запросто, в домашнем. Я вдруг вспомнила высказывания Марго о моей одежде и реакцию на это Светки с Нелькой. Наверное, опрометчиво отправляться в светское общество в старых брюках и не менее старом свитере, зато без пальто и без кошелька, сжимая в кулаке три рубля сдачи за кофе.

— Не будь провинциальной, — пожалала плечами Алена. — Зачем куртка, раз мы на колесах? А деньги есть у меня.

Сама она тем не менее была в меховой накидке. Однако обращать на это ее внимание уже не имело смысла — мы всю мчались по проспекту. Господи, какая я дура! Надо было сразу выскочить из машины, а теперь поздно. Мне даже нечем заплатить за обратный путь. Скорее всего, еще три дня назад я восприняла бы ситуацию спокойнее, но разговор с соседками по комнате, завершившийся моими слезами, был жив в памяти и терзал меня. Позориться перед бомондом не хотелось.

Впрочем, выбора не было. Вскоре мы стояли перед вертушкой, и Алена, улыбаясь, сообщала:

— Это со мной, Тамара Николаевна.

Нас пропустили, и Алена прямым ходом повлекла меня в кафе. Народу там оказалось немного, зато накурено было страшно. Как только люди выдерживают подобную атмосферу?

Впрочем, моя проводница, оглядевшись и, видимо, не обнаружив знакомых, села за столик и вытащила сигарету, намереваясь внести собственный вклад в общее дело. Я, стараясь не дышать, воспользовалась случаем и произнесла:

— Алена, я хочу выразить тебе свое сочувствие. То, что случилось, просто ужасно, особенно для родителей Марго и для тебя.

Глаза Алены сверкнули, однако ответила она иронично:

— Се ля ви.

— Такова жизнь, — автоматически перевела я. — Но она ведь не всегда такова, правда? К т о-т о сделал ее такой. Прости, Алена, за откровенность, но... ты считаешь, что это сделала я? Ты сказала так следователю? Ответь мне, пожалуйста, честно. Ведь в твоём поступке нет ничего плохого. Если ты действительно считаешь меня виноватой, было бы странным, если б ты промолчала.

— Не станешь же ты уверять, будто это ты толкнула Марго? — подняла брови Алена.

— Конечно, не стану, — поспешила успокоить ее я. — Я боялась, что так думаешь ты.

— Нет. И следователю я ничего подобного не говорила. Переиграть Марго — задача не для тебя. Полагаю, тебя заложил Виталий.

— Да вроде бы нет. Ладно, неважно. А для кого, по-твоему, эта задача?

Лицо Алены передернулось, и она холодно заметила:

— Для доблестной милиции, разумеется. Не для нас же?

Я сперва несколько опешила, потом поняла, что она, подобно Виталию, советует мне не совать нос в чужие дела. Но тогда получается, я зря сижу тут посреди бомонда, страдая от неловкости? Ну, нет! И я продолжила:

— Странный они вопрос задали, да? Не писала ли Марго детективов. Ведь не писала?

— Нет, конечно. Эту жвачку у нас употребляет только Наташа. Корова — она во всем корова. А мы с Марго предпочитаем Коэльо.

— А ты не помнишь, во сколько Наташа в тот вечер пришла домой? — тут же вставила я. — В смысле, вернулась в комнату из кухни.

— Где-то через четверть часа после отключения света. Я думала, это идет Марго, а это была всего-навсего она, — в голосе Алены зазвучало искреннее волнение. — А Марго все не было.

— А пятого числа, когда отключали свет, ты была где?

— Тоже дома. Где мне еще быть?

— Ну, не знаю. Просто я подходила к двери, и со мною беседовала только Марго.

— Да, я слышала, как ты подходила, но у меня не было настроения болтать. Как, впрочем, и сейчас.

Я поняла, что пора одалживать денег на обратную дорогу и отправляться восвояси. Но, пока я собиралась с духом, в кафе ввалилась целая толпа. Очевидно, закончилось какое-то мероприятие. Алена одной рукой схватила меня за локоть, удерживая на месте, а другой приветственно замахала. К нам тут же присоединились новые лица — два парня и две девушки. Девушкам было лет под тридцать, одна из них почему-то в камуфляжной солдатской форме, другая, правда, в мини-юбке. Определить возраст парней я не рискнула бы, поскольку никогда до той поры не видела мужчин с явными признаками макияжа. Признаюсь, зрелище меня не вдохновило. Тем не менее я, словно замороженная, была не в силах отвести глаз. На одном из вновьприбывших красовалась черная сетчатая майка, сквозь которую торчала густая кудрявая поросль. Другой был в ярко-розовой рубашке с рюшами, расстегнутой до пупа, и на груди его, наоборот, не было ни волоска. Здороваясь с Аленой, гости принялись целоваться с нею и друг с другом, словно не встречались целый век. Отцеловавшись, они уселись, и девушки дружно закурили.

— Не бережете вы свое здоровье, — заботливо прокомментировал тот, что с рюшами. — Легкие курильщика — страшное зрелище.

— А печень алкоголика? — парировала девица в камуфляже.

Все засмеялись.

— Кстати, об алкоголе, — оживились «рюши». — Где твоя подружка? А то я так соскучился, что аж в горле пересохло.

— Она уехала, — весело сообщила Алена.

— Жаль. Люблю щедрых людей. А что ты нас не познакомишь с новой девочкой? Она что, тоже из Кемерова?

Алена кинула на меня короткий взгляд, и я меня вдруг пронзила мысль: «Как сильно она меня ненавидит!»

— Это Фрося из Каргополя, про которую мы рассказывали, помнишь? — и моя однокурсница ехидно улыбнулась. — Я думала, вам будет забавно на нее посмотреть. Где еще сейчас найдешь такое дремучее существо? Посмотрите, как она вырядилась!

— Наверное, этим свитером ее прабабушка натирала полы, — прощбетала «мини-юбка». — Ой, Фрося, а это правда, что ты до сих пор девственница, или это все-таки фишка? Алена, она ведь не такой и урод. Если помыть, подкрасить, приодеть...

Я попыталась встать, но ноги отказывались служить. В висках застучало, кровь бросилась в голову.

— Помыть? — протянула Алена. — Ну, в Каргополе вряд ли моются чаще раза в год, а она в Питере всего семь месяцев.

— Семь месяцев в Питере — и в таком прикиде? — изумились «рюши». — Детка, не позорь северную столицу. Да еще это украшение... — он кивнул на косу. — Слушай, а давай его того? А?

Он порылся в кармане и вытащил складной нож, а девица в камуфляже ловко схватила меня за косу. Это придало мне сил. Я вскочила и произнесла:

— Разве не каждый вправе одеваться и вообще жить так, как он хочет, а не так, как все? Вам ли против этого возражать?

Как ни странно, голос не дрожал и слез не было, хотя плачу я легко. Мои слова вызвали лишь хохот, но я уже бежала, натываясь на стулья, к выходу. Вниз по лестнице, потом налево... тупик. Я заблудилась. Ну, и ладно. Здесь никого нет, посижу немного на ящике и постараюсь прийти в себя. В таком состоянии показываться на улице — прохожих распугаешь. Господи, почему я такая дура? Как я могла поверить в Аленину искренность? Зачем я приехала сюда, в чужое, ненужное мне место, к чужим, непонятным людям? Отчего многие девчонки рвутся с Аленой в этот Дом кино? Наверняка и

над ними тут потешаются, пусть и более скрытно, чем надо мной. Даже над Марго потешались, я почувствовала это! И вот теперь я, оплеванная, опозоренная, торчу в каком-то подвале без денег и верхней одежды и не знаю, как мне добраться домой. Пешком? На улице снег с дождем и слякоть, а я в тонком свитере и домашних туфлях. Попросить у кого-нибудь мобильник, чтобы позвонить Светке? Но за звонок надо платить, а даже свои три рубля я потеряла. Есть ли на свете еще такой непутевый, глупый, никому не нужный человек?

Тут я наконец заплакала. «Еще и плакса! — мстительно добавила я в перечень собственных грехов. — Плачу второй раз за день. Хорошо, что сейчас нет рядом Макса». И вдруг новая беда, страшнее прежних, обрушилась на мою бедную голову. Макс сегодня видел меня в старом свитере, ужаснувшем Алениных друзей, и я не сообразила переодеться хотя бы после его прихода, чтобы сгладить впечатление! Немудрено, что он не назначил мне встречи. Он не придет больше никогда, никогда!

Не знаю, сколько времени я провела, поливая слезами скрипучий ящик. Наконец, на душе полегчало — обычный результат моих рыданий. Я встала и побрела по лестнице вверх, однако вскоре вынуждена была остановиться. Раздались голоса, а мне меньше всего хотелось продемонстрировать окружающему миру помятое лицо и опухшие глаза.

Один голос показался мне знакомым. Алена? Похоже, но манера говорить совсем другая. Алена лениво-снисходительно цедит слова, а тут быстрая, нервная, сбивчивая речь.

— Папа, не убегай! Мне надо поговорить с тобой.

— Ну, говори.

А вот теперь голос мужской, незнакомый, зато манера барственная, Аленина.

— Папа, мне нужны деньги.

— Детка, а ты помнишь, сколько тебе лет? Двадцать один, если не ошибаюсь? Вполне совершеннолетняя.

— Да, я понимаю. Но ты ведь обещал маме, пока я буду учиться, помогать мне.

— И помогаю. Без меня ты училась бы в каком-нибудь малярном училище. С твоими средними способностями тебе было бы не поступить в художественный вуз даже здесь, в Питере. И потом, я ведь разрешил тебе использовать мое имя, а при некоторой сообразительности из него можно делать хорошие бабки. На свете столько дур, готовых заплатить только за то, чтобы их фото вошли в банк данных знаменитого Ильницкого. Сериалы сейчас — золотое дно.

— Вот именно, у тебя золотое дно, а ты жалеешь для меня жалкие гроши! Ведь я же твой единственный ребенок, родная дочь!

— О, — хмыкнул Аленин отец, — да ты стала типичной провинциалкой. Это комплекс Питера — завидовать Москве и, напирая на сантименты, пытаться выкачать из нее деньги. Но совковые времена, когда деньги давали даром, давно миновали.

— Для твоей Лики они не миновали!

Алена выкрикнула эту фразу с отчаяньем, словно бросалась с головой в омут. В голосе Ильницкого зазвенел металл.

— А ты найди себе, как моя Лика, богатого и знаменитого мужа, вот тогда и поговорим. Или, может быть, тебе легче найти себе богатую и знаменитую жену?

— Да — на сорок лет меня старше! И притворяться, что люблю, да?

— Лика младше меня всего на тридцать четыре года, — с холодной яростью уточнил Ильницкий. — Мы с ней по-настоящему любим друг друга. А ты с твоим увлечением девками...

— А ты думал, что я, зная тебя, смогу увлечься мужчиной? Видя, как мама сдувала с тебя пылинки! Как она пожертвовала для тебя всем — молодостью, талантом, красотой! Она могла бы стать знаменитой актрисой, но она отдала всю жизнь тебе! А ты... ты изменял ей, она все терпела, она помогала тебе делать карьеру, и, когда ты наконец добрался до вершины, ты бросил ее! Бросил нас с нею, как ненужный хлам, ради бездарной корыстной куклы! И после этого ты думаешь, что я когда-нибудь поверю мужчине? Что я захочу семейного счастья, которое мой муж в любой момент пустит прахом? Ну, нет! Никогда!

— Это твои проблемы, детка, — все так же холодно прервал Алену отец. — Боюсь, меня заждалась Лика. Да, кстати! Из зависти говорить о ней гадости — не лучший способ раздобыть у меня денег. Учти это на будущее.

Тяжелые шаги немолодого грузного мужчины, поднимающегося вверх по лестнице, заглушили

легкий стук Аленыных каблучков. Я не успела отпрянуть и, оказавшись с однокурсницей лицом к лицу, робко пролепетала:

— Прости... я здесь случайно... просто заблудилась...

— Как я тебя ненавижу, боже мой, как я тебя ненавижу, — выдохнула Алена, и глаза ее засияли восторгом человека, открывшего давно мучившую его тайну.

— За что? — спросила я.

— Неважно. А знаешь, что я тебе скажу? Марго трахалась с твоим Сашкой. Ей, конечно, это было не в кайф, но уж очень хотелось сделать тебе приятное. Надеюсь, ты рада? Пока, Фрося!

Алена побежала вверх, я медленно пошла за ней. Вот и выход. Под ногами хлопает, сверху льет, сбоку дует. Холодно, мокро, темно. К тому же страшно — на меня все-таки недавно напали, а каждый раз уповать на благородного спасителя слишком самонадеянно. Я неслась по ночным улицам, а в голове метались бессвязные мысли. Алена лесбиянка, и в этом виноват ее отец. Он бросил их с матерью, женившись на молодой. Бедная Алена! Нет, она все равно противная. Она жадная и злая. Из-за нее я простужусь сейчас и, может быть, умру. Я умру, а потом придет Макс, а я никогда не узнаю про это. Светка будет соблазнять его, а я лежать в могиле. Ни за что, ни за что Алене этого не прощу! И от отца-то ей нужны деньги, только деньги. Марго погибла — но Алену волнует не ее смерть, а то, что иссяк источник дохода. Макс прав — Марго содержала Алену и ее приятелей. Пусть не содержала, но много на них тратила. А еще она переспала с Сашкой. Неужели это правда? Он уверял, между ними ничего такого не было. Впрочем, с чего бы ему в подобном вопросе со мной откровенничать? Алена сказала, Марго спала с Сашкой из-за меня. Они что, решили, я в него влюблена? Вот глупые-то! А Сашка... не похоже, чтобы он любил Марго. Любил бы, совсем по-другому отнесся бы к ее гибели. Но неужели он мог спать с нею просто так, без чувств? Я думала о нем гораздо лучше. Он ведь не Виталик какой-нибудь, он хороший человек. Он говорит, Алена ненавидит меня за талант. Наверное, ужасно ненавидеть? И желать больше денег, чем у тебя есть, тоже ужасно. Не хотела бы я быть на месте Алены. Она несчастная. Зато она давно уже в постели, а я все еще ковыляю по лужам. Я иду больше часа, ветер пронизывает насквозь, тело словно деревянное. Вот и дом, слава богу! И у входа маячит какая-то фигура. Неужели меня снова поджидает хулиган? Нет, это всего-навсего Сашка.

— Ты чего, сбрендил? — невежливо спросил он, узнав меня. — По-твоему, раз март — весенний месяц, значит, надо ходить голиком? Сейчас, между прочим, минус.

— Ты что, думаешь, я для удовольствия мерзну? — огрызнулась я, заскакивая в подъезд. — Это случайно получилось. Меня отвезли на машине, а потом я ушла.

— Ага! — съехидничал Сашка, волоча меня по лестнице. — Сбежала от своего прекрасного принца, так?

— Я сбежала от Алены, — пояснила я. Не очень хотелось отчитываться в случившемся, однако еще меньше хотелось порочить ни в чем не повинного Макса.

— От Алены? Не понимаю.

Я вспомнила отвратительную сцену в кафе Дома кино, и меня посетила идея, от желания реализовать которую я даже остановилась.

— Сашка, — поинтересовалась я, — признайся честно, как я одета?

— В брюки и свитер, — буркнул он. — Без куртки.

— Нет, я про другое! Этот свитер... я в нем очень плохо выгляжу, да?

Действительно, кто внесет ясность в столь животрепещущий вопрос, если не Сашка? С одной стороны, он сообщит именно мужскую точку зрения, что в свете последних событий стало для меня особенно важно, а с другой, не станет церемониться и доложит все, как есть. Он ведь мне друг!

Сашка бросил короткий взгляд на мою грудь и слегка покраснел. Да, грудь у меня слишком большая, а свитер это подчеркивает. Ужасно! И меня в нем видел Макс! Наверное, подумал, что я слишком много ем, поэтому и толстая. Ведь истинная женщина должна клевать, словно птичка!

— Кто тебе сказал подобную чушь? — вывел меня из ступора собеседник. — Ты здорово в этом свитере выглядишь, только не сейчас. Сейчас ты синяя. И не стой столбом, идем быстрее! Тебе надо срочно выпить водки.

— Ты что? Я водки не пью.

— Тем лучше, сильнее подействует. Или тебе нужно воспаление легких?

— Нет. Но я выпью горячего чая, и все пройдет.

— Много толку в твоём чае! Да на тебя смотреть страшно!

Тем временем мы уже добрались до Сашкиной комнаты.

— Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал, — продекламировал лежащий одетым на кровати Илья, с удивлением на меня глядя. А я даже ответить была не в силах, лишь стучала зубами. Вместо того, чтобы отогреться в помещении, я почему-то еще пуще замерзла.

Сашка достал из шкафа водку и налил полный стакан.

— Я помру, — предупредила я.

— Лучше помереть пьяной, чем трезвой, — заметил Илья. — Пей, Машка, не бойсь!

— Сашка дело предлагает, — вступил Сережа. — Это не водка, это лекарство. Во, Сашка, твои ночные прогулки принесли ощутимую пользу. Не только будешь спать без снотворного, но и вылечишь хорошего человека.

— А обычно что, со снотворным? — поразила я. В жизни не употребляла ничего подобного!

— Бессонницей мучится юноша, — пояснил Илья. — Ночи безумные, ночи бессонные! Вот и гуляет до полуночи.

— Прекрати нести ахинею! — прервал его Сашка. — Машка, пей.

Он так решительно сунул стакан мне под нос, что я, презрев наставления папы, выпила. Не понимаю, какое пьяницы в этом находят удовольствие? Будто репейники глотаешь, честное слово!

— Молодец! — одобрил Сережа. — Так ты что, гуляла в таком виде, что ли? В свитерочке? Или у вас случился пожар, и ты выскочила, в чем есть?

— Да эта стерва Алена завезла ее на машине и высадила, — сообщил собственную — весьма близкую к истине — версию Сашка.

— А нечего было с нею ехать, — холодно прокомментировал Илья, вставая.

— В каком смысле? — удивился Сережа.

— А в таком! — с вызовом выпалил Илья. — Все за нею бегают: возьми меня с собой, Алена, познакомь меня с тем, познакомь меня с этим! Любят поживиться за чужой счет. А ей не жалко, она всегда пожалуйста. Раз человек униженно просит, пусть себе едет с нею. Но уважать такого человека она не в силах. В ней самой слишком много достоинства, чтобы уважать тех, кто этого качества лишен. Ну, так нечего всяким обижаться! Если ты увязалась за нею, так играй по ее правилам, а хочешь обратно — добирайся сама. Алена, что ли, должна еще карету вам подавать?

— Ну, ты даешь! — засмеялся Сережа. — Это еще неизвестно, у кого больше достоинства, у Алены или у Машки. Случись что с Лениным папашей, и она останется голенькой, а за Машкины работы иностранцы уже сейчас готовы платить бабки.

Предметы качались у меня перед глазами, в голове шумело, а мозги явно действовали слишком медленно, зато без тормозов. Неужели случайная мысль о любви Ильи к Алене, зародившаяся под влиянием его поздравления с Восемью марта, оказалась верной? Но Алена же лесбиянка...

— Илья, ты ее любишь? — вырвалось у меня. — Бедный ты наш мальчик...

— Тронулись все на любви! — в гневе заорал Илья. — Покою от вас нет! Не люблю я никого, понятно? Не люблю! Я не такой дурак, чтобы любить!

Сашка молча потащил меня к выходу, впихнул в нашу комнату и предупредил:

— Сразу ложись спать. Поговорим завтра. Поняла?

Однако сразу лечь не удалось.

— Ой, да ты пьяненькая, — приветствовала меня Светка. — Наконец-то! Хоть что-то хорошее.

— А случилось еще что-нибудь плохое? — ужаснулась я.

Вместо ответа Светка, помогая мне лечь в постель, поинтересовалась:

— Это кто тебя напоил-то?

— Сашка.

— Ничего себе, тихоня! Правильно, соперничество, оно всегда стимулирует.

Она так заботливо, по-матерински, укрыла меня одеялом, что я не могла сдержаться. Пусть я обещала милиции никому не проболтаться, но намекнуть имею право? Бедная Светка даже не догадывается, что теперь вместо меня стала главной подозреваемой.

— Светка, ведь не ты убила Марго, да?

— Нет, не я. Не думай про это, спи.

— А ты можешь доказать, что это не ты? Не мне, а так, на всякий случай. Чтобы никто не мог

тебя обвинить, понимаешь? Скажи, пятого вечером ты была с иностранцем?

— Конечно, нет. Я была с нормальным нашим парнем. Терпеть не могу, когда лопочут по-английски. Отвратительный язык! Если б у них хватало ума в постели молчать, тогда другое дело, а ведь они еще требования выдвигают! Хочу то, хочу это... Никакого для женщины удовольствия.

— Погодите! — вмешалась подошедшая Нелька, которая всегда реагировала менее быстро и горячо, чем Светка, зато более практически. — Маша, ты ведь была не с Сашкой, а ездила куда-то с Аленой. Мне Виталик говорил. Разве нет?

— Ну... да, вообще-то. Сашка просто дал мне водки, чтобы я согрелась. Я очень замерзла, пока шла обратно.

— В таком виде? — уточнила Нелька. — Без куртки? Тебе надо было взять машину. Конечно, в такое время суток это дорого, но идти пешком раздетой...

— У меня не было с собою денег.

— Во сволочь! — с несвойственным ей темпераментом выругалась моя собеседница. — Думает, раз ее папаша — Ильницкий, а наши — обычные люди, так мы уже — грязь под ее ногами? Она что, выперла тебя и даже денег отказалась одолжить?

— Папенькина дочка! — поддержала Светка. — Все ей на блюдечке, вот и обнаглела совсем. Этот ее московский гонор...

— Нет-нет, — поспешила восстановить справедливость я, — на самом деле Алена не такая. Ее гонор — это защита, понимаете? Отец их бросил и женился на молодой, которая держит его в ежовых рукавицах. Алена очень переживает, ей не хватает денег, чтобы жить так, как она привыкла, а отец дает недостаточно.

— Переживать из-за денег — невелика заслуга, — фыркнула Светка.

— Не только из-за них. Она и по-человечески переживает, честное слово! Она именно из-за этого решила жить с женщинами, а не с мужчинами, потому что после такого поступка собственного отца...

Тут я прикусила язык. Прав был Сашка — мне следовало сразу лечь спать. Я и ему-то не собиралась открывать то, что узнала за сегодняшний вечер, а тем более кому-то другому. Если Алена хочет скрывать определенные вещи, не мое дело афишировать их. Ее тайны принадлежат ей, а не мне. Но алкоголь сделал меня болтливой, а слово, как известно, не воробей.

— Значит, она действительно лесбиянка? — явно обрадовалась Светка. — Так ей и надо! Нечего было выгонять тебя на мороз без денег.

— Я не просила у нее денег.

— Ты что, ее еще и защищаешь? — удивилась Нелька.

— Нет. Она плохо вела себя по отношению ко мне, и она меня ненавидит. Я тоже ее не люблю. Просто я знаю, что она несчастная, и не хочу... Вы ведь не станете никому рассказывать то, что я сейчас наговорила, хорошо?

— Конечно, раз ты не хочешь, — легко согласилась Светка. — И без нее хватает проблем.

Она действительно выглядела не такой, как всегда, более озабоченной и издерганной. Впрочем, а я разве нет? У всех у нас нервы. Я плакала, Наташа плакала, Алена, и та сегодня почти плакала, разговаривая с отцом. Одна Нелька держится, такой уж у нее спокойный характер.

Не успела я это подумать, как раздался грохот, потом крик. Мы со Светкой в испуге вскочили. Нелька сидела на полу, схватившись за ушибленный бок, кругом валялись учебники. Ведь я давно собиралась забить этот дурацкий гвоздь в этажерке, мы не первый раз за него цепляемся! Неожиданно Нелька уставилась на свою ногу, всхлипнула и принялась горько рыдать.

— Думаешь, сломала ногу? — ужаснулась я. — Болит?

— Брю-ю-ю! — провыла Нелька.

— Живот болит? — не поняла я. «Брю» — может, брюхо?

Она отрицательно замотала головой, продолжая жалобно повторять: «Брю-ю-ю! Брю-ю-ю!»

— Господи! — догадалась, наконец, Светка. — И ты так убиваешься из-за каких-то брюк?

— Но-о-овые! — с трудом выдавила Нелька.

Лишь тут я сообразила, в чем дело. Те самые модные бордовые брюки с вышивкой и стразами, приобретенные седьмого марта, порвались о гвоздь. А ведь одни трусы к ним стоят десять долларов, хоть и обошлись в семь из-за праздничной скидки. Я запомнила цену. Конечно, обидно испортить новую вещь. Хотя понятно, что реально Нелька плачет не из-за этого — ну, кто же станет по

подобному поводу всерьез страдать? Просто она, как мы все, не железная леди, а обычная слабая женщина, у нее тоже нервы. Убийство, случившееся рядом, никому не проходит даром. Любой, самый ничтожный повод оказывается достаточным для взрыва.

— Это я и объяснила Светке, которая явно пребывала в недоумении.

— Ей надо выплакаться, — добавила я. — Слезы очень помогают.

— Проверю при случае, — мрачно ответила Светка и выключила свет. Наутро меня немного знобило, и я порадовалась, что как раз воскресенье и не нужно идти на занятия. Добросердечная Наташа тут же принялась меня лечить. Я пыталась убедить ее, что рядовая простуда не стоит подобной заботы, но в глубине души было очень приятно. Видимо, дома меня избаловали, и за месяцы в чужом городе я страшно истосковалась по плечу, на которое можно опереться. Наташа, настойчиво и нежно заставляющая выпить противное молоко с содой, обещая вознаградить за страдания шоколадкой, казалась ангелом с небес.

— А я думала, ты никогда не болеешь, — сказала она. — Видимо, у тебя вдруг упал иммунитет. Укрепляй его витамином С. Я думаю, все дело в том, что ты слишком переживаешь из-за последних событий. Физическое нездоровье обычно следствие душевного дискомфорта.

Поскольку хмель давно выветрился из моей головы, я не стала уточнять, что лично мое физическое нездоровье — следствие столь примитивной вещи, как пробежка без куртки по вечерним улицам. Вместо этого я обрадовалась поводу сестры на любимого конька.

— А тебя милиция вчера не вызывала, Наташа?

— Нет. Они и восьмого-то меня особо не расспрашивали. Тобою, правда, интересовались. Кто-то им насплетничал, что у вас с Марго был конфликт. Но ты не переживай, они разберутся. Кто тебя знает, тот никогда на тебя не подумает.

Боже мой, ведь всего два дня назад я и впрямь переживала, что меня подозревают в убийстве! А кажется, прошло сто лет. Теперь я твердо знаю, что подозрения переместились на бедную Светку. Еще я знаю, что она ни в чем не виновата. Ведь она вчера вечером сама мне об этом сказала!

— А кто именно насплетничал, милиционеры не намекнули? — полюбопытствовала я.

— Нет. Но, наверное, Алена. При ваших отношениях...

— Так ведь мы же ее спрашивали, и она ответила, что это не она!

— Ну и что? Соврать, что ли, трудно?

Данная мысль меня поразила. Действительно, каждый может соврать. Почему я решила, что раз Светка отрицает причастность к убийству, значит, она не при чем? Этак было бы слишком просто.

— Еще, конечно, расспрашивали про характер Марго, — продолжила Наташа. — Не была ли она склонна к депрессии и все такое. Ну, она не была.

— И детективов не писала, — развеяла руками, вставила я.

Наташа посмотрела на меня с удивлением.

— Забавное совпадение! А почему ты вдруг так странно пошутила?

— Я не пошутила. Просто Алену и родителей Марго расспрашивали, не писала ли она детективов. А тебя нет?

— Меня нет. Интересно... Видимо, это все-таки не совпадение, а... Хотя не знаю...

— Мы никак не пойдем, откуда у милиции подобная идея, — пояснила я. — А ты что, понимаешь?

— Скорее всего, да, — пробормотала Наташа. — Хотя не уверена.

— Так расскажи!

— Ну, видишь ли... В тот день... когда это было? А вот когда отключали свет, но не в день убийства, а раньше...

— Когда я нашла тело, да? Пятого числа?

— Да, именно. Сперва мы с тобой искали на черной лестнице тело, а потом ко мне на кухню пришла Марго и стала советоваться. Дело в том, что я очень люблю детективы.

— И что?

— А Алена их презирает, поэтому Марго стесняется их читать. Хотя на самом деле ей нравится. Нравилось. Пока нет Алены, она часто берет у меня книжку. Брала.

— Ты хочешь сказать, она действительно писала детективы?

— Нет, но... Короче, она задала мне необычный вопрос. Где можно узнать о преступлениях, совершенных в такой-то день в таком-то районе. Я, естественно, ответила, что в районном отделении

милиции. А она возразила, что там любого интересующегося пошлют подальше и не станут отвечать. Я объяснила, что интересоваться надо адресно. Если у тебя, к примеру, угнали машину, так надо оставить заявление, и тебе обязаны показать все найденные похожие машины. Но ее это не устроило, потому что речь шла не о чем-то конкретном, а о простом любопытстве. Как бы ей просто пришло в голову, например, на пари, обвести ментов вокруг пальца и выкачать из них информацию.

Я слушала, затаив дыхание.

— И ты ей что-нибудь посоветовала, Наташа?

— Конечно. Я сказала, что такой хорошенькой молодой девчонке, как она, это несложно. Прийти в отделение, состроить глазки подходящему объекту и напести с три короба, что ты начинающая писательница детективов, но не хочешь, подобно другим, выдумывать неправду из головы, а хочешь отражать реальную действительность. Ах, как тебе интересно про работу такого замечательного человека, как он!

— Кто — он? — уточнила я.

— Ну, твой собеседник. Тот, кого ты обводишь вокруг пальцами. С мужчинами немного лести никогда не помешает. Вот он и выдаст тебе все самое необычное, что было в его практике. А что? Сейчас почти все детективы пишутся женщинами, это каждый знает и не удивится.

Я пыталась осмыслить полученные сведения. Все встало на свои места! Или почти все. Марго услышала, что я обнаружила тело, увидела пресловутый билет в театр — и догадалась, что у нас в общежитии убит иностранец. И догадалась, кем. Откуда подобная прозорливость, пока неясно, зато ясно дальнейшее. Ей захотелось увериться в своих подозрениях, и она проконсультировалась у Наташи. На следующий же день, то есть шестого, Марго отправилась в милицию, и какой-то простак доложил ей о найденном в подвале соседнего дома труп Юхана Свантесона. Но вместо того, чтобы выдать убийцу, Марго обратилась к нему с требованием денег. Деньги были ей нужны на Алену, претензии которой сильно превосходят возможности. Наверное, преступник пообещал заплатить на следующий же вечер в солярии. Обрадовавшаяся Марго намекнула любимой подруге... то есть больше, чем подруге... что ту ожидает приятный сюрприз, и когда ничего не ведающая Алена на занятиях стала дразнить меня происшествием, тут же увела разговор от опасной темы. Но не стоило доверять неизвестному злодею. Он знал, что шантажистам платить нельзя, и совершил новое убийство.

Сперва следователь Долина собиралась обвинить меня. Я была единственным врагом Марго, а отпечатки моих пальцев красовались на оконной раме солярия. Однако мешали два момента. Первый — что я вызвала доверие Сергея Михайловича, а второй — Юхан Свантесон и мое настойчивое упоминание про обнаруженное в коридоре тело. Вот о каком совпадении рассуждали милиционеры! Марго является в отделение, выдает себя за писательницу и выпытывает сведения о погибшем, который, оказывается, умер не в соседнем доме, а у нас в общежитии, — и на завтра погибает сама. Бывают ли подобные случайности? Вряд ли. Дела о Марго и об Юхане Свантесоне начинают рассматривать вместе, и тут самой вероятной кандидатурой в преступники становится Светка. Но я не верю! Посоветоваться бы с кем-нибудь... как жаль, что я обещала молчать...

Тем временем Наташа ушла, зато появился возбужденный Сашка.

— По поводу света, — не поздоровавшись и не осведомившись о моем драгоценном здоровье, гордо выпалил он. — Помнишь, я обещал узнать? Так я узнал. Пробки были вывернуты, оба раза! Аварийка страшно ругалась. Еще бы! Стоило ли им тащиться из-за такого пустяка?

— Погоди! — прервала я. — То есть оба раза свет был отключен нарочно, я правильно тебя поняла?

— Ну, да. Кстати, я не первый у Ольги Николаевны этим интересовался. Первыми были менты. Теперь о времени. Пятого числа аварийка приехала в двадцать два тридцать, а электричество вырубилось примерно минут за сорок. Значит, так. Ты в это время торчала в коридоре, Светка в вашей комнате черт-те с кем, Нелька со своим парнем в городе, Наташа одна на кухне, Марго в своей комнате, Алена неизвестно где...

— Она уверяет, что была вместе с Марго, но молчала, поэтому я не слышала ее голоса.

— Я и говорю, что неизвестно где. Не сбивай! Я, значит, гулял, Серега работал, Илья сидел дома, Виталий шлялся по бабам. Кто мог отключить свет? Да кто угодно, кроме Марго. С нею ты говорила сразу после этого, и ей никак не успеть так быстро обернуться. А потом ты нашла Юхана Свантесона. В прошлый раз мы с тобою решили, что его, скорее всего, привела в общагу Марго,

поэтому и стремилась потом отвлечь от него внимание. Ему стало плохо, и она выставила его в коридор.

— Да ты что? — изумилась я. — Наоборот, его привел кто угодно, кроме нее!

— Почему вдруг?

Лишь тут я сообразила, что Сашка не в курсе последних событий. Я знаю куда больше, чем он, но обязана хранить тайну. Поэтому пришлось ограничиться коротким объяснением:

— Я наткнулась на тело, идя от Марго. На пути туда его не было, а на обратном пути появилось. Значит, его отравила не она.

— Отравила?

О боже, какая я дура! Почему не могу держать язык за зубами? Вечно у меня вырвется, что не надо. Краска стыда залила мне щеки, зато Сашка, наоборот, побледнел.

— Ты настолько мне не доверяешь? — наконец, медленно произнес он, прервав затянувшуюся паузу. — Ты считаешь меня убийцей?

— Нет, — поспешила возразить я, — что ты!

— Ты не умеешь врать, — все так же медленно продолжил Сашка. — Вчера ты отказалась говорить со мной об Алене, а сегодня об этом. Мне все ясно. Не такой уж я дурак.

— Да нет же, нет! Об Алене я не хотела говорить, потому что это касается больше ее, чем меня, а о Свантесоне я обещала молчать милиционеру, понимаешь? Ты тут не при чем!

Лицо Сашки было совершенно белым, а глаза выражали беспредельное отчаянье, совершенно неадекватное ситуации. В жизни бы не догадалась, что он такой обидчивый!

— Я знал, что так будет, — тихо добавил он. Потом вдруг поцеловал меня в лоб, словно прощался надолго, и повернулся, чтобы уйти. Никогда он меня не целовал, не было у него такой привычки!

У меня защемило сердце, и я поняла, что не могу отпустить друга в подобном состоянии.

— Сашенька, — позвала его я. — Если я выдам тебе то, что не должна выдавать, разве тебе самому не будет противно общаться с таким непорядочным человеком?

Он, не отвечая, смотрел на меня, будто в ожидании приговора, а в висках его резко пульсировала кровь. Нервы мои не выдержали, и я начала рассказывать, а начав, уже не в силах была остановиться.

Когда я закончила, Сашка выглядел, как обычно. Может, мне померещилось и я зря совершила преступление? Нарушение обещания — это ведь преступление, правда? Что должно быть важнее — дружба или честь? Ради первого я поступилась вторым.

— Алена — еще большая стервова, чем я думал, — между тем прокомментировал мое повествование Сашка. — Ну, ничего, отольются кошке мышкены слезки. Как только наши девицы узнают, что она вовсе не любимая доченька Ильницкого, а выброшена им за ненадобностью, да еще и лесбиянка... уж они отомстят ей за все свои унижения, можешь не сомневаться! Мало ей не покажется.

Я в ужасе уставилась на собеседника.

— Я выдала тебе чужие тайны, только тебе одному, по дружбе, я предала из-за этого Сергея Михайловича и Алenu, а ты собираешься теперь выдать это всем? Что ты говоришь, Сашка?

— Успокойся, — махнул рукой он. — Разумеется, без твоего согласия я никому ничего не скажу. Хотя Алена более, чем заслуживает разоблачения. И еще! Учти, что она нагло врала тебе в лицо. Я надеюсь, ты веришь мне больше, чем ей?

— В чем врала? — уточнила я.

— У меня с Марго ничего не было. Совершенно ничего! То есть, она действительно ко мне клеилась, но я прекрасно видел, что это не всерьез, и не обращал внимания. Она мне даром не нужна!

Все-таки Сашка смешной! Можно подумать, самое важное — спал он с Марго или нет. Разумеется, мне приятно узнать, что он не вступает в половые связи без любви, однако по большому счету это ведь его личное дело. Поэтому я лишь пожала плечами.

Сашка, видимо, тоже почувствовал, что неправильно расставил приоритеты. По крайней мере, неохотно произнес:

— Как бы там ни было, похоже, Алена не убийца. Дойную корову убивать не станешь.

— А на почве ревности?

— Нет, Машка, тут надо выбирать. Или Марго убили по личным мотивам, или из-за Юхана Свантесона. Я голосую за второе, менты, похоже, тоже. Марго не зря ходила за сведениями в отделение милиции — а в том, что она туда ходила, я теперь убежден. Она что-то знала и хотела удостовериться! Согласна?

— Вполне. Но о т к у д а она знала?

— В смысле, откуда знала, кого именно шантажировать? Наверное, увидела нечто, чего не видела ты. Может, того, кто выносил тело?

— Тело вынесли, пока мы с нею препирались.

Сашка кивнул.

— Да, тут нестыковка. Значит, она знала, кто из девчонок подрабатывает проституцией, поэтому и догадалась.

Я аж вздрогнула.

— Издеваешься? У нас Академия Художеств, а не бордель. Одно дело — познакомиться с мужчиной, пусть даже иностранцем, и пригласить его в гости, а другое...

— Хочешь анекдот? — прервал меня Сашка. — Он длинный, поэтому только конец. Стоят три девочки. Две красивые, а третья с физфака. Стоят три девочки. Две девочки, а третья из Академии Художеств. Намек ясен?

— Я еще раз повторяю, — разозлилась я, — одно дело — спать с мужчинами просто так, а другое — этим зарабатывать. У нас таких девчонок нет!

— А тебе откуда знать? Естественно, такой, как ты, подобный заработок никто не предложит, поэтому ты и не в курсе.

— Можно подумать, т ы в курсе!

— А мне подобный заработок тоже предложат вряд ли, — рассмеялся Сашка. — Ты для этого недостаточно плоха, а я недостаточно хорош. — Он посерьезнел. — А вот Марго предложить могли запросто.

— Зачем?

— Кто его знает? Может, за каждую вовлеченную свеженькую девочку сутенер платит комиссионные?

— Да нет! Зачем Марго этим заниматься? Она и так богатая.

— Ох, Машка. Это ты, продав за двадцать долларов рисунок ценою в триста, чувствуешь себя богатой, а другие... Ты хоть представляешь себе, сколько стоят их шмотки? В смысле, Аленины или Марго.

При мысли о шмотках я загрустила. Может, вместо того, чтобы заниматься сейчас ерундой, нужно срочно бежать в магазин покупать красивое платье? А то вдруг появится Макс, а я опять одета не по моде. Только я, наверное, не сумею выбрать то, что требуется. Разве что позвать на помощь Нельку, но ее нет дома.

Сашка, внимательно за мною наблюдавший, улыбнулся.

— Надеюсь, ты не считаешь, — спросил он, — что хоть одному нормальному мужику важно, модное ли на вас тряпье? Вы наряжаетесь для себя, а не для нас.

— Да уж! — не поверила я. — Да кто бы стал забивать себе голову модой, если бы от этого не зависело личное счастье? А для себя наряжаются в удобное. А тебе что, абсолютно безразлично, как девчонка одета?

— Кто сказал, что абсолютно? Конечно, этот халат, в котором совсем не видно фигуры, идет тебе меньше вчерашнего свитерка. Но вот носят ли в этом сезоне такой-то фасон или нет, поверь мне, на личное счастье не влияет. Просто девицам вроде Алены или Марго это важно для самоутверждения. И, не сомневаюсь, подобный способ самоутвердиться требует огромных денег. А их вечные посиделки в ресторанах! Ты представляешь себе, сколько стоит посетить ресторан?

— Нет, не представляю. Наверное, очень дорого. Ты имеешь в виду, сколько бы родители не присылали Марго, ей все равно не хватало?

— Несомненно. Я ведь довольно много с нею общался, и я знаю ситуацию. В то же время, она девица пикантная и украсила бы собою любой бордель.

Я покрутила пальцем у виска.

— А, — съехидничал Сашка, — ясно. Бордель ты представляешь как здание с соответствующей вывеской, да еще обязательно при красном фонаре. А рядом расположена панель, по которой

вышагивают голодные, несчастные чахоточные проститутки. Так было в девятнадцатом веке, а сейчас на дворе двадцать первый. Сейчас иностранцу звонят прямо в номер и предлагают девочку на любой вкус. Только девочки, разумеется, работают не сами по себе, а имеют соответствующую крышу.

— Слушай, а с чего это ты такой умный? — подозрительно осведомилась я.

— В отличие от некоторых, смотрю по телеку милицейские сериалы. Вот, предположим, та же Светка. Ей трахнуть — что здасьте сказать. Так что ей, трудно, что ли? Это же не бродить по холодной улице в поисках клиента. Тебе звонит шеф, предлагает подъехать в гостиницу в такому-то часу и обещает такую-то сумму. Погоди возражать! Я же не говорю про постоянную профессиональную работу в этой сфере, а только про разовые вызовы.

Неожиданно в моем мозгу всплыли слова, произнесенные Светкой вчера вечером. Что-то про иностранцев, от которых никакого удовольствия, поскольку они выдвигают разные требования. Тогда я не задумалась над смыслом странной фразы, но если Сашка прав...

А он, ободренный, вдохновенно продолжал:

— Предположим, Светка связана с теми, кто всерьез этим занимается. Обнаружив, что Марго не хватает денег, она предлагает той легкий заработок.

— Нет, — прервала его я. — Ты забываешь, что Марго лесбиянка.

— Это ты забываешь, что никто, кроме Виталика, об этом не знал. Зато знали, что у нее нет парня и при этом она меньше всего похожа на целомудренную монашку. Самая подходящая кандидатура! И потом, раз ее специфические наклонности не мешали попыткам уложить в постель меня, почему они должны были мешать при общении с другими? И неважно, согласилась она или отказалась, важно то, что запомнила, кто из девчонок связан с иностранцами. Вот и стала ее шантажировать.

— Кого?

— Светку, — с энтузиазмом сообщил мой собеседник.

— Пусть она проститутка, черт с тобой, — разъярившись, заорала я, — но она не стала бы травить никого клофелином! Она не отравительница и не воровка!

— Ты так хорошо к ней относишься? — удивился Сашка, тут же сбавив тон. — Извини. А я думал, тебе тяжело жить с такой... ммм...

— Она добрая и открытая, — тоже сбавив тон, сообщила я. — Это ты извини, что я раскричалась. Просто мало мне того, что милиция ее подозревает, а тут еще и ты...

— Могу тебя утешить. Моя версия не выдерживает никакой критики. Даже полупрофессиональная проститутка не поволокла бы иностранного клиента в собственную общагу, особенно собираясь ограбить. Нет, тут полный дилетантизм! Тогда скорее Наташа.

— А откуда у дилетантки клофелин?

— Мало ли... это же снотворное.

Я вздрогнула. «Гуляет, чтобы наконец-то заснуть без снотворного», — примерно так сказал вчера про Сашку Сережа.

— Ну, да, — прочел мои мысли Сашка, — я вынужден иногда пить снотворное, но такое сильное мне никто не продаст. Тут рецепт нужен. Если Наташа кого-то отравила, то это чистая случайность, и я бы спустил дело на тормозах, если б не смерть Марго. Тут уж на случайность не похоже.

— Если бы не Наташа, мы бы так никогда и не узнали, что Марго обращалась в милицию, — напомнила я. — Ну, якобы по поводу написания детектива.

— Это да, ты права. Кто остается? Нелька? Наша темная лошадка? Удивительно бесцветное существо. Или ты знаешь ее лучше?

— Наверное, лучше ее знает Светка. Только если Нелька была с Юханом Свантесоном, то где именно? Ведь наша комната была занята. У Виталия?

— Нет, он никому не давал ключа, я у него спрашивал.

— И потом, Нелька не способна на глупости. Ты прав, она ни за что не привела бы к себе в общежитие человека, которого собралась ограбить. Она бы нашла более безопасный вариант. Мне кажется, мы с тобою зря зациклились на девчонках. Что, раз клофелин, значит, обязательно проститутка? Никто другой использовать его не может? Вспомни про отключенный свет!

— А тебе кажется, что сей технический подвиг по силам лишь мужчине? — усмехнулся Сашка. — Ладно, вернемся к свету. Итак, пятого он был отключен с без десяти десять до половины

одиннадцатого, и нормального алиби нет ни у кого, кроме Марго. Теперь по поводу седьмого. Свет вырубили в десять сорок пять, а дали в одиннадцать десять. Ты сидишь одна в комнате, я гуляю, Светка в универсаме делает покупки, Нелька ест в нашем кафе, Наташа варит языки на кухне, Алена беспокоится у себя дома, Серега торчит на работе, Виталий у любовницы, Илья дома. Всех перечислил?

— Да. По моим представлениям, алиби есть у Виталия и Нельки. Виталия без четверти двенадцать привезла его дама на машине, и это проверяла милиция. А Нелька все время была на глазах. Сперва в кафе, потом заходила к Илье за конспектом, а потом сразу ко мне. Еще, не исключено, алиби есть у Сережи — если он работал не один. Светку в универсаме вряд ли запомнили, а остальные могли успеть сбежать в солярий и столкнуть бедную Марго.

— А мне, — вставил Сашка, — все более удачной представляется твоя идея о сообщнике. Ведь пятого числа тело появилось в коридоре почти сразу после отключения света, так? Трудно было успеть сбежать вниз выкрутить пробки и так быстро вернуться. А потом еще тащить тело до соседнего дома — в одиночку попробуй справишься! Правда, седьмого было проще. Без четверти выкрутил пробки, в одиннадцать вытолкнул из окна Марго и преспокойно вернулся домой.

— Кто? — спросила я.

— А я почему знаю? Если ты о парнях, то... Еще недавно я сказал бы — не Илья, но после его вчерашней выходки...

— Какой выходки?

— Да по поводу Алены. Будто ты не слышала?

— А, это... Любовь зла.

— Вот именно! К вопросу о сообщниках. Он не убийца, но избавиться от трупа своей драгоценной Алене помог бы запросто. Что касается Сереги, ему все наши проблемы до фонаря. Он зарабатывает деньги. Не думаю, что он с риском для жизни бросился бы на помощь прекрасной даме. Разве что он и есть тот самый мифический сутенер, вынужденный помогать ей, чтобы не засветиться самому. Но в это я не верю.

— Почему?

— Серега превосходный исполнитель, но никудышный начальник. В нем нет должной предприимчивости и решительности, понимаешь? А в преступном бизнесе эти качества, я думаю, требуются еще больше, чем в легальном. Нет, он не подходит.

Я вздохнула. Ну, и много ли мы выяснили? Сашка явно склоняется к Светке, я скорее уж предпочла бы Алену с Ильей, однако в глубине души понимаю, что Алена вряд ли виновата. Мой собеседник ушел, сообщив напоследок, что милиция наверняка отыщет преступника куда вернее нас, а я осталась ждать Макса. Нет, я осталась рисовать, и читать, и раздумывать, и пить теплое молоко, и болтать с девчонками, но любые шаги в коридоре отзывались ударами сердца, а скрип двери заставлял задыхаться от невиданного волнения. Только Макса не было. Не было все это бесконечно долгое воскресенье, прожитое зря.

А в понедельник случилась неприятность. Нет, неприятность — не то слово. Произошла тягостная сцена, из тех, которые стыдно потом вспоминать. Это началось на английском. Мы там работаем парами, я обычно с Наташей. Алена, всегда сидевшая вместе с Марго, оказалась одна, и преподавательница предложила сесть с нею Ане Ивановой, которая еще неделю назад была бы от этого предложения в восторге. Но тут она холодно произнесла:

— Нет, Маргарита Васильевна. Я брезгую.

Несколько опешив от странного ответа, Маргарита Васильевна уточнила:

— В каком смысле брезгуете?

— В смысле ее противоестественных наклонностей, — пояснила Аня, и девчонки на задней парте понимающе захихикали.

У меня загорелись уши. Интересно, раньше подобных намеков не было или я их просто не замечала? По-моему, все же не было. Почему они появились именно сейчас, сразу после того, как я узнала правду?

Я не успела обдумать ситуацию, как прозвенел звонок на перемену.

— Решайте свои проблемы сами, — бросила Маргарита Васильевна, поспешно покидая аудиторию. Она из тех, для кого главное — чтобы ее не беспокоили.

Девчонки, раньше свитой окружавшие Алену, тут же собрались стайкой несколько поодаль от

нее и принялись вроде бы беседовать между собой, однако достаточно громко, чтобы было слышно каждому.

— Я всегда замечала, что с Аленой что-то не так. Вечно она то облапает, то прижмется. Но я надеялась, что ошибаюсь. Противно даже подумать, что к тебе пристает какая-то извращенка, правда?

— Отвратительно! Она и ко мне приставала. Заманивала в этот свой дурацкий Дом кино, а сама... Теперь-то все ясно! Эта ее компашка педерастов...

— Кстати, а разве это не запрещено?

— Ну, сейчас-то свобода. Не можешь заполучить себе парня, трахайся с тем, что сумеешь раздобыть. Так лучше бы купила себе вибратор, чем вовлекать бедную Марго...

— К тому же вовлекать в извращения других наверняка запрещено! Марго вовсе не хотелось этим заниматься, она была нормальная и предпочитала парней. Не из-за этого ли ее убили?

— Не знаю, как Марго, а Ильницкий стопроцентный нормальный мужик. Поэтому он и ушел из первой семьи. Там ведь и мамаша такая же. Зато свою нынешнюю жену он любит безумно! А первая семья для него — камень на шее. Алена, передай, пожалуйста, своему отцу, что его Лика — просто душка. Мы все от нее без ума! Ох, хотя нет... Пока ты сумеешь выпросить у него следующую встречу, наверняка забудешь нашу просьбу. Я напомню тебе где-нибудь через полгода.

Алена молчала, словно оцепенев, ее лицо покрылось пятнами. Я прекрасно понимала ее, поскольку сама бывала в подобном положении. Например, на днях, когда Марго с Аленой обсуждали мою одежду. Тогда меня выручила Наташа, утащив из аудитории в коридор. Тут ведь главное — не слушать.

— Алена, давай выйдем, — предложила я.

Мои слова вернули Алену к жизни.

— С тобой? — зашипела она, сверля меня полными ненависти глазами. — Да я лучше умру! Ты настроила против меня людей, выставила меня на посмеище, и ты же еще издеваешься надо мной?

— Нет, — поспешила объяснить я, — я не издеваюсь, и я никого не настраивала.

— Подслушала тайком, как последняя сволочь, а потом разболтала! Если бы не ты, все было бы хорошо! Чтобы мою жизнь испортила провинциальная дура с совковыми замашками — кто бы мог поверить...

Вздвогнув, я осознала, что в этих словах была большая доля истины. Да, я подслушала, а потом разболтала, причем сразу троим. Я повернулась к Светке с Нелькой, молча сидящим на задней парте — они не принимали участия в скандале. Мой настойчивый взгляд заставил обеих отрицательно покачать головой — мол, Алену выдали не мы. Тогда я посмотрела на Сашку.

— Нет, — быстро произнес он.

И тут встал Илья, окинул меня взглядом, полным непередаваемого, идущего из глубины души презрения и тихо, но внятно обратился к Алене.

— Алена... если бы ты разрешила мне сесть рядом с тобой, я был бы очень тебе благодарен... Я восхищаюсь тобой, Алена.

Она подняла голову, близоруко прищурилась, словно силясь прочесть правду на лице собеседника. От насмешника Ильи вечно ждали приколов и подвохов. Но он был серьезен, серьезен, как никогда, и даже почему-то красив. Он сел рядом с Аленой гордо, будто к престолу Господа Бога, и девочки сникли, вернувшись к обычным делам.

Сникла и я. Мне было тошно, я чувствовала свою вину.

— Успокойся, — попытался утешить меня после занятий Сашка. — Ясно, что разболтала все не ты. А если б и ты, не понимаю, почему ты не имела на это право. Как она с тобой, так и ты с ней. В конце концов, она же не подруга, рассказавшая тебе нечто по секрету?

— Пусть не подруга, но выдавать ее я все равно не имела права. Ни Светке, ни Нельке, ни тебе. И вот результат.

— Очень справедливый результат. Пусть хоть разок побудет в твоей шкуре.

Смутные сомнения заставили меня уточнить:

— Так ее выдал не ты?

— Нет, не я, но я не осуждаю того, кто это сделал, будь то Светка или Нелька. Это правильный поступок.

Признаюсь, я не до конца ему поверила, однако проявить большую настойчивость не хватило

сил. И потом, какая разница, кто именно явился орудием преступления, вызванного моею болтливостью, важна первопричина. Но как сильно, оказывается, любит Алену Илья! Я и не предполагала, что он способен на подобные чувства. Вот что таилось за завесой вечных веселых шуток. Какая счастливая эта Алена! Если бы Макс любил меня хотя бы в десятую долю...

— Ты о чем задумалась? — удивился Сашка.

— Почему меня никто не любит? — вырвалось у меня.

Но ответа я не получила. Действительно, откуда бедняге знать? Чего я к нему пристала?

Дома девчонки среагировали на мои расспросы примерно так же, как Сашка, то есть в два голоса подтвердили, что не выдавали Алену, при этом уверяя, что выдать ее являлось делом благим.

— Может, это совпадение? — предположила Светка. — Случайно кто-то другой выяснил правду, а ты не при чем.

— Не утешай меня, — махнула рукой я. — Подобных совпадений не бывает. Чтобы в тот же день кто-то выяснил ровно то же, что и я, причем сразу два факта, а не один... то есть и про связь с Марго, и про развод отца... не поверю!

Однако мне не суждено было долго переживать по данному поводу, поскольку скоро возник новый, куда более серьезный. Появилась Ольга Николаевна и с мрачным видом протянула две повестки в прокуратуру. Мне и Светке.

— Завтра должны явиться, — сообщила она. — Девчонки, а почему именно вы? Чего вы такого сделали?

— Похоже, мы — главные подозреваемые, — нервно заметила Светка. — Машка была с Марго на ножах, а я... менты не любят, когда человек живет, как хочет, а не как положено.

— Этого никто не любит, — прокомментировала Ольга Николаевна.

— Не понимаю... кому какое дело до того, как я живу? Почему меня не оставят в покое? Почему не оставят в покое Машку? Умерших этим не воскресишь, ведь так?

— Зато для живых важно знать, что преступление будет наказано, — бросила вахтерша, уходя от нас с таким видом, будто спешила покинуть чумной барак.

В отвратительном настроении я решила отправиться погулять. Движение всегда благотворно на меня действовало. Правда, отойти далеко от дома я побоялась. Чего уж там! Пора перестать кривить душой и обманывать саму себя, неправильно объясняя собственные поступки. Мне было страшно, что появится Макс, а я его упущу, вот я и наматывала круги по нашему двору, словно обезумевшая лошадь. Около десяти подъехала красивая машина, и сердце мое судорожно забилось. Но из автомобиля вышел просто-напросто Сережа.

— Привет, — поздоровался он. — Вы с Сашкой — два сапога пара. Тоже бессонницей маешься?

— Тошно мне как-то, — вздохнула я.

— Не переживай, — похлопал меня по плечу Сережа. — Я не думаю, что тебя могут и вправду обвинить в убийстве. Помотают нервы и оставят в покое. Какие у них доказательства? Никаких.

— Но кого-то ведь все равно обвинят, — подумав о Светке, сказала я. Произносить вслух ее имя я не стала. Раз люди не знают, что ее заподозрили, зачем наводить их на подобную мысль?

— А ты об этом не думай. Думай о приятном. Надо всегда стараться думать о приятном, тогда и жить будет легче. Вот видела, на каком мерсе я прибыл? Коллега подвез. Думай о том, что через несколько лет у тебя будет такой же или даже лучше.

Я засмеялась.

— Это для мужчины автомобиль — предел мечтаний, Сережа, а меня он не утешает.

— Да? Ну, а что бы ты купила, будь у тебя куча денег? Шубу?

— Куча — это сколько? — уточнила я.

— Сколько угодно. Неограниченное количество.

Представить такое было трудно, но я напрягла воображение, и жизненный тонус мой и впрямь повысился. Я призналась:

— Я бы поехала в Италию. Потом еще куда-нибудь, но в Италию прежде всего.

— Ну, для этого не нужны запредельных сумм, — разочарованно сообщил Сережа.

— Нет, я бы знаешь, как поехала? Не по путевке, а так, как ездили раньше, понимаешь? Ведь художников раньше отправляли на стажировку в Италию на целых три года! И действительно, за меньшее время не справишься. Ведь только малая часть итальянского искусства собрана в галерее Уффици, а большинство разбросано по городам. Не только Рим, Флоренция и Венеция. Неаполь с

Помпеями, Пиза, Мантуя, Генуя, Верона, Равенна... А фрески в монастырях! Репродукции наверняка не передают их очарования. А скульптура! А архитектура! А...

Я остановилась, заметив, что Сережа улыбается. Наверное, я выглядела нелепо, когда возбужденно описывала прелести Италии человеку, осведомленному о них не меньше, чем я. Он лукаво предположил:

— Лет через пять, Машка, ты вспомнишь этот разговор, уже став полноправной гражданкой твоей любимой Италии.

— Смеешься? — догадалась я. — Ни за что бы не хотела стать гражданкой другой страны. Вот посмотреть — это да.

— Серьезно? Хорошо. Значит, через пять лет ты, путешествуя, оглянешься на архитектурные шедевры и подумаешь: «А стоило ли так сюда рваться? Чего здесь особенного?» Но пока мечтай. Все лучше, чем унывать.

Вот так, во исполнение доброго совета стараясь не унывать и не представлять себе неприятностей грядущего дня, я легла спать. Я не догадывалась, что неприятности этого дня существенно превзойдут самые смелые картины, на которые способно было мое воображение.

Наутро мы с Нелькой встали, а Светка все спала. Совершенно на нее не похоже, поскольку обычно она вскакивала первой. Правда, последнее время живость ее поубавилась, но все равно странно!

— Светка, ты опоздаешь на занятия, — предупредила Нелька.

Никакой реакции. Тогда она потрясла Светку за плечо, потом, отпрянув, посмотрела на меня. Я подошла поближе, тоже тронула руку подруги. В тот же миг на меня нахлынуло дежавю. Вот я стою в темном коридоре и судорожно ощупываю мертвое тело, лежащее на пути. Нет, не надо подобных ассоциаций! Светка-то живая... только почему-то холодная и словно ненастоящая... Господи, да что же это?

— Ну? — требовала ответа Нелька, глядя на меня полными отчаяния глазами. — Что ты думаешь, Машка? Что с ней?

— Надо... надо позвать кого-нибудь... Ольгу Николаевну... — в панике предложила я.

Нелька кивнула и вихрем рванула из комнаты. Меня бил озноб. Вроде бы следовало снова попробовать разбудить Светку, только не было сил. И смотреть на нее не было сил. Я отвернулась и увидела на столе записку. Она лежала открыто, демонстративно, явно предназначенная для прочтения.

«Машка, я виновата перед тобой. Я подставила тебя под удар, и вот что получилось. Но я не хотела, чтобы обвиняли тебя. А теперь все поймут, что это сделала я. Это уже ясно кое-кому. А я слишком боюсь неприятностей, да еще публичных, поэтому так показалось легче».

Я в ужасе уставилась на клочок бумаги, не в силах до конца вникнуть в смысл. Тут дверь открылась, вбежали Ольга Николаевна и Нелька. Ольга Николаевна пощупала Светке пульс и мрачно спросила в пространство:

— Сглазили нас, что ли? Давно надо было покропить тут святой водой, а я, дура, все не собралась.

Меня всегда смущает сочетание суеверия и религиозности — противоречащих друг другу вещей. Поэтому первой реакцией было удивление странному предложению Ольги Николаевны, и лишь потом возникла мысль о его причине.

— Светка... вы считаете, она... то есть...

— Да чего там считать? Небось померла посередине ночи, часов пять назад. Не знаю, в скорую нужно звонить или только в милицию? Позвоню-ка сперва милиции, а уж они пускай решают. Они мне даже телефончик свой оставили, велели, если что случится, сразу обращаться к ним. Вот и случилась. Какая ни была девка распутница, а все жалко. Молодая, здоровая! Детей бы еще народила, а тут...

Вахтерша горько махнула рукой и ушла. Из глаз Нельки покатались слезы, крупные и частые, хотя лицо оставалось спокойным, даже неестественно спокойным, словно восковая маска. Это было страшное зрелище, страшнее неподвижного тела на кровати. Тело казалось спящим, и не верилось в окончательность кошмарного диагноза, но Нелькин тихий плач подтверждал реальность случившегося. Я, не выдержав, тоже разрыдалась, однако где-то в глубине души по-прежнему теплилась тень надежды. Есть вещи, которые не должны быть правдой. Марго погибнуть могла, да,

но никак не Светка! Если немножко потерпеть, она встанет и засмеется.

— Море слез, — прокомментировал появившийся Сергей Михайлович, и я обнаружила, что мы просидели в прострации почти час. — Девушки, вы оставьте комнату ненадолго, пока группа тут кое-чем займется. Хотя ладно, давайте я пройду вместе с вами в этот ваш скворечник. Мне все равно надо с вами обеими побеседовать.

Нелька покорно встала, а я почему-то не послушалась. Я внимательно вглядывалась в то, как толстый незнакомый мужчина фотографирует Светку, и сердце заполняло ужас. Живых так не фотографируют!

— Она умерла? — спросила его я.

Но ответил Сергей Михайлович.

— А вы что, сомневались? Умерла ваша Ивченко, умерла. И не стоит вам, Маша, на это смотреть. Лучше пойдите!

Он потянул меня за руку, и лицо его выразило неподдельный интерес.

— А ну разожмите-ка кулачок!

Я, всхлипывая, уставилась на милиционера в недоумении, а он осторожно разжал мой кулак и вытащил оттуда клочок бумаги. Оказывается, я продолжала держать загадочную Светкину записку, хотя и забыла о ней.

— Ого! — хмыкнул Сергей Михайлович, обращаясь к толстяку. — Хочешь пари? Девочка умерла от отравления клофелином. На бутылку коньяка?

— Дураков нет, — флегматично заметил толстяк. — Ты знаешь обстоятельства дела, а я нет. Клофелин так клофелин. По крайней мере, не мучилась. Девка-то в соку. Люблю рыжих.

Я вздрогнула, потрясенная цинизмом короткого диалога. Будто речь велась не о гибели человека, а о планах на воскресный вечер. Можно ли ждать от подобных людей, что они будут, как это делают сыщики в книгах, день и ночь размышлять над причинами трагедии и докапываться до истины? Виталий прав — им лишь бы отчитаться, а на остальное наплевать. Какую ошибку я совершила, в горячке любовного увлечения бросив собственное расследование и положившись на милицию! Не пожинаем ли мы сейчас плоды этой беспечности?

Мои тяжкие размышления прервала Ирина Станиславовна.

— Маша, — без привычной иронии произнесла она, — если бы за каждого потерпевшего мы переживали, как за родного, то вряд ли сумели бы эффективно работать.

Мне стало стыдно. В чужом глазу я вижу сучок, а в своем не замечаю бревна! Лью слезы вместо того, чтобы взять себя в руки и помочь следствию. Заставила ли я себя проанализировать случившееся? Светка умерла. Отчего? Сергей Михайлович предположил отравление клофелином. Сперва им отравили Юхана Свантесона, теперь Светку. Но ведь это — всего лишь догадка. Возможно, тут нет никакого преступления, а просто болезнь? Например, сердечный приступ? Хотя Светка никогда не жаловалась на сердце.

Без дальнейших возражений я позволила отвести себя в соларий.

— Итак, — бодро начал Сергей Михайлович, — расскажите, наблюдались ли ранее у Ивченко склонность к суициду и каково было ее настроение вчера вечером.

— Погодите! — прервала его я в недоумении. — Суицид — это самоубийство, так? Но вы ведь не считаете Светку самоубийцей?

Милиционер изумленно поднял брови.

— Разумеется, до проведения экспертизы утверждать не берусь, но мне данный факт представляется бесспорным. Предсмертная записка, мотив... все на месте. Разве что девочка по причине слабого здоровья умудрилась скончаться от переживаний, но это маловероятно. Как у нее было с сердцем?

— Хорошо, — всхлипнула Нелька. — У нее не слабое здоровье, а хорошее. Только последние дни...

— Что последние дни?

— На себя была не похожа... мрачная, нервная... да, Машка?

Я неохотно кивнула, заметив:

— Мы все такие были. Два убийства у тебя под носом каждого расстроят.

— Особенно если ты к ним причастен, — развел руками Сергей Михайлович.

— А разве вы это доказали? — холодно осведомилась я.

— Вот-так-так! — ничуть не обидевшись, улыбнулся он. — Вы что же, утверждаете, это не ее почерк?

И он показал мне записку, которую я во второй раз пробежала глазами — и не поверила им.

«Машка, я виновата перед тобой. Я подставила тебя под удар, и вот что получилось. Но я не хотела, чтобы обвиняли тебя. А теперь все поймут, что это сделала я. Это уже ясно кое-кому. А я слишком боюсь неприятностей, да еще публичных, поэтому так показалось легче».

— Ее почерк?

— Да.

— Я понимаю ваше расстройство, Маша, — сочувственно обратился ко мне Сергей Михайлович. — Видите, ваша подруга переживает, что из-за нее вас заподозрили в убийстве. Она не предполагала, что так получится, и не собиралась подставлять вас под удар. Это показывает, что в ней сохранились неплохие качества. В таком контексте ваше доброе к ней отношение представляется естественным, и я не осуждаю вас за нежелание помочь следствию. Вас, Нелли, я тоже не осуждаю. Тем более, вы обе наверняка не были уверены, ведь так? Но теперь сомнения разрешились. Ивченко преступница, и ее самоубийство вызвано страхом перед ответственностью, а вовсе не желанием обелить вас, Маша. Вы тут не при чем. Просто она осознала, что мы ее вычислили, и предпочла смерть тюрьме.

— Вы хотите сказать, она покончила с собой, чтобы все убедились, что убийца не я, а она? — с трудом выдавила я, чувствуя, как земля ходит под ногами ходуном.

— Медведь ты, Сережа, — раздраженно заметила Ирина Станиславовна и совсем иным, мягким тоном продолжила: — Маша, он имел в виду прямо противоположное. Ивченко поняла, что ей сегодня предъявят обвинение, и испугалась. К тому же у нее явно сохранились остатки совести, и это тоже сыграло свою роль. Вы ведь говорите, она была после второго убийства сама не своя? Немудрено. Одно дело — отравить незнакомого человека ради денег, а другое — выкинуть из окна свою однокурсницу, да еще при этом подставить под удар подругу. Как бы там ни было, она сама пишет, что ей так показалось легче. Уважайте ее выбор.

— Она бы никогда не покончила с собой! Скажи, Нелька!

— Ну, — промямлила Нелька, — я думаю... если положение было безвыходным... она имела право...

— Для такого жизнелюбивого человека, как Светка, безвыходных положений не бывает! Она не из тех, понимаете?

Ирина Станиславовна вздохнула.

— Вы думаете, накладывают на себя руки исключительно меланхолики? Ничего подобного. Те как раз привыкли пребывать в мрачном настроении и даже находят в нем известную прелесть. А вот холерики вроде Ивченко... они действуют под влиянием минуты. Они не привыкли к проблемам и, не умея их решать, уходят от них всеми возможными способами, часто не самыми лучшими. Потом каются, да уже поздно. Под влиянием минуты Ивченко вытолкнула в окно Петрову, о чем наверняка потом горько сожалела. Но дело сделано, и признаваться нам она не собиралась, хотя ее расстройство усугублялось тем, что в убийстве обвинили вас. Думаю, ей подобное даже в голову не приходило. Она вообще вряд ли планировала преступления заранее и обдумывала заранее последствия, понимаете? Ей ведь было это несвойственно, правда?

Я машинально кивнула. Да, Нелька вечно ругала Светку за то, что та сперва делает, а потом думает, Светка же лишь смеялась в ответ.

Нелька тоже кивнула, почти неслышно прошептав:

— Да. Она никогда не сделала бы плохого нарочно...

— Никто ее в этом и не обвиняет. Если, разумеется, проигнорировать то, что проституция — не лучшее из занятий.

— Она не была проституткой! — горячо возразила Нелька. — Если она иногда брала за это деньги, которые ей дарили, это вовсе не значит... В подарке нет ничего плохого!

— Что ж, будет считать, что Ивченко привела к себе иностранного гостя в расчете на небольшой подарок, а там... Трудно наверняка сказать, что именно произошло. Возможно, клиент оказался несговорчивым. Возможно, имеющаяся при нем довольно крупная сумма денег заставила Ивченко потерять голову. Как бы там ни было, она решила его ограбить, усыпив с помощью клофелина.

— Где она взяла клофелин? — вмешалась я. — Тем более, если не планировала ничего

заранее.

— Хороший вопрос, но мы уже знаем ответ. Купила у одного не вполне законопослушного человека. Ее рыжие волосы хорошо запоминаются. А вот зачем купила, это уже вопрос не к нам. Думаю, на всякий случай. При ее образе жизни мог бы пригодиться. Но использовала наверняка впервые — и сразу такая промашка. Плохо рассчитала дозу, к тому же не учла больное сердце клиента. Это убийство было непреднамеренным.

— А потом взвалила тело на плечи и, никем не замеченная, легко донесла до соседнего дома, — съязвила я.

— Никто и не уверяет, что легко. Судя по тому, что случилось в тот вечер с вами, вынуждена была время от времени класть труп на пол, чтобы отдохнуть. Зато у нее хватило ума отключить свет, что и позволило остаться незамеченной.

— А во дворе? Почему ее не заметили из окон соседнего дома?

— Новичкам, Маша, обычно везет, — без раздражения пояснила Ирина Станиславовна. — И потом, в наши времена в десять вечера люди не больно-то гуляют по дворам и выглядывают из окон. А если и выглядывают, вряд ли много увидят, учитывая почти полное отсутствие фонарей.

— Ладно, пусть так. Но ведь вы считаете, что она отравила Свантесона по ошибке, а собиралась только усыпить?

— Откуда вам известна эта фамилия? — быстро вставил Сергей Михайлович.

— Случайно услышала, как ее упоминали вы. Хотите, считайте, что подслушала, это теперь неважно. Вы лучше вот что скажите: на что она могла рассчитывать? Ведь, проснувшись и обнаружив пропажу денег, Свантесон тут же побежал бы к вам и на нее донес! Она по-вашему что, совсем дурочка? Он ведь знал ее адрес.

— Знал, но не думаю, что рискнул бы пойти официальным путем, — улыбнулась Ирина Станиславовна. — Он женат, причем жена — весьма обеспеченная и очень ревнивая дама.

— С большими дефектами внешности и характера, — хмыкнул милиционер. — Любой мужчина лучше лишится денег, чем пойдет с такой дамочкой на конфликт. Я имел счастье с нею общаться и более, чем понимаю господина Свантесона, решившего по свободе гульнуть. Тем более, наш город шведы с финнами воспринимают как помесь борделя с кабаком.

Мне не понравилось подобное определение прекрасного Петербурга, но как воспринимают его шведы с финнами, я, разумеется, была не в курсе, поэтому предпочла спросить:

— Ладно, Свантесона Светка отравила случайно, но зачем ей убивать Марго?

— А тут уж цепная реакция, Маша, — грустно ответила Ирина Станиславовна. — Коготок увяз — всей птичке пропасть. Есть такая поговорка. Преступный путь страшен тем, что, раз на него ступив, вернуться обратно практически невозможно.

— Ирина, не морочь девушкам голову, — возмутился Сергей Михайлович. — Я знаю кучу людей, которые завязали.

— Практически невозможно, — повторила Ирина Станиславовна. — Первое убийство — безусловная случайность. Но о нем догадывается Петрова и требует за молчание денег, а денег жаль. Так хочется купить себе новой одежды, развлечься. А может, назначенная сумма и вовсе превосходит твои возможности. Зато так легко толкнуть противную шантажистку, чтобы она выпала из окна и больше никогда тебе не мешала.

— Но ведь на этот раз свет был отключен заранее, — напомнила я. — Значит, и убийство спланировано заранее.

— А вы хорошо подготовились, Маша. Да, второе убийство уже случайным не назовешь. Хотя полагаю, ваша подруга до последнего уверяла себя, что не задумала ничего плохого. Мол, я поговорю с Петровой и сумею убедить ее оставить меня в покое по-хорошему, и только если она не согласится, тогда... Понимаете ли, многие люди умеют сами себе отводить глаза, дабы не смотреть в лицо неприятной действительности. Но неприятная действительность в виде не в меру активной милиции упорно тебя преследует, а угрызения совести довершают дело. В порыве страха и раскаяния Ивченко выпивает яд. Она знает, что умрет легко, без мучений. Возможно, уже выпив его, она бы передумала и вызвала врача — даже скорее всего так, — но не успевает, поскольку засыпает под действием снотворного. Она успевает только написать записку, в которой просит у вас прощения и окончательно снимает с вас подозрения. Вот и все.

Наступило напряженное молчание.

— Вернемся ко вчерашнему вечеру, — прервал его через некоторое время Сергей Михайлович. — В каком настроении была вчера Ивченко?

— В плохом, — неохотно сообщила Нелька.

— Обсуждала ли она полученный вызов в прокуратуру?

— Да. Ей это не нравилось. Она боялась. Она считала, они с Машкой — главные подозреваемые.

— Заговаривала ли она о самоубийстве?

— Нет, — голос Нельки стал гораздо тверже. — Она уже несколько дней была на нервах, это да, но о самоубийстве речи не шло.

Я облегченно вздохнула. Ведь, пока я гуляла, Светка вполне могла признаться Нельке в страшном намерении, и тогда сомнений бы не осталось...

— Значит, о самоубийстве речи не шло, а шла о том, что она боится вызова в прокуратуру?

— Да.

В этот момент в дверь постучали, и появился один из тех, кто осматривал нашу комнату. Он что-то зашептал милиционеру на ухо.

— Ага! — явно обрадовался тот. — Скажите, девушки, у вас на тумбочке стоит банка с одним странным созданием...

Я опешила. У нас на тумбочке, да еще в банке, живет странное создание?

— Это гриб, — без промедления кивнула умная Нелька. — Светка очень его любит.

— Вот как? А вы?

— А мы нет. Ни я, ни Машка. Я люблю кофе, а Машка чай.

— А Ивченко, значит, пила этот самый гриб? На ночь, что ли? Там на тумбочке недопитая чашка.

Нелька задумалась.

— Я не знаю, когда. Я не обратила внимания. Машка, ты не помнишь?

— Не помню. Светка его даже ночью иногда пила. Ей ночами часто хотелось пить. Вы хотите сказать, что в гриб что-то подмешано? Это могла сделать не она.

— А кто? Вы или Нелли?

— Не обязательно, — смутилась я, имевшая в виду совсем другое. — К нам постоянно кто-нибудь заходит. Целый день. И вообще, — сообразила я, — если бы Светка решила отравиться, она бы налила яду в чашку, а никак не в банку.

— Разумеется. Так оно и произошло, Маша. Вы все еще продолжаете отрицать возможность самоубийства?

— Продолжаю, — выпалила я. Я уже упоминала, что временами становлюсь страшно упрямой. Мама говорит — точно две дюжины ослов. Я так и вижу эти две дюжины, изо всех сил упершиеся ногами в землю.

— Ну, продолжайте, — снисходительно кивнул Сергей Михайлович. — В вашем возрасте простительно не верить очевидному. Надеюсь, вы, Нелли, более склонны считаться с голосом рассудка?

Нелька растерянно пожала плечами. Я понимала ее. Она — разумный человек, а разум убеждал, что милиционер прав. Все убеждало в одном и том же, все! Светка славилась легкостью взаимоотношений с мужчинами, это у нас знал каждый. Она могла познакомиться с иностранцем и привести его к себе. Зато... я подняла голову и с торжеством заявила:

— Но я ведь спрашивала у Светки, с иностранцем или с нашим она была, когда я стояла под дверью! Она ответила, что с нашим.

Ирина Станиславовна весело засмеялась, к ней тут же присоединились Сергей Михайлович и вновьприбывший тип. Мне стало неприятно. Всегда неприятно, когда не понимаешь, за что над тобой смеются. Я взглянула на Нельку, и та поспешила объяснить:

— Они имеют в виду, что каждый может соврать.

Кто-то уже, кажется, делал мне подобное замечание, а я снова об этом забыла. Ладно, пусть так. Светка, зная, что я в филармонии, а Нелька гуляет со своим Колей, привела к себе иностранца, а он... он сделал что-нибудь плохое. Не зря же она говорила мне, что не любит иметь с иностранцами дела, поскольку они требуют... я не вникла, чего, но явно каких-то гадостей, раз даже Светка недовольна. Кстати, эти слова подтверждают, что она, по выражению Сашки, подрабатывала

проституцией. Не работала, а именно подрабатывала. Вот откуда у нее деньги, легкость обращения с которыми была мне так симпатична. Наверное, именно через своих коллег по этому виду деятельности Светка и приобрела клофелин. К сожалению, все сходится.

Итак, Свантесон разозлил ее, и она решила его ограбить. Но до этого он проговорился о своей жене, и Светка поняла, что милиции жаловаться он не станет. Вот она и подлила ему снотворного, да не рассчитала. Свантесон погиб, а под дверью торчу я, мешая избавиться от тела.

Я ненадолго отхожу, и за это время Светка выбегает из комнаты, чтобы выкрутить пробки. Нет, не так! Я дошла до Наташиной двери, вернулась, а свет все горел. Тогда я продолжила читать свой любимый отрывок про мистера Рочестера, и лишь тут стало темно.

— Не получается! — вслух обрадовалась я. — Кто, по-вашему, пятого числа выкрутил пробки?

— Ивченко, разумеется.

— А вот и нет! Я ведь неотлучно стояла под дверью. Оттуда раздался звонок мобильного, как сейчас помню, «Желтая подводная лодка». А потом потух свет. Светка не могла выйти!

— А до этого вы не отходили? — поинтересовалась Ирина Станиславовна.

— Отходила ненадолго, но свет горел.

— Вот за это время Ивченко и покинула комнату, сбегала вниз и выкрутила пробки, а мобильник с собой не брала. Вы ведь не слышали ее голоса, правильно? Потом она в темноте вернулась и потащила тело.

Я вздохнула. На все-то у них есть ответ, причем безупречно логичный. Но я все-таки найду прореху в цепочке рассуждений! Угрозило же меня дважды покинуть свой пост — будто специально, чтобы милиции было удобнее трактовать ситуацию. Пусть так. Светка вернулась в темноте и умудрилась незаметно перетащить тело в соседний подвал. На следующий день она была бодра и весела. Это после убийства пусть и незнакомого, но все же человека! Не верю! Светка не такая.

Правда, милиция высмеет подобный аргумент. Поищем другие. Марго поняла, что в нашем коридоре действительно лежал труп, и догадалась, кто убийца. Как именно догадалась, выдвинул разумную версию Сашка. Я не собираюсь сообщать ее присутствующим, однако сама помню хорошо. Сашка решил, что Светка как-то раз предложила Марго тоже отправиться на незаконный промысел... вот та и сделала соответствующие выводы. Мои крики про найденное тело, иностранный билет в театр, Светка, закрывшаяся на молоток... Марго все стало ясно. Чтобы окончательно удостовериться, она отправилась в отделение милиции и, выдав себя за сочинительницу детективов, принялась расспрашивать о совершенных за последние дни преступлениях. Ей доложили про Юхана Свантесона, но вместо того, чтобы открыть свои мысли собеседнику, Марго открыла их Светке, потребовав за молчание денег. Деньги ей требовались на Алену. Светка пообещала заплатить — не зря Марго намекала Алене на приятный сюрприз к Восьмому марта. Обещала заплатить, но не исключала возможность убийства, а пока побежала в магазин приобретать брюки, обшитые яркими стекляшками. Бред сумасшедшего! Светка — не монстр какой-нибудь, а обычный, открытый, понятный человек. Она способна на глупости, но совмещать преступление с приобретением новых шмоток... да она бы думать про них забыла, если бы ее начали шантажировать. Не настолько ей требовались эти дурацкие брюки!

Впрочем, я вспомнила, что не все женщины разделяют мои воззрения на моду, и поняла, что данный аргумент милиция тоже не примет в расчет. Я, хорошо знающая Светку, вижу тут несоответствия, а они не увидят. Буду думать дальше.

Дальше Светка с Нелькой довели меня до слез разговорами про одежду и уши. Наверняка Ирина Станиславовна заметит, что Светка довела меня нарочно, дабы иметь повод ускользнуть. Ерунда все это и вранье! Логика — мерзкая штука. Значит, Светка отправляется якобы в универсам — или действительно идет туда на полчаса, — а потом без четверти одиннадцать выкручивает пробки и в темноте вытаскивает Марго из окна. Меня аж заколотило, когда я представила себе эту жуткую сцену. Или сперва пытается договориться по-хорошему? Маловероятно. В этом случае Марго насторожилась бы и не дала так легко с собою справиться. А еще в солярии скрипучий пол, про что откуда-то знает Сашка. Впрочем, при чем тут Сашка? Я размышляю о Светке.

Она убивает Марго и, как ни в чем не бывало, возвращается домой, обвешанная вкусами. Довольно спокойно реагирует на появление Наташи, сообщившей о трагедии. На следующий день пытается соблазнить Макса... Макса... я его не видела весь позавчерашний долгий вечер, вчерашний

бесконечный день и сегодняшнее страшное утро... увижу ли я его еще хоть когда-нибудь, пусть издалека? Не смейте о нем, сейчас важна Светка, Светка... Она весело соблазняла Макса — это угрызаясь-то совестью? Глупости! Короче, восьмого марта Светка не слишком-то грустила, хотя, по официальной версии, только что убила однокурсницу. В тот день всем стало ясно, что главная подозреваемая — я. Но девятого, выяснив разные обстоятельства, милиция перемещает подозрения на Светку. Именно в тот день она мрачнеет и начинает по-настоящему нервничать. Именно тогда становится сама не своя. Никак не сразу после убийства, а только позавчера.

— Нелька, — обратилась я, — когда, по-твоему, Светка переменялась?

— Ну... после этих событий, — неуверенно ответила Нелька.

— Сразу или несколько позже?

— То есть?

— Мне кажется, она переменялась вовсе не седьмого, а девятого. Ты как считаешь?

— Мне трудно судить... эти дни такие безумные... они как-то смешались.

Я кивнула, поскольку ощущала то же самое.

— Вы имеете в виду, — уточнила Ирина Станиславовна, — что угрызений совести у Ивченко не было, а запаниковала она лишь тогда, когда поняла неизбежность наказания? Ведь именно девятого мы дали ей понять, что все знаем.

Я в сердцах махнула рукой. Что ни скажу, все оборачивается не так!

— Я имею в виду, что у нее не было угрызений совести, поскольку она никого не убивала. А убила бы, так они бы были. Я ведь ее знаю, правда? Полгода прожили вместе.

— Вы считаете себя настолько проникательной? — вернулась к привычной язвительности следователь.

— Не очень. Вот про Нельку, например, я не говорю, что представляю, что у нее делается внутри. Она интроверт. А у Светки представляю. Она экстраверт. Она бы не вела себя после убийства так, как она себя вела. Психологию ведь тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— Психологию к делу не подошьешь, — заметил Сергей Михайлович. — Вот что, Маша. Отправляйтесь-ка вы к себе. Там уже наверняка свободно. Выпейте валерианочки и ложитесь поспать. Самое милое дело.

Меня откровенно выпроваживали, но я делала вид, будто не понимаю.

— Маша! — с легким раздражением обратился милиционер. — А как вы объясните предсмертную записку?

Я вздрогнула. Это действительно был камень преткновения! По версии властей, получалось так. Светка поняла, что ей не отвертеться от тюрьмы, и при получении повестки в прокуратуру в панике отравилась, предварительно объяснив свои поступки в письме. Оно действительно написано ею. Не только почерк, но и стиль — все соответствует. Разве что... нет подписи и вообще впечатление какой-то незавершенности...

— Естественно, — подтвердила Ирина Станиславовна. — Подействовало снотворное, вот Ивченко и была вынуждена отложить письмо.

И она, взяв меня за плечи, решительно вывела за порог.

Наша комната и впрямь оказалась свободна, но валерианку я пить не стала. У меня ее и не было. Сердце пронзила жгучая боль. Пока я с пеной у рта доказывала, что Светка не убийца и не самоубийца, я забывала главное. Она мертва. А теперь я почувствовала это до самой глубины души — и зарыдала, уткнувшись в подушку. Гибель Марго задела меня скорее внешне, чем внутренне. Я не любила Марго и, хотя не желала ей зла, однако и не ощущала ее страдания своими. Со Светкой было иначе. Я помнила ее веселой, жизнелюбивой, доброй. Да, у нее были недостатки — у кого их нет? Но в целом она была хорошая, я это твердо знала, хоть и не сумела сегодня вразумительно объяснить. Она умерла. Никогда она больше не обрадуется, не засмеется. Никогда. Никогда. Никогда. Отвратительное, бесповоротное, жестокое слово!

— Слушай, хватит, — услышала я над ухом. — Слишком много плакать тоже вредно. Ты уже почти час тут рыдаешь.

— Хочу и рыдаю, — всхлипывая, ответила Сашке я.

— Голова заболит.

— И пускай!

— Упиваешься своей тонкой душевной организацией? — хмыкнул он. — Мол, насколько я вас

всех выше, насколько сильнее переживаю...

От неожиданности слезы перестали литься из моих глаз.

— Ты что? — удивилась я. — Нашел время смеяться.

— Боже, ну, у тебя и вид, — продолжал издеваться Сашка. — Страшнее атомной войны. Если кто посторонний зайдет, убежит в ужасе, это точно.

«Макс убежит», — испугалась я и, вскочив, рванула в ванную мыть холодной водой лицо. Когда вернулась, Сашка все еще был тут, но вредничать почему-то перестал, наоборот, взгляд его выражал явное беспокойство.

— Может, тебе выпить водки? Сразу заснешь.

— Нет уж. Я не собираюсь становиться алкоголичкой. Ты знаешь, что случилось, Сашка?

— Светка покончила с собой. Отравилась клофелином. Мерзкая история.

— Господи, и ты туда же! Она не отравилась. Ее отравили, понимаешь? Отравили! Это-то и есть самое мерзкое!

— Погоди... ты уверена? Все болтают в один голос, что она убила этого твоего шведа, потом Марго, а теперь вот отравилась сама. Разве не так?

— Не так! — горячо воскликнула я. — Ты же знаешь Светку! Ты знаешь, что она на это не способна!

— Ну... я знаю о ней кое-что, и оно как раз убеждает в обратном. О мертвых ничего, кроме хорошего, но она была самая настоящая...

— А почему она не имела на это права? — разъярилась я.

— Машка, ты чего? — изумился Сашка. — Это ты-то защищаешь право на... гмм... на...

— А почему, если я не хочу спать с каждым встречным, я должна осуждать ту, которая этого хочет? Объясни мне это! Она же не насильно вас в постель укладывает, ведь так? Вы только радуетесь, и она тоже радуется. Чего здесь плохого?

— Может, и ничего, но не хотел бы я, чтобы моя девушка... гмм... чтобы она была...

— Так она же не твоя девушка! Она своя собственная!

— Да не кипятись ты, — попросил Сашка. — Я ничего против нее не имею, раз тебе она нравится. Я только сказал, что не знаю о ней ничего, что противоречило бы версии о том, что она убийца. Если ты знаешь, так расскажи.

Я сбивчиво повторила ему свои недавние рассуждения.

— И все? — разочарованно уточнил он. — Да, ментов можно понять. Тут никаких аргументов, сплошная психология. А у них все выстроено мастерски. И, глядишь ты, даже мои предположения в ход пошли! Машка, а ты стопроцентно в ней уверена или просто пытаешься зарыть голову в песок, чтобы не думать о неприятном?

— Уверена, как в тебе, — честно ответила я.

Сашка улыбнулся, очень похорошев.

— Ладно. Будем считать, Светка невиновна. Раз так, значит, она убита, правильно?

— Да. И мы должны найти убийцу.

— А ты, Машка, убеждена, что должны? Ее уже не воскресишь, а кому-то испортим жизнь.

— Убийце, на совести которого три жертвы, — холодно произнесла я. — Ты его жалеешь? Ирина Станиславовна утверждает, встав однажды на преступный путь, покинуть его практически невозможно. Кто станет следующей жертвой? Ты? Я? Милиция мне не верит, ты не веришь. Хорошо. Обойдусь без вас.

— Да верю, верю! Просто задал вопрос, а ты сразу... Но тут возникает масса проблем. Во-первых, записка. Подделка?

— Убеждена, что нет. Светкина рука и Светкин стиль. Может, она хотела меня разыграть?

— Сомнительно. Ладно, теперь второе. Кто, кроме нее самой, мог подлить в ваш гриб клофелин?

— Кто угодно. У нас вчера за день все перебывали.

— Нет, — возразил Сашка. — Ты забываешь, что яд был в чашке, а гриб в чашке никто не держит. Его наливают и сразу пьют.

— Яд налили в чашку, потом Светка долила туда гриба и выпила.

— То есть некто днем налил в чашку клофелин в надежде, что он простоит там до ночи? А если бы эту чашку взял кто-нибудь другой?

— У нас у каждой собственная чашка. Никто бы ее не взял.

— А я, когда у вас пью чай, хватаю первую попавшуюся, — сообщил Сашка. — И вообще, Светка запросто могла бы вымыть свою чашку, увидев, что туда что-то налито. По крайней мере, выплеснуть постороннюю жидкость. Еще в темноте — куда ни шло, выпила бы, но днем... Кстати, вы запираетесь на ночь?

— А когда как. Часто забываем.

— Ну, а эту ночь?

— Не помню.

— А ты напрягись. Кто первый вышел из комнаты?

— Нелька. Она побежала за Ольгой Николаевной.

— Отпирала ли она дверь?

— Ох, — вздохнула я. — Мы обе были в таком состоянии... Я не помню, чтобы отпирала, но не поручусь. Может, она помнит?

— Спросим, когда вернется. Ее повезли в прокуратуру.

Я возмутилась:

— А меня нет! Почему такая дискриминация?

— Только тебя им там не хватало с твоими фантазиями! Кстати, ты пока еще несовершеннолетняя.

— Завтра мне восемнадцать.

— Вот завтра, может, тебя и вызовут. Тем более, Нелька была Светке куда ближе, чем ты. Короче, если вы не заперли дверь, кто-нибудь мог прокрасться к вам ночью и налить этот самый клофелин. Ты ведь говоришь, Светка часто пила и ночью? В темноте она бы ничего не заметила.

— Да, но... откуда кому знать, пьет ли она ночью?

— Разумно. И тут же напрашивается естественная мысль... Вот ты все время повторяешь, что Нельку знаешь хуже, чем Светку. А в ее непричастности ты уверена или нет?

Я задумалась.

— Психологически — нет. Хотя это не значит, что я знаю о ней что-нибудь плохое. Скорее — не знаю ничего по-настоящему хорошего. Понимаешь, вот ты, или я, или Светка... мы время от времени выходим из себя и несемся вперед без тормозов. В эти моменты я убеждена, что вижу истинную сущность человека.

— Это точно, — согласился мой собеседник.

— А Нельку я без тормозов ни разу не видела. Она всегда ведет себя рационально. Правда, позавчера вечером и у нее сдали нервы. Она плакала, порвав новые брюки.

— Она вообще увлекается тряпками, но ведь это свойственно большинству женщин.

— Ну, брюки — только повод. Она как-то вдруг стала мне ближе, заплавав. Впрочем, это ведь неважно. У нее алиби. Вспомни! Седьмого числа свет отключили без пятнадцати одиннадцать. До этого момента Нелька сидела на виду в кафе, потом без пяти одиннадцать вернулась домой, успев по пути заглянуть к Илье за конспектом. Ей физически не успеть подняться в солирий!

— Хорошо, отставим Нельку. Просто ей было бы всего удобнее подлить яд, понимаешь? Ей или тебе. Про это тебе и следователь намекнула, помнишь? Но, в принципе, мог и кто-нибудь другой, особенно если вы не заперли дверь. Кстати, к вопросу о том, откуда кому знать, пьет ли Светка ночью. Кто с нею спал, вероятно, знает.

— А кто с ней спал? — полюбопытствовала я.

— Легче ответить, кто с ней не спал. Я, например.

— Не поняла... ты — в смысле «да» или «нет»?

— О господи! Разумеется, нет. Не спал я с нею. Делать мне нечего! Думаю, что Илюха тоже, раз в Алену влюблен. А Виталий и Серега... наверное, она их не пропустила мимо. Хотя гарантировать не могу.

— Кстати, Наташа знает, что Светка пьет ночью гриб. Я вспомнила, мы это обсуждали недавно. Наташа прочла, что для очистки от шлаков надо в день употреблять не менее трех литров жидкости, и хвалила Светку.

— Интересно... Итак, Наташа, Алена, Илья, Сережа, Виталий. Подозреваемых осталось пятеро. И учти — раз ты отвергаешь причастность Светки, значит, вынуждена обвинить кого-то из них.

Я вздохнула.

— Меньше всего мне хочется обвинить Наташу. Мне не верится, что она способна на убийство. Но она куда менее открытая, чем Светка, поэтому утверждать наверняка я не берусь. Как ты думаешь, Наташа влюблена в Сережу? — Ты что? У нее же был роман с Виталием.

— Был, да сплыл. Помнишь, как вы забыли поздравить ее с Восьмым марта?

— Да. Мы, конечно, большие свинтусы. Ты считаешь, раз она расстроилась, значит, обязательно влюблена?

— Нет, но она в расстройстве проговорила... мол, он про меня забыл, он ко мне равнодушен... Только ты не выдавай никому, хорошо?

— Конечно, не выдам. Погоди!

Сашка нахмурился.

— Ты что? — удивилась я.

— Да мелькнула какая-то мысль, но исчезла. Продолжай!

— Продолжать особо нечего. Сомневаюсь, что она влюблена в Илью или в тебя.

— По-твоему, в нас нельзя влюбиться? — иронически осведомился Сашка.

— Просто вы оба ее моложе, — дипломатично ответила я. — Вот и остается Сережа. И потом, Наташа из тех, кто всегда должен быть к кому-то привязан. Лучше всего, конечно, ей иметь семью и детей, но, пока их нет, это будет тот, кого она подсознательно наметит себе в мужа. И, наверное, ради любви она способна на многое.

— На убийство?

— Не знаю. Даже если так, неужели она могла бы оставаться такой спокойной? Хотя она не спокойна, нет, она переживает, но никаких угрызений совести я у нее не замечала.

— А у кого замечала?

— Ни у кого, но остальные куда менее чувствительные люди.

— Не скажи, — усмехнулся Сашка. — Вот наш Илья, например. Кто бы мог подумать, а? Ходит хвостом за Аленой, ограждая ее от насмешек. Прямо-таки рыцарь без страха и упрека. Правда, дама у него своеобразная.

— И что она? Как реагирует?

— Позволяет за собою ходить. Илья совершенно потерял голову от счастья. Общаться с ним стало невозможно. Все мы стали вдруг букашками на его пути. Похоже, он сделал бы ради Алены, что угодно.

— Убил бы букашку на пути? — уточнила я.

— Но зачем Алене убивать свою... гмм... близкую подругу?

— А если Илья убил Марго не ради Алены, а ради себя? Из ревности, понимаешь? Пока была жива Марго, ему ничего не светило.

— А как быть с Юханом Свантесоном? Его кто убил и зачем? Я сосредоточилась.

— Юхана Свантесона привела Алена. Ей были нужны деньги. Отравила его тоже она, а Илья помог избавиться от тела. Марго обо всем догадалась. Алена испугалась, что та ее выдаст, и убила.

— Думаешь, Марго бы ее выдала?

— Думаю, что нет, но Алене не понравилось бы вечно жить под угрозой. То она главенствовала над Марго, а теперь уже Марго управляла бы ею. Кстати, мы точно не знаем, где была Алена и пятого, и седьмого. И Илья тоже. Каждый якобы сидел в одиночестве в собственной комнате. Может, они были вместе?

— Ладно, — пожал плечами Сашка, — а зачем Алена с Ильей отравили Светку?

— Наверное, она тоже обо всем догадалась. Потому и стала переживать не сразу после убийства, а только позавчера. Позавчера она сообразила, кто именно преступник, и пыталась понять, надо ли сообщать о нем милиции.

— Погоди... что значит — «пыталась понять»? По-твоему, она бы в этом сомневалась?

— Ну... да, полагаю, сомневалась бы. Она произнесла такую фразу... «Почему нас с Машкой не оставят в покое? Ведь умерших этим не воскресишь». Она вообще не уважала милицию и не хотела с нею связываться без нужды. Но, если бы ей предъявили обвинение, наверняка предпочла бы рассказать правду, чем невинно пострадать. Вот ее и убили, чтобы она этого не сделала.

— Слушай, — оживился Сашка, — а ведь если верить, что Светка не при чем, значит, на пятое число у нее есть алиби!

— Почему? — не поняла я.

— Раз она заперлась в вашей комнате на молоток, вряд ли была одна, так? Ты считаешь, она не врала тебе, уверяя, что с нею был кто-то из наших, а не Юхан Свантесон?

— Из наших — то есть не иностранец, — пояснила я. — Не думаю, что врала. Светка даже сказала, что, может, и назовет мне его при необходимости, а пока не хочет портить человеку жизнь. Она действительно не доверяла милиции, понимаешь?

— Вероятно, имела для этого основания. Вопрос в том, почему этот парень молчит.

— Молчит — о чем?

— О том, что Светка не могла убить Юхана Свантесона, поскольку в это время занималась совсем другим. Почему он не восстановит справедливость?

— Не знаю. Ты прав, кто-то с нею несомненно был. Странно все это.

— И снова льет воду на мельницу ментов. Раз никто не признается, что был со Светкой, значит, она была с Юханом Свантесоном.

— А если с нею находился как раз убийца? — предположила я. — Что ты думаешь, например, про Сережу? Он способен на преступление?

— Откуда я знаю? Он мне не докладывает. Нормальный парень. Много вкалывает, много получает. Мечтает стать богатым и устроиться работать за границей.

— А разве сейчас он не богатый?

— Сейчас он даже не средний класс, как, впрочем, и все мы. Остается Виталий. Честное слово, Машка, этот твой Юхан Свантесон явно указывает на девчонку. Ну, зачем парню тащить в общагу иностранца, а потом его травить?

— А если наши рассуждения в корне неверны и смерть Юхана Свантесона — это одно, а Марго со Светкой — совсем другое? Если Марго убили по личным мотивам, но убийца решил свалить преступление на Светку и связать его с этим шведом? Сережа или Виталий. Кто-то из них был пятого со Светкой, но коварно об этом молчит. Значит, он преступник.

— Кстати, мы забыли еще об одном, — ехидно вставил Сашка. — Если я правильно понял, милиция нашла, у кого Светка покупала клофелин. Что ты на это скажешь?

Мне стало тошно, а Сашка еще подлил масла в огонь.

— Между прочим, у Виталия и Сереги алиби. Один был с любовницей, другой с коллегами.

— Ох! — вырвалось у меня. — Почему я не сообразила узнать у милиции, подтверждаются ли эти алиби?

— Так бы они тебе и ответили!

— А вдруг бы ответили? По крайней мере, я знала бы точно.

— Прости меня, Машка, но, похоже, все и так достаточно точно. Как ни крути, улики указывают на Светку. Ну, не будь дурой!

Я не успела возмутиться, поскольку дверь отворилась, и появилась Нелька. У меня аж сердце оборвалось. Я почему-то думала, что это Макс.

Нелька выглядела больной и усталой.

— Замучили? — посочувствовал Сашка.

— А, — махнула рукой она, — дело не в этом.

— А в чем?

— Экспертиза подтвердила отравление клофелином. Мне трудно представить, что Светка... что Светка убийца, но я не вижу другого варианта. Его просто нет. Я крутила и так, и этак. Все сходится, как в аптеке.

Сашка кивнул.

— Нелька, — спросила я, — а мы запирали сегодня ночью дверь?

— Не знаю. Наверное. А что?

— Если нет, мог прокрасться кто-то посторонний и подлить Светке клофелин. Ты выходила первая. Дверь была заперта?

Нелька задумалась.

— Я не помню, чтобы ее отпирала, но ведь я могла сделать это автоматически. Только это, Машка, все равно бессмысленно. Открытая дверь не решит проблемы. Приходится верить милиции, хочется этого или нет.

— Вот именно, — подтвердил Сашка.

— Ну, и верьте! А я найду настоящего убийцу, — возразила я.

- Каким образом?
- Не знаю, но найду.

Оба снисходительно на меня глянули и оставили одну. Я попыталась собраться с мыслями, только никак не получалось. Я понимала, что взамен Светки требуется предоставить другую кандидатуру, к тому же разумно объяснить всякие несообразности типа предсмертной записки и покупки клофелина. Раз сей логический подвиг не удался даже Нельке, где уж справиться мне! Правда, неожиданно мне пришла в голову интересная идея. Сыщики ведь бывают разные. Некоторые работают мозгами, а другие ногами. Раз с мозгами у меня туго, следует свернуть на иной путь. Например, отправиться в универсам, где накануне Восьмого марта Светка делала покупки. Она предполагала, что ее там вряд ли помнят, но кто даст гарантию? Вон, Сергей Михайлович уверяет, что ее рыжие волосы бросаются в глаза. Если — что, к сожалению, маловероятно, — кто-нибудь в магазине подтвердит, что Светка была там до одиннадцати, то это алиби не хуже Нелькиного. Она бы не успела совершить убийство. И тогда сложная задача придумывания новой версии легла бы на плечи милиции, а не на мои. Мне достаточно обелить подругу.

К сожалению, на то, чтобы сразу встать и пойти в универсам, у меня не хватило силы воли. Мне было так плохо, что я решила вымыть голову. Почему-то мытье головы обычно меня успокаивает. Ну, а с мокрыми волосами, как вы догадываетесь, не больно-то погуляешь. Высушив их, я принялась за расчесывание. При моей косище это серьезная проблема. Я осторожно водила щеткой по голове, когда дверь открылась, и появился Макс.

— О, — не поздоровавшись, начал он, — тебе явно самой не справиться. Дай-ка я! Он взял щетку и принялся расчесывать мне волосы. И тут я почувствовала... я почувствовала неопишное, огромное, всепоглощающее счастье. Или блаженство? Пожалуй, все-таки счастье. Оно пронзило меня от самой макушки до кончиков ног. Я была наполнена им до предела в единый миг. Я даже не представляла себе, что подобное возможно. Не было ничего, кроме нежных прикосновений рук к моей голове. Не было мира вокруг. Не было времени и пространства. Не было меня. Не знаю, как это передать. Только вдруг — неожиданно, не знаю, откуда, — возник жгучий стыд. Светку убили, а я преступно счастлива. Получить столь огромное счастье одному-единственному человеку и без того преступно, но в день смерти подруги... отвратительно, подло, цинично!

Я вскочила. Макс посмотрел на меня с легкой обидой. Еще бы! Человек без всякой задней мысли взялся помочь мне расчесать волосы, а я отшатываюсь от него, словно он меня бьет. Он ведь не подозревает о буре моих чувств, для него происходящее обыденно и просто. Я поспешила объяснить:

- Ты знаешь, что у нас случилось? Погибла Светка.
- Рыженькая? Неужели тоже выпала из окна?
- Ее отравили. Или она отравилась.
- Расскажи!

Я рассказала. Слушая себя, словно со стороны, я понимала полную беспочвенность собственных доводов и обоснованность доводов милиции. Сейчас Макс выскажет, какая я дура! Но он не стал, лишь заметил:

— Я всегда стою на стороне логики, но пришел сюда вовсе не упрекать тебя за ее отсутствие. Тем более, когда ты в таком расстройстве. Я пришел по другому поводу. У тебя ведь завтра день рождения, так?

— Да. Но в связи с этими событиями... было бы нелепо устраивать праздник.

— Здесь, у вас — конечно. Но мне бы хотелось, чтобы ты как-нибудь отметила этот день. Что, если у меня?

Я закрыла глаза, чтобы не выдать подлого своего счастья. Макс приглашает меня домой. Как я мечтала об этом! Мечтала, но не смела надеяться. Мне казалось, раз он не сделал этого сразу, то не сделает уже никогда. Но я ошибалась.

— Боишься? — с усмешкой осведомился он.

Я открыла глаза.

— Нет, что ты. Я рада. Спасибо.

— Вот и хорошо. До сколько вы учитесь? До шести? Значит, я в шесть подъеду. До завтра, Машка! Не грусти. Все будет хорошо.

Он исчез, а я осталась, веря и не веря. Макс пригласил меня домой! Значит, я безразлична

ему, правда? Завтра я останусь с ним наедине, и...

Наверное, тут мне следовало бы наивно заявить, что мы, юные целомудренные девушки, абсолютно не понимаем, зачем мужчины зовут нас в гости. Мы представляем себе целый вечер интеллектуальных бесед за чашкой чая и поцелуй в лоб при расставании. Чистота наших помыслов не позволяет заподозрить большее, и нехорошее поведение представителей противоположного пола застигает нас врасплох, оставаясь целиком и полностью на их отягченной грехами совести. Но я не стану врать. Принимая приглашение Макса, я была готова на все. Говоря «да», я имела в виду именно «да», а не половинку от него или четвертушку. У меня не было опыта, но в наше раскованное время не обязателен личный опыт, чтобы догадаться, как будет трактовать мужчина согласие на вечернее свидание в его квартире.

Скажу больше. Совсем недавно я полагала связь без брака поступком достаточно греховным. Конечно, бывают ситуации, когда венчание просто невозможно, но при возможности оно необходимо. Теперь мое мнение переменялось. Если я не стою того, чтобы Макс на мне женился, почему он должен это делать? Пусть поступает так, как для него лучше. В любом случае я получу больше счастья, чем заслуживаю. Джен Эйр, героиня моего любимого романа, рассуждала иначе. Она сбежала от мистера Рочестера, узнав, что у него есть сумасшедшая жена. Мои моральные принципы оказались куда менее твердыми. Что ж, не каждая девушка годится в героини... я восхищаюсь ею, но не в силах следовать ее примеру!

Дверь снова отворилась, и влетел Сашка.

— Слушай, я тут думал, и у меня возникла мысль...

— Какая? — нежно на него глядя, спросила я. Он был такой хороший, славный. Если бы и он когда-нибудь стал таким счастливым, как я сейчас! Если бы весь мир стал счастливым! Господи, спасибо тебе, Господи, спасибо, спасибо, спасибо!

— Ты что? — опешил Сашка.

— Ничего. Все прекрасно. Что ты хотел сказать, Сашка? Знаешь, я должна извиниться перед тобой. Ты совершенно прав, и я зря сердилась. Все указывает на Светку, и было бы странно требовать от тебя, чтобы ты этого не замечал. Ты прощаешь меня?

Однако лицо его выражало что угодно, кроме прощения.

— Помнишь, восьмого марта ты просила меня научить тебя ругаться матом? — медленно произнес он. — Ну, так учись.

И он заговорил, а я онемела. Кое-какие слова я знала, другие нет, но дело было не только в словах. Странные, страшные фразы, из них составленные, выражали отвратительные, невероятные вещи, а Сашкин голос кипел холодной ненавистью — ко мне? За что — ко мне?

Он умолк, а я пялилась на него, словно баран на новые ворота. Потом он ушел, не объяснившись, зато появилась Нелька. Я не стала заводить с нею разговора, как и не стала ломать голову над фанабериями Сашки. Этим вечером я наконец-то поняла, почему некоторые художники рисуют абстрактные картины. Я пыталась запечатлеть любовь, но на бумаге оставался лишь хаос разноцветных пятен. Вот как завершился последний день перед тем, как я стала взрослой.

Наутро я проснулась в ужасном настроении. Я вдруг решила, что Макс не приедет. Мало ли, что может произойти? Забудет, или возникнут срочные дела на работе, или позовут в гости к интересным людям. Для него ведь это пустяки — встретиться со мною или нет. Он и значения-то этому не придаст. А я умру! Если он не появится, я умру, честное слово! Лучше бы он не обнадеживал меня вчера. Я жила и ни о чем не мечтала. Но теперь, решив, что могу быть ему небезразлична, не выдержу равнодушия!

Сашка изображал, что со мною незнаком, я отвечала ему тем же. Нет, я не обиделась на его дурацкую выходку. В конце концов, сама напросилась — нечего было заводить речь о мате. Тем не менее, раз Сашка за что-то дуется — а он явно дулся, — сам виноват. Он должен был по-человечески объяснить, в чем дело, а не ругаться. Или, ладно уж, сперва поругаться, а потом объяснить.

Зато Наташа от меня не отходила.

— Это правда, что ты так расстроилась, что... ну, в общем, отказываешься верить в то, что случилось? — сочувственно спросила она. — Ты на себя не похожа, честное слово! Глаза совершенно больные. Я понимаю, меня саму как обухом по голове. Чтобы Светка убила Марго! Еще ладно, какого-то постороннего шведа, но Марго! В голове не укладывается.

— Вот именно, — кивнула я, хотя по большому счету в тот момент вопрос Светкиной

виновности волновал меня очень мало. Полагаю, сведения о конце света тоже взволновали бы меня мало, лишь бы сие событие не назначили на сегодняшний день.

— Что — вот именно?

— Это не укладывается в голове. Значит, это неправда, — сообщила я скорее по привычке, чем по велению сердца.

— Хотелось бы на это надеяться, — вздохнула Наташа, — но... Ты знаешь, я ведь видела у нее клофелин.

— Что?

Сообщение было столь неприятным, что почти пробилось сквозь броню моей отстраненности.

— У Светки был клофелин, Машка. Я спросила, откуда, а она ответила, что достала на всякий случай. Мол, мало ли, для чего понадобится. Кто бы мог подумать... хотя я еще тогда заподозрила что-то нехорошее, но не убийство, конечно... я уверена, убийство — роковая случайность...

— погоди! Ты видела у Светки клофелин? Когда?

— Недели две назад. Так что перестань морочить себе голову и успокойся. Она отравила шведа, а потом отравилась сама. Если ты до глубины души осознаешь, что это безусловная истина и что нет надежды Светку оправдать, тебе станет легче. Уверена, легче! Определенность всегда легче сомнений.

Я пожалала плечами. Известие лило воду на мельницу милиции, добавляя новый весомый аргумент. Возможно, мне действительно стоит пересмотреть свои позиции, но сейчас я не в силах рассуждать. Почему не движется время?

Время между тем шло обычным чередом, и шесть часов, что характерно, настали после пяти. У порога меня ждал Макс. Я никогда не видела таких красивых машин, как у него. Серебристая, ладная, словно рыбка.

— Это тебе, — Макс протянул мне букет белых лилий. — А подарок будет позже. Ну, что? Хочешь, посидим сперва в ресторане?

Я понюхала цветы. Их роскошь немного пугала. Букет невесты из модного журнала. К нему нужна другая девушка, не я. Как раз та, которая хочет посидеть сперва в ресторане.

— Меня смущают рестораны, — призналась я. — Я не умею там себя вести. Ты забываешь, я не из Питера.

— А ты и не должна уметь, — возразил Макс. — Это они должны уметь тебе угодить, сделать так, чтобы ты чувствовала себя комфортно. Но, если не хочешь, я, разумеется, не настаиваю. Сегодня твой день, Машка. Боже мой, вот тебе уже и восемнадцать! Звучит куда солиднее, чем семнадцать. А то я, общаясь с тобою, упорно вспоминал свои школьные годы...

— Я вполне взрослая, — поспешила уверить я. — Совершеннолетняя.

Он хмыкнул, не ответив. Ехать пришлось недалеко. Макс жил в центре, в старом доме после капитального ремонта. В подъезде сидела консьержка и стояли мощные растения в кадках, отраженные зеркалами. Консьержка высунула голову, чтобы на меня посмотреть, и я почувствовала, как загорелись щеки. Хотя не понимаю, чего я должна стыдиться? Мое дело, ведь правда?

Квартира оказалась большой, двухкомнатной. Это сразу меня насторожило. Зачем одному человеку целых две комнаты? Неужели Макс женат?

— Вон спальня, а вот кабинет, — объяснил мне хозяин. — Посиди пока там, а я на кухню. Да, на столе лежит для тебя подарок. Надеюсь, тебе понравится. Я видел, у тебя такого нет.

Прежде, чем зайти в кабинет, я окинула взглядом спальню. Ее вид меня успокоил. Ничто там не демонстрировало присутствия женщины. Никаких безделушек, украшений вроде заполняющих наше со Светкой и Нелькой или Наташино жилище. Зато напротив тахты висят мои «Облака», очень уместно окантованные. От окантовки они словно бы стали лучше. Будто и не мои, честное слово!

Дольше глазеть на спальню я постеснялась, поэтому отправилась в кабинет. Он выглядел не менее мужским. Компьютер, музыкальный и видео центр. Стеллажи с книгами. Никаких женских романов, много фантастики, в основном научной, а не фэнтези. Я знаю, парни предпочитают именно научную. Правда, целая полка посвящена Толкиену, но этот писатель имеет поклонников любого пола. А вот фотография... на ней несколько человек. Сердце мое забило. Неужели жена и дети? Я подбежала ближе. Слава богу! Это «Битлы». Я тоже их люблю.

Облегченно вздохнув, я приблизилась к столу, где меня должен ожидать подарок. Там лежал огромный альбом итальянского искусства с невероятно качественными иллюстрациями. Разумеется,

у меня такого нет! Страшно помыслить, сколько стоит подобное чудо.

— Макс, — бросилась на кухню я, — спасибо, но это так страшно дорого... я не могу взять...

— При твоей стипендии дорого, а при моих доходах в самый раз, — спокойно прокомментировал Макс. — Тебе ведь понравилось?

— Конечно, но...

— И никаких «но». Мне этот альбом не нужен, а выкидывать его из-за твоей излишней деликатности было бы глупо, ты не находишь?

— Как — выкидывать? Это невозможно.

— Ну, вот. Значит, бери.

Беседуя, Макс раскладывал по вазочкам какие-то кушанья.

— Мне помочь? — неуверенно спросила я. Я не слишком-то разбираюсь в хозяйстве.

— Нет, справлюсь сам. Сразу предупреждаю, домашних разносолов не получишь. Готовлю я паршиво, так что заказал все в ресторане. Переживешь?

— Конечно, — улыбнулась я, радуясь очередному доказательству отсутствия семьи. — Это что за агрегат?

— Аэрогриль. Очень удобная штука, я обычно только им и пользуюсь. Сейчас горячее будет готово. Хочешь, отнеси вот это на стол. Смотри, какое шампанское! Настоящее французское, «Клико». Ты когда-нибудь такое пила?

— Нет, я никакого не пила. Я не пью, Макс.

— В каком смысле?

— Вообще не пью.

— Почему?

— Не знаю. Не хочется. И папе обещала...

Я вспомнила папины слова.

— Дай мне обещание, — сказал он, отправляя меня в Питер, — что не будешь пить в присутствии посторонних людей. Особенно мужчин. Если уж тебе суждено надеть глупостей, я бы предпочел, чтобы ты пошла на них осознанно.

Впрочем, разве Макс посторонний? Я люблю его, и я сейчас поступаю осознанно, хоть и трясусь, словно осиновый лист. Короче, когда через некоторое время Макс протянул мне бокал с шампанским и решительно произнес: «Пей!», я выпила.

Очнувшись, я не сразу поняла, где я. Взгляд уперся в «Облака», вдруг показавшиеся полчищем сплетенных в экстазе тел. Сердце терзало ощущение непоправимой беды, хотя какой, было неясно. Беды, греха, потери. Я повернула голову, которую пронзила жгучая боль, словно в мозг вонзили иглу. У меня никогда раньше не болела голова. Впрочем, физическая боль тут же отступила перед душевной.

Рядом со мною спал Макс, и лицо его выражало глубокое удовлетворение, переходящее во всеобъемлющее, ничем не замутненное самодовольство. Не замутненное даже счастьем или хотя бы радостью. Если и была радость, то лишь от сознания собственного превосходства. Будто он победил в поединке с противником, которого все считали фаворитом, и теперь готов принимать заслуженные восторги и, самое главное, безмерно восторгается собою сам. От чувства юмора, делавшего Макса таким интересным, не осталось и следа. Неоднозначность, загадочность, возвышающие его над обычными и понятными мальчишками вроде Сашки, тоже исчезли. Рядом со мною лежал самодовольный мужчина, понятия не имеющий о том, что жизнь сложна и многогранна и что любой триумф несет оттенок поражения. В чем причины такой метаморфозы?

Я заставила себя задуматься — и застонала вслух. Память вернулась ко мне в одну секунду, воспоминания нахлынули потоком, погребая под своею тяжестью. Неужели это была я? Неужели я и впрямь участвовала в том, что пронеслось сейчас перед моими закрытыми глазами? Это невозможно! Бред, мираж, наваждение!

Кто-то, наверное, удивленно спросит: «Разве ты не понимала, на что идешь?» Понимала, разумеется. Но я предполагала, что любовь очищает даже самые грубые на вид свои проявления. Что хотя Светкино совокупление, которое я в свое время случайно застала, ничем не отличается от случки животных, зато, когда те же самые действия освящены любовью, они внутренне преображаются. Это трудно объяснить. Любовь не может быть грехом, а я знала, что совершила грех, причем огромный, возможно, смертный. Он заключался вовсе не в отсутствии церковного венчания, нет. Мне кажется,

так бывает у каждого... есть поступки, после которых бессмысленно рассуждать, имеется ли им оправдание. Ты твердо и безусловно знаешь, что согрешил. В некоторых вещах сомневаешься, рассматривая их с различных сторон, а другие отзываются в душе столь мучительной болью, что логикой их поверять не нужно. Задача решается на уровне подсознания. Страдания, заставившие меня застонать, скрючиться и закрыть глаза, не нуждались в подтверждении.

Отвратительные сцены одна за другой вспыхивали в моем воображении. Или они не так уж и отвратительны? Так поступают все? Нет, не все. Кажется, мы с Максом в одну ночь шагнули дальше, чем многие пары за долгие годы встреч. Но мучило не это. Раз ему хотелось, неужели я бы отказала? Так в чем же дело? И вдруг я поняла. Дело в том, что на несколько часов я потеряла человеческий облик. Я перестала быть собой. То, что я чувствовала, что и как делала, принадлежало не мне. Другой женщине — вернее, самке совсем другого вида. Похотливому животному, не ведающему морали. Паучихе, съедающей партнера, поскольку удовлетворение физических потребностей является для нее единственной реальностью и единственным смыслом жизни. Память убеждала меня, что я вела себя так-то и так-то, но я знала, знала достоверно, что вести себя подобным образом не могла. Не могла, нет, нет! Значит... значит, у меня было временное затмение? Приступ сумасшествия?

Я вздрогнула. Роковое слово найдено. Сумасшествие — иначе случившееся объяснить нельзя. Причем здесь не фигура речи: «Ах, я схожу с ума от любви!» Здесь использование медицинского термина в его первоначальном значении. Том самом, о котором сказано: «Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и сума». Несколько часов назад я находилась в состоянии буйного помешательства, и счастье Макса, что не натворила куда более страшных бед. Пойми он правду, и должен был в панике вызывать неотложку. Мне нельзя находиться на свободе, меня надо держать в палате среди таких же безумцев, как я. Ведь никто не знает, когда приступ случится снова и на что я способна. Если я вновь перестану контролировать себя, вдруг, например, кого-нибудь убью? Лишусь рассудка и убью.

У ужасе вонзив ногти в собственную руку, я мысленно произнесла: «Спокойно, Маша. Раньше с тобою никогда такого не бывало. Значит, есть надежда, что не случится и в дальнейшем. Что причина только в сексе или в выпивке. Хотя выпила ты всего бокал шампанского... Хорошо, пусть причина в сексе. Ты никогда больше не станешь им заниматься, и дай Бог, проживешь отмеренный тебе срок полноценным человеком, а не его внешней оболочкой, лишенной души». О вполне вероятном предположении, что секс лишь дал толчок чему-то дремавшему во мне и пути назад уже нет, я старалась не задумываться. Тихо встала, оделась и подошла к входной двери. Она оказалась заперта. Я принялась выдвигать ящики стола в поисках ключа, но мне попадались лишь бумаги. Среди них мелькнуло что-то знакомое... несколько моих рисунков. Макс купил их у Виктора Викторовича? Впрочем, мне было не до того. Наконец, я вспомнила, что Макс, входя, положил ключи в сумку. Да, они там. Оставлю квартиру открытой... надеюсь, ее не ограбят. Все-таки внизу консьержка.

Дома почему-то было страшно холодно. Я легла, прикрывшись тремя одеялами, но это не помогло. Меня все равно трясло, хотя в груди словно горел костер. Стуча зубами, я вытащила из Нелькиной тумбочки градусник, сунула под мышку. Результат меня поразил. Ртуть поднялась фактически до упора. Мне казалось, при температуре выше сорока у человека сворачивается белок. Впрочем, раз на термометре есть соответствующие деления, значит, они используются хоть иногда?

Подумав, я выпила пару таблеток аспирина и снова легла. Кругом ползали пауки. Они взбирались по ножкам кровати, лезли на подушку. Самки разрывали самцов на части и с аппетитом поедали живьем. Я закрыла глаза, только это не подействовало. Я научилась видеть с закрытыми глазами. Пауки бегали по лицу, я тоже была пауком, хотя и собою тоже. Потом раздался голос Нельки, монотонно повторяющий: «Так надо, надо, надо». И до боли знакомый голос, отвечающий: «Нет, нет, нет!» Я поняла, что это мистер Рочестер, человек, которого я люблю. Когда он был молодым, его обманом женили на сумасшедшей. Через много лет он встретил Джен Эйр, чистую и прекрасную. Встретил меня... меня? Нет, другую. Я перепутала. Мне верилось, что я и есть Джейн Эйр, а на самом деле я — сумасшедшая жена! Я жестоко ошибалась, но теперь голова моя ясна. Оказывается, я лишь воображала себя героиней, а в реальности я препятствие, мешающее ее счастью. Я заперта в высокой башне, потому что кидаюсь на людей, угрожая выпить у них всю кровь. Меня боятся и ненавидят. Мне пора погибнуть, бросившись с башни. Лучше умереть, чем мешать любимому соединиться с той, которая предназначена ему судьбою и находится сейчас рядом с ним. Сумасшедшая погибает, я точно помню это, ведь нужно, чтобы у книги был хороший конец. Но паук

не может разбиться, его удержит паутина.

— Я женюсь на тебе, Маша, — настойчиво предлагает мистер Рочестер. — Ты слышишь меня? Мы поженимся.

— Нет! — в ужасе кричу я. — Нет, ни за что! Тебе нельзя второй раз жениться на сумасшедшей. Это будет неправильно. Книге положен хороший конец! Уходи!

Он исчезает, оставив меня одну в башне с пауками. Я должна найти дверь, чтобы выбраться на крышу и прыгнуть вниз. Кто-нибудь поможет мне в этом? Джен Эйр, добрая и справедливая, больше некому. Она помогла Марго, а теперь поможет мне. Самой выброситься из окна трудно и страшно. Я не сумею, а спасительницы все нет, она покинула меня, убежав с мистером Рочестером. Как же мне быть?

— Бессовестная эгоистка, самовлюбленная дура, вообразившая себя центром вселенной! Как тебе не стыдно! Светку убили, а тебе все равно! Только ты могла бы ей помочь, защитить ее, а ты думаешь только о себе, о своих мелких, дурацких проблемах, а на остальных тебе плевать! Я-то думал, ты добрый человек, истинная христианка! А ты не лучше того, кто убил Светку, поняла? Между прочим, я знаю, почему она написала ту самую записку! Во всем виновата ты, ты виновата в ее смерти, а теперь ты не хочешь пальцем ради нее пошевелить! Ее вчера похоронили! Зарыли в землю! Навсегда! Накидали на ее гроб земли, понимаешь? Приехали ее родители, они плачут, не переставая. У них есть причина плакать. Их дочь несправедливо обвиняют в двух убийствах и самоубийстве. Если ты ничего не сделаешь, они проживут остаток своих дней в таком горе, которое даже страшно себе представить. А ты, дура, страдаешь из-за всякой чуши, на которую ни одна нормальная девчонка не обратила бы внимания!

Кто-то кричал на меня так долго и так злобно, что распугал всех пауков. Они куда-то скрылись, и мне стало легче. Я вдруг обнаружила Сашку, который бесновался, размахивая кулаками над самой моей головой.

— Ты уверен, что Светка погибла из-за меня? — медленно произнесла я. Язык ворочался с огромным трудом, но я справилась с длинной фразой.

— А то из-за кого же? — яростно заорал Сашка, но тут же растерянно и тихо добавил: — Машенька, ты слышишь меня? Ты меня видишь? Ответь!

— Да, — ответила я. — Откуда синяки?

— Ударился о шкаф. Маша, Машка, смотри внимательно, ты ведь у себя дома, а вовсе не... Видишь, все, как всегда. Стол, тумбочка. Никаких... ммм... насекомых.

— Паук — не насекомое, — поправила я, не в силах отвести взгляда от Сашкиного изуродованного лица. Нос распух, глаз заплыл, губа разбита. Ударился о шкаф? Так я и поверила!

— Ты решил, что Макс меня изнасиловал? — откровенно спросила я. — Нет. Все было добровольно.

— Должен был знать, с кем имеет дело! — гневно возразил Сашка. — Не маленький.

— Я тоже.

— Ты неопытная девочка, а он взрослый, тертый мужик. Ладно, проехали. Он дерется настолько лучше меня, что можешь за него не беспокоиться. Лучше слушай! Я знаю, почему Светка написала ту якобы предсмертную записку. Она имела в виду совсем другое!

— Что — другое? — изумилась я.

— Сейчас объясню. Помнишь, ты просила меня недавно никому не выдавать, что Наташа в кого-то влюблена? Она проговорила тебе, а ты мне. У меня тогда забрезжило что-то, но я догадался не сразу. С тобой и Светкой случилась похожая история, понимаешь? Вспомни текст ее записки! «Машка, я виновата перед тобой. Я подставила тебя под удар, и вот что получилось. Но я не хотела, чтобы обвиняли тебя. А теперь все поймут, что это сделала я. Это уже ясно кое-кому. А я слишком боюсь неприятностей, да еще публичных, поэтому так показалось легче». Светка действительно подставила тебя под удар. Она разболтала всем то, что ты по секрету выдала ей про Алену, а в болтливости обвинили тебя, и ты очень переживала. Ей стало стыдно, она решила повиниться, но ты уже спала, и она дала выход своим чувствам в записке.

— Но что значит «я слишком боюсь неприятностей, да еще публичных, поэтому так показалось легче»?

— А то, что, когда ты на перемене прямо обратилась к каждому из нас троих, не мы ли проболтались, все мы, включая Светку, отрицали свою вину. Ей было легче помотать головой, чем

признаться, потому что она боялась публичных неприятностей. А наедине с собою она передумала. Записка явно не закончена, правильно? Ты сама говорила, там даже подписи нет!

— Там и места больше нет, — вспомнила я. — Если бы я писала самое важное в своей жизни письмо, взяла бы новый лист бумаги, а не какой-то огрызок. Листок мятый, маленький... возможно даже, оборванный снизу...

— То есть, — перебил меня Сашка, — не исключено, что дальше в записке Светка все прояснила, но убийца оторвал лишнее и получил то, что ему нужно? Почему бы нет.

— Но как он мог рассчитывать на эту записку? Ведь Светка написала ее под влиянием минуты.

— Одно из двух. Либо он так и так решил ее убить, а записка оказалась случайной удачей. В конце концов, и без того против Светки было достаточно улик, например, покупка этого чертова клофелина. Кстати, может, она его покупала не для себя?

— Наташа уверяет, что для себя. Что она видела клофелин у Светки недели две назад, и та сказала, что купила его на всякий случай.

— Во черт! Интересно, кроме Наташи, кто-нибудь еще его видел? Запросто бы стащил. Светка ведь не верх аккуратности, это тебе не Нелька. Короче, преступник мог знать про клофелин и надеяться, что Светку обвинят в убийстве на основании этой покупки. К тому же всем уже стало ясно, что подозрения милиции переместились с тебя на нее. Но не исключено, что он знал и про записку тоже. Например, ее легко могла видеть Нелька. Хотя не обязательно она. Возможно, Светка в порыве чувств побежала повиниться перед Аленой и показала ей то, что тебе написала. Или сама Алена заглянула к вам. Или не Алена, а кто-то другой из близких знакомых. Посторонний тут, естественно, не годится. Только Нелька, Алена, Наташа, Илья, Сережа и Виталий.

— Мы и раньше знали, что посторонний не годится, — вздохнула я. — Значит, ты говоришь... из-за меня Светка написала записку, а из-за записки ее убили? Тогда действительно выходит, что виновата я.

— Ты-то тут при чем? — удивился Сашка.

Теперь пришел черед удивиться мне.

— Ты же сам утверждал, что Светка умерла из-за меня, ее вчера похоронили, а ее родители плачут, не переставая.

— А, — смутился Сашка. — Это я просто так говорил, в шутку. Ну, не всерьез же? Ты вообще тут не при чем, а записка помогла убийце, но вряд ли подтолкнула его.

— Ничего себе, шуточки! Но ты прав, если Светку не защитим мы, то и никто. Значит, надо думать.

— Вот это правильный подход! — обрадовался мой собеседник. — Только не уверен, можно ли тебе так сразу после болезни активно включаться в расследование. Может, тебе пока поспать, набраться сил, а завтра мы продолжим? Ты что?

На меня снова нахлынул ужас. Болтая с Сашкой, я почти забыла о своем сумасшествии, а теперь вспомнила. Сколько времени я провела в забытьи? Вернулась домой рано утром, а сейчас явно уже вечер. И вообще... если Светку действительно похоронили вчера, то...

— Сегодня какое число?

— Пятнадцатое. Ты бредила больше суток. Тебя даже хотели увезти в больницу, но мы не дали. Не думаю, что в больнице тебе было бы хорошо. Мы дежурили здесь по очереди.

— Сашка, — жалобно спросила я, — ты ведь болеешь иногда, да?

— Конечно.

— А то у меня совсем нет опыта по этой части. Когда высокая температура, люди бредят, правильно? Им мерещится всякая чушь. Потом они выздоравливают, и это проходит. Они ведь не остаются безумными навсегда?

— О господи! Разумеется, нет. Что это тебе втемяшилось в голову? Я просто имел в виду, что у тебя слабость после изнурительной болезни, поэтому надо больше отдыхать, вот и все. Кстати, ты небось голодная?

— Да, очень.

— Рад это слышать. Наташа приготовила твои любимые фаршированные перцы. Сейчас я ей скажу.

— Перцы весной страшно дорогие, — вырвалось у меня.

— А ты нам несколько дороже, — засмеялся Сашка. — Сейчас, минуточку!

Он вышел, а я встала, оделась и умылась. Эти процедуры дались мне с трудом. Я была слаба, словно новорожденный котенок.

— Она уже вскочила! — возмутилась появившаяся Наташа. — Тебе надо лежать.

— Зачем? — осведомилась я.

— Положено. Я-то надеялась подать тебе ужин в постель, а ты...

И Наташа, поставив сковородку на стол, звонко расцеловала меня в обе щеки. Потом они с Сашкой внимательно смотрели, как я ем, наотрез отказавшись присоединиться. Мне было даже неловко. Это чем-то напоминало фильмы о жизни французского королевского двора.

— Умница! — восхитилась Наташа, когда я умяла три перца. — Теперь я верю, что с тобой все в порядке. А если еще съешь пирога с курагой... специально для тебя испекла.

— Ну, уж чаю-то с пирогом вы со мною выпьете? — не теряла надежды я.

Мои друзья согласились. Мы пили чай, весело болтая о всякой ерунде, и вдруг Сашка выпалил:

— Наташа, так ты видела у Светки клофелин?

— Да, — неохотно подтвердила Наташа, явно не желая обращаться к данной теме.

— Давно?

— С месяц назад.

— С месяц? А Машка вроде говорила, две недели.

— Ну... я точно не припомню. Какая разница?

— Большая, — задумчиво пробормотал Сашка. — А в какой он был упаковке?

Наташа пожала плечами.

— Что я, помню, что ли?

— Но ведь ты как-то догадалась, что это именно клофелин, а не поливитамины, правильно?

— Ну... на упаковке была надпись «Клофелин».

— На пузырьке?

— Да, на пузырьке, — быстро согласилась Наташа.

— Или он был в ампулах? — попытался Сашка. — В пузырьке такие вещи не держат. Наверняка в ампулах.

— Да, я вспомнила! В ампулах, точно.

Наташин голос звучал странно.

— А может, это порошки? — настойчиво продолжил Сашка. — Или таблетки? Наташа, признавайся! Ведь ты не видела ничего. Ведь врешь!

— Почему вру? — осторожно уточнила Наташа.

— Потому что не можешь описать, что именно ты видела и когда. А ведь такое должно было запомниться! Ты что, и милиции наврала? Уж они-то в курсе, как выглядит эта гадость.

— Милиция меня про Светку не спрашивала. Они и так знают, что и как произошло. Это все знают, — нервно произнесла Наташа. — В конце концов, предсмертная записка говорит сама за себя.

— И вовсе нет! — вмешалась я. — Сашка обо всем догадался!

И я тут же выложила его гипотезу — хотя, может, и зря. Умение держать язык за зубами не принадлежит к числу моих достоинств. Конечно, Наташа — одна из подозреваемых, но она приготовила мне перцы, испекла пирог... я не хочу ее подозревать!

Выслушав меня, она нахмурилась.

— Пусть так, но милиция выяснила, что Светка покупала клофелин. Значит, он у нее был, а уж видела я его или нет...

— А если она его покупала не для себя?

— А для кого?

— Кто-нибудь попросил, а она согласилась. Как ты, например. Тебя ведь тоже кто-то попросил наврать мне? Не сама же ты это выдумала! Кто?

— Ну... а почему бы не сама? Я поняла, что ты нервничаешь, и решила тебя успокоить. Поскольку все указывало на Светкину виновность, а ты отрицала очевидное, следовало заставить тебя поверить. Когда надежды нет, человек всегда успокаивается.

— Хорошенькое спокойствие — без надежды! — возмутилась я. — Нет уж, Наташа, ты бы до такого не додумалась. Тебя кто-то подучил.

Губы моей собеседницы сжались, в глазах светилось упрямство. Я поняла, что не добьюсь от нее правды. Это кто же мог так воздействовать на мягкосердечную, покладистую Наташу? Только

парень, в которого она влюблена. Очевидно, что это не Сашка. Виталий — пройденный этап, его тоже отмечаем. Если бы Наташа увлеклась Ильей, его ставшее за последние дни очевидным преклонение перед Аленой вывело бы ее из душевного равновесия. Значит, не Илья. Остается Сережа.

— Сережа, — убежденно сообщила я. — Это он тебя попросил. Интересно, зачем? Неужели он убийца?

— Какая чушь! — горячо воскликнула Наташа. — Сережа — и вдруг убийца? Он такой добрый, хороший человек, так любит детей! Он говорит, что семья без детей — это не семья. Я тоже так считаю. Неужели тот, кто любит детей, способен на убийство? Да никогда!

— И все-таки, — уточнил Сашка, — как Серега мотивировал свою просьбу?

— Не было никакой просьбы! — решительно возразила Наташа. — А если и была бы, то мотивировать тут нечего. Обыкновенная забота о Машкином душевном состоянии. В конце концов, на свете не так много гениев, и о них нужно заботиться.

Мне стало смешно. Вот так выдумка! Это я, надо понимать, гений, о котором нужно заботиться? Впрочем...

— Когда я гуляла накануне Светкиной смерти во дворе, Сережа как раз возвращался с работы и очень доброжелательно со мною поговорил. Сказал, что против меня нет серьезных улик и что не стоит унывать.

— Видишь? — обрадовалась Наташа. — Он очень добрый.

— Что-то не замечал за ним особой сентиментальности, — прокомментировал Сашка. — Скорее наоборот. Серега — человек западного склада. Деньги, бизнес, снова деньги.

Я кивнула.

— Его коллега подвез на мерседесе, и он сам хочет иметь такой же. И, по-моему, хочет жить за границей.

— И чего в этом плохого? — вскипела Наташа. — Какое будущее у ребенка в нашей стране? Каждый нормальный человек ради счастья своих детей будет стремиться на запад!

— Детей? — хмыкнул Сашка. — И много их у него? Семеро по лавкам?

— Нет, так будут!

И Наташа, вскочив, выбежала, хлопнув дверью.

— Плохо мы себя вели, — заметила я. — Обидели ее ни за что ни про что. А она наготовила мне вкусностей!

— Помириться, — махнул рукой Сашка. — Наташа отходчивая. Но глянь-ка, что получается. Серега попросил Наташу наврать тебе про клофелин. Зачем? Поверь мне, он не отличается чуткостью. Да и вообще мало кто из мужиков отличается. Одно дело, если ты влюблен в девушку, тогда да, но чтобы ради посторонней... А Серега не влюблен в тебя, это несомненный факт. И в Наташу не влюблен.

— Да, ты прав. Иначе он не забыл бы поздравить ее с Восьмым марта. Смотри, что получается! Восьмого марта Сереже не было до Наташи никакого дела, а сегодня, спустя всего неделю, выясняется, что между ними проходили беседы весьма личного свойства. Значит, за эти дни что-то для Сережи переменялось. Вдруг влюбился? Вряд ли. Бедная Наташа! Опять ее ждут проблемы.

— А надо быть умнее в выборе объекта, а не хвататься за первого попавшегося. Короче, раз Серега попросил Наташу соврать, значит, имел вполне рациональную причину. Например, хотел отвлечь тебя от расследования. Все, включая меня, моментально смирились со Светкиной виновностью, одна ты продолжала гнать волну. Видимо, ты могла обнаружить нечто, оправдывающее Светку, а Сережа этого не хотел.

— Но обнаружил это нечто как раз ты, — напомнила я. — Теперь я понимаю, почему ты учил меня ругаться матом. Ты прибежал рассказать о своей потрясающей догадке, а я не стала слушать. Каждый бы обиделся.

Сашка, слегка покраснев, произнес:

— Извини! Я был не в себе. Я был неправ. Но давай вернемся к Сереге. Предположим, он убийца. Но как тогда связать его с Юханом Свантесоном? Девушку — понятно как, но парня...

Мне в голову закралась неприятная мысль.

— А если... раз Алена с Марго оказались... ну, нестандартной сексуальной ориентации... может, и Сережа...

— Исключено, — прервал меня Сашка. — Я все-таки живу с ним в одной комнате. Он

нормальный мужик. Заманить иностранца к себе, чтобы ограбить — на это он, может, и способен, но чтобы... нет, даже не думай.

— Хорошо, не стану. Пусть он познакомился со Свантесоном и пригласил его в гости, чтобы показать, как живут российские студенты. Тот из любопытства согласился. Сережа увидел у него кучу денег и позавидовал. Подлил клофелин и...

— Сразу два «но», Машка. Во-первых. Есть ли у Сереги алиби? Он уверяет, что был на работе, но один или со свидетелями? Проверяла ли это милиция? Кстати, я ведь не знаю точно, где именно Серега работает. Знал бы, мог бы туда смотаться и расспросить его коллег. Я сегодня попытаюсь ненароком выведать адрес... совру, что сам хочу устроиться или еще что-нибудь... но, если он не захочет говорить... не заставишь же, правильно? Только настожишь его, если он и впрямь убийца.

— Да, наверное. А что во-вторых?

— То, что Серега отнюдь не дурак. Что тебе сказали менты? Что Светка могла не беспокоиться, подливая Юхану Свантесону снотворное. Он бы предпочел потерять деньги, но ее не выдал, поскольку у него ревнивая жена. Те же соображения верны по отношению к любой девчонке, но для парня они не действуют. Серега понимал бы, что страшно рискует. Ограбленный иностранец очнется и побежит в милицию жаловаться на новоявленного приятеля, оказавшегося вором. Наша общага не такая большая, Серегу бы легко нашли. Риск несоразмерен добыче!

— А если он изначально хотел не усыпить, а именно отравить Свантесона?

— Снова риск несоразмерен добыче. Не думаю, что там были такие уж запредельные деньги. Убивать в доме, в котором живешь! Нет, на Серегу это не похоже. Ладно, это мы пока отложим, может, чего и придумаем. Двинемся дальше. Если Свантесона привел Серега, то куда?

— В общежитие, — удивилась я.

— Ну, ясно, что не во дворец. В какую комнату? В этой была Светка с кавалером, в нашей Илья, в соседней Марго и, не исключено, Алена. Правда, комната Виталия пустовала, но давал ли он кому-нибудь ключи... надо у него узнать...

Я задумалась, а Сашка продолжил:

— Кстати... мне не дает покоя один вопрос. Раз Светка была здесь не с этим Свантесоном, тогда с кем? У тебя есть какие-нибудь предположения?

— Ну... с кем угодно. Она ведь такая! К сожалению, я не слышала ничьего голоса из-за двери. Когда я стояла в коридоре, было уже тихо. Наверное, оба спали. И мобильник звонил. «Желтая подводная лодка», как сейчас помню. Вообще-то странно.

— Что странно?

— Светка любит песни на русском. Последнее время у нее на мобильнике была «Погода в доме». Сейчас!

Я огляделась, но тут же разочарованно развела руками.

— Ее вещи забрали родители? Ничего нет, и мобильника тоже.

— Да, родители. Интересно бы проверить, есть ли «Подводная лодка» у нее на трубке. А если нет, получается, телефон звонил у ее партнера... любителя «Битлов»...

У меня перехватило дыхание. Макс — любитель «Битлов»! У него даже их фотография стоит. Неужели возможно, что... Но нет! Я облегченно вздохнула, вспомнив, как восьмого марта Светка отчаянно и безуспешно пыталась его соблазнить. Будь они знакомы раньше, даже если бы скрывали это, сцена выглядела бы иначе. И после Светка так искренне расспрашивала меня о Максе! А ведь она, как и я, не умеет хранить секретов. Вон, проговорилась про Алену. В данном вопросе я поверила Сашке целиком и полностью, настолько его догадка соответствовала характеру Светки. Конечно, она была не с Максом, что это я выдумала!

— Любителей «Битлов» на свете много, — вслух заметила я. — Например, я или Нелька.

— И мы с Ильей тоже. Но момент интересный. Неужели у Светки был Илья? Хотя нет, он ведь торчал у нас.

— К тому же влюблен в Алену, — напомнила я.

— Ну, это еще не аргумент. Как бы то ни было, хотел отвлечь тебя от расследования не Илья, а Серега, а он как раз предпочитает попсу. Впрочем, Светка вполне могла притащить к себе постороннего, и мы его никогда не вычислим. Вернемся к Сереге. Предположим, он убил Марго, поскольку она его шантажировала, и Светку, потому что она могла бы выдать его милиции. Но как они обе догадались, что Свантесона отравил он?

В голове моей было абсолютно пусто. Единственное, на что меняхватило, это мечтательно произнести:

— Вот если бы милиция поняла, что Светка не виновата, и стала искать убийцу, они бы сделали это лучше нас. Все-таки это их профессия!

— Пожалуй, ты права, — кивнул Сашка. — Это конструктивная идея. Мы должны не искать виновного, а оправдывать Светку. К сожалению, мои соображения насчет записки милиция вряд ли примет всерьез. Они скажут, что это бездоказательно. Какие у нас еще аргументы? Вранье Наташи? Тоже сплошная психология, а нужны факты. Бесспорные и наглядные факты, против которых нечего возразить.

— Алиби! — вспомнила я. — Я хотела проверить, есть ли у Светки алиби на время убийства Марго. Она ведь ходила в универсам и была там до закрытия, то есть до одиннадцати. Если ее кто-нибудь запомнил... ну, мало ли? Это будет бесспорный и наглядный факт. Она не успела бы совершить убийство.

Сашка взглянул на часы.

— Десять пятнадцать. Успею! Я скоро вернусь.

— Ну, нет! — возмутилась я. — Я с тобой.

— Ты больная.

— Я совершенно здорова. Сейчас оденусь, и пойдем.

Сашка понял, что спорить бесполезно. Иногда меня не переупрямить. Поэтому в сверкающий огнями магазин мы зашли вдвоем.

Полки ломились от товаров, а посетителей было негусто. Объяснение сей тайны я обнаружила, прочтя пару ценников. Впрочем, нам ситуация была на руку. Чем меньше покупателей, тем больше вероятность, что на них способны обратить внимание. Хотя пронеслась уже целая неделя... Какая я дура, что не занялась расспросами сразу!

— Раз мы здесь, надо что-нибудь купить, — предложил Сашка. — Смотри, клубника! Хочешь?

— Лучше я буду непосредственно есть денежные купюры, — пошутила я. — Дешевле обойдется.

— У меня есть деньги. Я тебе куплю.

Я отрицательно помотала головой и огляделась. Одна из женщин, скучающих за кассой, явно за нами наблюдала, но тут же смущенно отвернула голову. Она мне понравилась. Лет пятидесяти, спокойная и доброжелательная на вид. Я приблизилась к ней.

— Извините... можно мне кое о чем вас спросить? Это ненадолго.

— Конечно, — как будто даже обрадовалась кассирша. — Мне сейчас делать нечего. Народу-то нет! Дорого у нас. Вам, студентам, не по карману.

— А откуда вы знаете, что мы студенты? — удивилась я.

— Да видно. Из Академии Художеств небось? Тут ваше общежитие неподалеку.

— Вы угадали. Поразительно! Просто поразительно!

Женщина была польщена мои искренним восторгом.

— Да ничего особенного. Когда работаешь с людьми, привыкаешь все примечать. Мне очень нравится, когда с людьми. Все такие разные! Вот твой парень, сразу видно, любит тебя по-настоящему. Из себя он, конечно, неказистый, но человек хороший. Ты за него держись. Я понимаю, ты девчонка молодая, видная, с косой. Тебе хочется кого поприглядней. Но красивый муж — чужой муж, а этот тебя не бросит. Будешь за ним, как за каменной стеной.

Я постеснялась сообщать собеседнице о ее ошибке, поэтому лишь улыбнулась в ответ и перешла к делу.

— Понимаете... моя подруга была здесь накануне восьмого марта. То есть седьмого вечером, перед закрытием.

— И что? — нахмурилась кассирша. — У нас ошибок не бывает. Все машина считает.

— Нет, что вы, это совсем другое! — поспешила объяснить я. — Просто... просто очень важно подтвердить, что она здесь была. Нет, не так! Узнать, была она здесь или нет. Опять не так!

Я схватилась за голову, чувствуя, что не умею правильно выразиться. «Важно подтвердить, что она здесь была». Получается, что я обращаюсь за фальшивым алиби. «Узнать, была она здесь или нет». Я и так знаю, что да!

— Хотелось бы узнать, вдруг ее здесь кто-нибудь запомнил, — дипломатично сообщил

вовремя подскочивший Сашка. — Просто узнать, да или нет.

— Да вряд ли, — сочувственно заметила женщина. — Неделя прошла. А перед Восьмым марта народу было больше. Праздник все-таки.

— Да, но она была перед самым закрытием и очень много накупила, — взволнованно выпалила я. — Мидии, карбонат, ананасы. И еще она рыжая. Такие яркие-яркие волосы...

— И брюки в камнях! — с торжеством заявила кассирша. — Она?

— Она! — хором завопили мы.

— Помню я вашу подружку. На улице холод, а она расстегнула курточку, а под ней голое брюхо! Зеленый наряд в камнях, а живот наружу. Я еще решила — наверняка девчонка первый раз надела такое чудо, вот и показывает всем, а иначе чего даром мерзнуть?

— Первый раз, — ошарашено кивнула я. — Вы просто колдунья!

— Я просто наблюдательный человек, — с ложной скромностью возразила собеседница. — Девчонка — огонь. И щедрая, душа нараспашку. Брала товар, не прицениваясь. Но выбирала долго. То одно, то другое. Искала, что повкуснее. Так до закрытия и провыбирала.

— Вы... вы уверены? — уточнил Сашка. — Точно до закрытия?

— Конечно, уверена. У меня на такие вещи память хорошая. Ей дежурная по залу сказала, мол, мы закрываемся, и девочка схватила пакеты и рванула ко мне. Еще говорит: «Простите, что вас задержала, я не подумала». А я отвечаю: «И вовсе не задержала, все равно до одиннадцати уйти нельзя».

У меня закружилась голова. Я закрыла глаза и схватилась за Сашкин локоть.

— Ты чего? — испугалась кассирша. — Плохо тебе?

— Наоборот, — не открывая глаз, произнесла я. — Спасибо! Вы так помогли нам!

А Сашка деловито осведомился:

— А если вас милиция об этом спросит, вы сможете подтвердить все перед ними?

— Конечно. Милиция? А что, девочку в чем-то обвиняют?

— Да. Якобы она в одиннадцать была в другом месте.

— Ну, глупости. Она была у нас. Меня зовут Надежда Петровна Тарасова. Это чтоб они знали, кого искать. А, кстати... — она задумалась. — Может, даже пленка сохранилась. Хотя точно не знаю.

— Какая пленка?

— Ну, у нас же техника. Всех на пленку снимают, чтобы меньше воровали. И нас с вами тоже снимают. Только подолгу пленку не хранят, а записывают на нее по новой. Я узнаю завтра у техника, может, вам повезло. А милиции я не боюсь, пускай приходят. Мне скрывать нечего. Дежурная по залу уже выгоняла посетителей, и нам пришлось уйти. До дому я добралась с трудом, такую чувствовала слабость. К тому же страшно хотелось спать.

— Я же предупреждал, — ворчал Сашка. — Тебе надо было лечь в постель, а не бегать по улице.

Я была не в силах спорить. Брела еле-еле, облокотившись о сердитого спутника.

— Вы откуда так поздно? — удивилась Нелька.

— Машке захотелось воздуха, — наврал Сашка. — А теперь пусть спит. Хватит с нее!

Проснулась я не слишком рано, благополучно пропустив начало занятий. Впрочем, этот вопрос меня не взволновал. На душе было смутно. Я точно знала, что случилось нечто важное, но не могла сразу понять, хорошее или плохое. Боль или счастье разрывают сердце? Скорее боль. Сашка прав, я эгоистка. Собственные переживания застят мне весь мир. Вчера нам удалось доказать невиновность Светки, и я обязана радоваться. Мы сделали огромное, важное дело. Осталось заявить о найденном свидетеле в милицию, и ее работники займутся остальным. Вот вернется Сашка, и мы позвоним Сергею Михайловичу. Правда, сегодня суббота, вероятно, в милиции выходной? Или им не положено выходных? Надо думать об этом, а не о себе.

Я честно пыталась. Встала, позавтракала и принялась забивать себе голову мыслями. И так, Светка невиновна. Она покинула магазин после одиннадцати, а, едва включили свет, появилась у нас. Свет дали в одиннадцать десять. Даже если она схватила машину — что маловероятно, — просто физически не успеть за десять минут добраться до общежития, подняться в солярий, вытолкнуть из окна Марго и бодро вернуться домой с пакетами снэди. И тем более никак не выкрутить пробки в десять сорок пять. Алиби стопроцентное! А о том, кто настоящий убийца, пусть голова болит у других. Я лично пас. Мне и без того тошно. Хотя почему тошно? Надо взять себя в руки.

Слава богу, вскоре меня отвлек от упорно возвращающихся ненужных воспоминаний заглянувший в комнату Илья.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался он. — Лучше?

— Спасибо, все в порядке. Ты что не на занятиях?

— Проспал, а теперь уж нет смысла идти. Сегодня всего две пары. Ну и напугала ты нас, Машка! Не болеешь, не болеешь, а если уж начнешь... Правда, врачи говорят, весенний грипп всегда с осложнениями. Надо обязательно долечиться.

— Я постараюсь. Хочешь чаю?

Илья отказался, но присел. Его явно что-то беспокоило, он кидал на меня исподлобья странные взгляды.

— Что-нибудь случилось? — спросила я.

— Да нет, ничего. Просто... короче, мы с Аленой теперь знаем, что это не ты. Я хочу, чтобы ты знала, что мы это знаем. Вот и все.

Я улыбнулась:

— Звучит загадочно. Ты о чем?

— Об Алене. Мы думали, ты наговорила на нее девчонкам. Но теперь Сашка объяснил, что это была Светка. Значит, ты не виновата. Алена тебя простила.

«Интересно, за что она меня простила?» — подумала я, но лишь молча кивнула. Я не узнавала собеседника. Где тот насмешник, к которому я привыкла?

— Светка никогда не умела держать язык за зубами, — продолжил Илья. — Ничего не могла скрыть! Это не лучшая черта.

— Кое-что, к сожалению, могла, — вырвалось у меня.

— Ты о чем?

— О том, с кем она была здесь пятого числа, когда я стояла под дверью. Кстати, ты не слышал голосов? Стенка довольно тонкая.

— Каких голосов?

— Ну... ты ведь был в соседней комнате, а здесь заперлись на молоток Светка и ее кавалер. Милиция считает, с нею был Юхан Свантесон, которого убили, а я уверена, что нет. Поэтому так важно узнать, с кем она была, понимаешь?

— Погоди! — покачал головой Илья. — Вечно ты суетишься вместо дела. Говори толком.

— А я разве не толком? Ты же помнишь, как я торчала под дверью, когда отключили свет, а потом допекала всех найденным в коридоре телом? — Помню свет и тело, а торчала ты или нет, не видел. Но при чем здесь Светка?

— Странный вопрос! — удивилась я. — При том, что я призналась милиции, что в нашей комнате Светка с кем-то заперлась. Я же должна была объяснить, почему не попала домой, правильно? Я тогда еще думать не думала ни про какое убийство. А они, зная Светкину репутацию, решили, что она в тот момент была с этим самым Свантесоном, которого по ошибке отравила.

— Светка была со Свантесоном? Они обалдели, что ли?

Я пожала плечами:

— Можно подумать, ты в первый раз про все это слышишь.

— Между прочим, в первый, — заметил Илья. — Меня никто не допрашивал, а вы мне тоже ничего не говорили.

— Мы не говорили, потому что про это и так все знали.

— Ну, а я не знал, — раздраженно парировал Илья. — Других забот у меня нет, сплетнями заниматься! Так что, Светку обвиняли в убийстве Марго только на основании этой чуши?

— Ну... фактически так, — несколько погрешила против истины я. — Поэтому так важно узнать, с кем она была.

Я чувствовала, что у Ильи есть кое-какие сведения, и очень хотела их заполучить.

— А сама Светка разве не рассказала, с кем была? — после долгой паузы осведомился мой собеседник. — Раз уж ее обвиняли. — Нет, не рассказала, — вздохнула я. — Она говорила, что не хочет портить этому человеку жизнь. Она ведь хорошая, понимаешь?

— Ну... по крайней мере, то, что Светка была не с иностранцем, несомненный факт, — выдавил Илья с явной неохотой. — Ее не имеют права обвинять на таком шатком основании.

— Почему ты так уверен? Милиции нужны доказательства.

— Потому что... потому что она предпочитала наших парней, а не иностранцев.

— Кого? — вырвалось у меня.

— Ну, какая разница? Все равно она уже умерла.

— Ах, какая разница? — вскипела я. — А то, что ее несправедливо ославили убийцей и самоубийцей, это, по-твоему, ничто? А ее родители, которым перечеркнули всю оставшуюся жизнь — тоже ничто? И вообще, разве можно что бы то ни было, какие бы то ни было интересы сравнивать по значению с вопросами жизни и смерти человека?

Тут я вспомнила, что сама только что страдала из-за собственных проблем, а Светкины отступили на второй план, и, усовестившись, горько произнесла:

— Извини. Мы оба с тобой фарисеи. Мелочные, ограниченные эгоисты. Помнишь, в Апокалипсисе? «Знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уста Моих». Это правильно и справедливо. Нас никто и никогда по-настоящему не полюбит. Мы не стоим этого.

Илья скривился, словно от боли.

— Черт с тобою, подавись! Но если ты проболтаешься, учти, я от всего отрекусь. Со Светкой был я.

— Ты? — опешила я. — Ты же любишь Алену!

Илья скривился еще сильнее.

— Думаешь, это мешает? В конце концов, я же мужик, а не бревно, а Светка... она симпатичная девчонка и очень опытная. Мертвого на ноги поднимет!

Очевидно, изумление на моем лице не исчезало, и Илья продолжил:

— Для мужчин это ведь совсем не то, что для женщин. Просто физическая потребность. Как поест. При чем тут любовь?

Я вспомнила Макса, и сердце сжалось. Действительно, при чем тут любовь?

— Так ты был не у себя, а здесь с нею? — уточнила я.

— Нет, как раз у меня. Сашки и Сереги не было, а Светка вдруг пришла ко мне и... и провела со мною время.

— Долго?

— Да. Когда я выходил из комнаты разговаривать с тобой об этом идиотском теле, она была еще у меня.

— То есть... то есть у нее сразу было стопроцентное алиби по отношению к Юхану Свантесону? — ахнула я. — А ты молчал и позволял обвинять ее!

— Ну, — начал оправдываться Илья, — во-первых, обвиняли не ее, а тебя, и про Юхана Свантесона ничего не говорили. Говорили про Марго. Я же не знал, что одно обвинение базируется на другом и что важен именно этот отрезок времени. Я не вдумывался в детали. Я считал, если Светке всерьез будет что-то угрожать, она меня выдаст.

— А она не выдала... — тихо вставила я.

— Хорошо! — с ненавистью заорал Илья. — Можешь рассказать про все милиции, я подтвержу. Но имей в виду! Если это дойдет до Алены, моя жизнь кончена. Кончена, понимаешь? Она никогда меня не простит. Это будет на твоей, только на твоей совести!

И, бросив эту парфянскую стрелу, мой собеседник убежал. Я, несколько ошарашенная неожиданным открытием, попыталась привести мысли в порядок. Итак, пятого числа Светка развлекалась вовсе не с иностранцем, а с Ильей. Пришла к нему, а он не стал возражать, потому что относится к сексу как к простой физической потребности. Похоже, Алена, подобно мне, не в восторге от этого мнения, но она женщина. Неужели все мужчины не связывают постель и чувства? Вот Макс... нет, я свернула не туда. Возвращаемся к Светке.

Светка теперь оправдана по всем параметрам. Пятого она находилась в обществе Ильи, а седьмого — милой кассирши Надежды Петровны. Не имея возможности совершить убийства, она, соответственно, не имела поводов для самоубийства. Ну, не травиться же из-за того, что выдала Аленины тайны, правда? Это было бы нелепо. Однако почему Светка молчала о своем алиби? Впрочем, она ведь сама сказала: «Не хочу портить человеку жизнь и расскажу, с кем была, только в крайнем случае». То ли она догадалась об увлечении Ильи Аленой, то ли просто видела, как он боится огласки. Будучи человеком терпимым, она с пониманием относилась к чужим слабостям и не собиралась их разоблачать. Тем более, особой нужды в этом поначалу не наблюдалось. В убийстве

Марго обвиняли меня, а мне Светкина откровенность не помогла бы. Пятое число и Юхан Свантесон сперва вообще не фигурировали в расследовании.

Но вскоре ситуация изменилась. Мои настойчивые уверения сделали свое дело, и смерть шведского искателя приключений навела милицию на мысль о причастности Светки. Та заволновалась, занервничала, но решила молчать до предъявления ей официального обвинения. Полагаю, это совершилось бы одиннадцатого, когда нас обеих вызвали в прокуратуру. Тут-то Светка и выложила бы на стол свои козыри, пусть и не слишком охотно. Ее отпустили бы. Однако этому не суждено было произойти. Ночью Светку отравили. Неужели Илья, опасавшийся ее откровенности? Я ужаснулась. Получается вполне логично. Готовый любой ценой скрыть свои грешки от Алены, до безумия влюбленный парень прокрадывается ночью к нам в комнату и подливает в Светкину чашку яд, зная по опыту любовной связи, как часто она пьет воду, лежа в кровати. Хотя нет! Будто это так, Илья сегодня смолчал бы. Слава Богу, преступник не он!

Тогда кто? Кого еще пугал визит Светки в прокуратуру? И новый интересный вопрос: кто пятого числа заперся в нашей комнате на молоток? Чей мобильник исполнял «Желтую подводную лодку», песню отнюдь не из Светкиного репертуара? Ответ, который напрашивается сам собой — в комнате находилась Нелька. Раз не я и не Светка, значит, она. Предположим, дело было так. Нелька появилась в общежитии с Юханом Свантесоном и попросила подругу освободить плацдарм. Та согласилась, не придумав ничего лучшего, чем отправиться на это время к скучающему в одиночестве Илье. Нелька запирается на молоток — это вполне в ее духе — и угощает бедного гостя клофелином. Доза оказывается чрезмерной, и швед неожиданно умирает. Во что никогда не поверю, так это что Нелька, пусть и в порыве возбуждения, сумела самостоятельно дотащить тело до соседнего дома. Силы у нее не те! Значит, привлекла кого-то на помощь. Позвонила... кому? Сереже, разумеется, поскольку он тоже, видимо, каким-то боком ко всему причастен. Вскоре Сережа делает ответный звонок, звук которого слышу я, и сообщает: «Сейчас выкручу пробки и приду». В темноте они избавляются от трупа, на который в какой-то момент неудачно натыкаюсь я.

А что Светка? Моя нелепая для остальных болтовня про найденное в коридоре тело проясняет для нее ситуацию. Но Нелька уверяет, что убийство — случайность, страшное совпадение, и Светка ей верит. Светка вообще не склонна забивать себе голову абстрактными проблемами, а смерть неизвестного иностранца для нее абстрактна. Однако события продолжают развиваться. Марго загадочным образом догадывается о Нелькином преступлении и решает заняться шантажом. Сашка что-то говорил по этому поводу... Да, вспомнила. Что она... только теперь это не Светка, а Нелька... подрабатывала проституцией и как-то раз пригласила заняться данным промыслом Марго. Потому Марго и сообразила, кто именно мог привести в общежитие иностранца. Сообразила и захотела заработать для любимой Алены побольше денег.

Нелька сделала вид, что согласна платить, назначила встречу в солярии, а сама отключила свет и вытолкнула несчастную Марго из окна. Что касается Светки, сперва она не связывает два убийства между собой, но постепенно, особенно под влиянием моих высказываний, до нее начинает доходить тягостная правда. Однако гибель Марго для нее уже не абстракция, а сама Марго — не чужой человек. Светка страдает и непохожа на себя. Перед ней выбор: выдать близкую подругу или скрыть ее жестокое преступление (ведь новое преступление являлось несомненно жестоким и преднамеренным). Похоже, она решается на первый вариант, о чем откровенно предупреждает. В ответ Нелька подливает ей ночью в чашку большую дозу клофелина. Кроме того, она обнаруживает записку — или даже сама, заведя разговор на нужную тему, провоцирует ее написание. Вполне возможно, ведь Светка достаточно простодушна. Оторвав у записки конец, Нелька организует предсмертное письмо. Все логично?

Нет, не все. Главное противоречие в том, что на седьмое число у Нельки алиби, подтвержденное не кем-нибудь, а мною лично. Она вышла около десяти, просидела до закрытия в кафе, что видели многие. Кафе закрылось где-то без четверти одиннадцать в связи с отключением света. Нелька заглянула к Илье за конспектом, тот это подтверждает и точно помнит время — без десяти. А без пяти она была уже со мной. Не успеть ей подняться в солярий, как ни крути!

Есть и иные несоответствия. Нелька — проститутка, да еще пытающаяся привлечь к этому других? Рассудительная, практичная Нелька, к тому же имеющая парня. Невероятно! Это тебе не темпераментная Светка. А Сережа... он-то при чем? С чего бы он бросился ей на помощь? Судя по всему, он не из альтруистов.

Я задумалась о Сереже, уговорившим Наташу обмануть меня по поводу клофелина. В конце концов, почему, раз дело происходило здесь, так обязательно виновата Нелька? Легко представить, что кто угодно из знакомых попросил Светку уступить на время комнату, а Светка согласилась. Например, это был Сережа, и Свантесона отравил он. Правда, Сашка говорил о несоответствии риска и добычи, но откуда мы знаем, сколько у Свантесона было денег? Тогда все рассуждения, хотя и с натяжками, переносятся на Сережу. Или на Алену. В невинности Наташи и Ильи я теперь убеждена, иначе они не были бы столь откровенны. Вот придет с занятий Сашка и поможет мне разобраться.

В дверь постучали, но вошел не Сашка. Это был Макс. Я оцепенела, не сводя взгляда с его лица. Оно переменялось. Ни привычной иронии, ни недавнего самодовольства. Скорее неуверенность и отчаяние. Волна любви нахлынула на меня с прежней силой. Как ужасно, что мы не можем быть вместе! Вина здесь лишь моя. Моя психика оказалась неустойчивой, и повторять испытание слишком страшно. Человек, едва не сошедший с ума, не захочет вновь рисковать рассудком. Лучше уж жизнью.

Макс попытался обнять меня, я в отчаянье отскочила.

— Выходи за меня замуж, — предложил он.

Я молча замотала головой, отказываясь. А ведь я так мечтала об этом миге! Вернее, не смела о нем даже мечтать!

— Почему ты не хочешь, Машка? Ты ведь любишь меня, а я люблю тебя.

Последнюю часть фразы он произнес словно через силу. Будто слово «люблю» было ему противно.

— Макс! — попросила я. — Не приходи больше никогда, не мучь меня. Так будет лучше тебе и мне.

— Почему ты так считаешь?

— Ну... просто поверь мне. Я... если я скажу тебе правду, то слишком сильно уроню себя в твоих глазах, а я не хочу. Думаешь, легко с тобою расстаться? А если я буду знать, что ты думаешь обо мне с отвращением...

К горлу подступили слезы, которые я тщетно пыталась сдержать.

— Ты не хочешь говорить мне правды? — холодно осведомился Макс. — Предпочитаешь обманывать меня? Я правильно тебя понял?

И тут я сорвалась. Рыдая, я объяснила ему все. Про свое сумасшествие, про полную потерю человеческого облика, про пауков.

— Может быть, меня уже ничто не спасет и рано или поздно я сойду с ума навсегда, — закончила я. — Но, если я никогда не стану больше заниматься сексом, есть хоть какая-то надежда. А я не стану никогда, никогда, ни за что!

— Никакая ты не сумасшедшая, а просто дурочка, — устало ответил мне Макс, и лицо его странно подергивалось. — Успокойся. Я подмешал в шампанское наркотик, вот и вся причина.

Я не сразу поняла. Поняв, не поверила. Он придумал, ради моего утешения придумал!

— Ты... ты хотел сделать из меня наркоманку? — неуверенно выдавила я. — Зачем?

— О господи, откуда ты такая взялась? Никто не станет наркоманом с одного раза. Это был слабый наркотик специального назначения.

— Какого?

— А то сама не догадываешься? Возбуждающего половое влечение. Все очень просто, и твоя психика в полном порядке. Можешь заниматься сексом, сколько угодно, это ничем тебе не грозит. Причина твоего ужаса только в наркотике.

— Погоди... но если это... если это наркотик для возбуждения полового влечения, почему ты не выпил его вместе со мной?

— Ты полагаешь, я в этом нуждался? — криво усмехнулся Макс.

— А почему ты полагаешь, что в этом нуждалась я? — парировала я, чувствуя, как приливает кровь к щекам.

Он пожал плечами.

— Накануне, когда я расчесывал тебе волосы и не смог скрыть желания, ты сразу от меня шарахнулась. Я ведь не слепой.

— Я шарахнулась, потому что стыдно показалось быть такой счастливой сразу после смерти

Светки, а я была в тот миг непреодолимо счастлива. Неужели ты думаешь, я пошла бы к тебе в гости, не готовая к... то есть, я ведь и без того была согласна!

— Значит, мы не поняли друг друга. Я очень сожалею, Машка. Я действительно сожалею. Когда ты болела, я понял, что ты... ты нужна мне. Если бы ты умерла из-за моей глупости, я не знаю, что бы со мною стало! Но теперь все позади. Недоразумение разрешилось, мы можем забыть о нем. Вина моя, целиком и полностью моя, но ты ведь простишь меня?

— Недоразумение? — повторила я. — Глупость? Тайком дать человеку наркотик — это недоразумение? Переспать с девушкой, считая, что она не согласна на это, — глупость? Подумай, Макс, что ты говоришь! Это подлость. Это такая фантастическая подлость, которая даже не укладывается в голове!

— Но ты ведь сама сказала, что на самом деле была согласна...

— Да, но разве это важно? Ты решил сделать из меня зомби, существо без собственной воли, без души. Нанести ущерб душе куда преступнее, чем телу!

— А есть ли она вообще, эта душа? — без выражения произнес мой собеседник.

— Есть. Я ее чувствую все время. Я лишилась ее на несколько часов в ту ночь и чуть не умерла от этого. А тебя тело без души устраивало гораздо больше, да? Физическая потребность. Как поесть...

— Если уж на то пошло, — язвительно сообщил Макс, — мне попадали в руки гораздо более роскошные тела, но расписаться в загсе я им не предлагал.

Я взглянула ему прямо в глаза. Ему было больно, я увидела это.

— Наверное, я тоже виновата, — вырвалось у меня. — Прости. Нельзя быть такой глупой. Это провоцирует, да?

— Блажен, кто смолоду был молод, — улыбнулся Макс, делая шаг вперед.

Я отпрянула раньше, чем поняла, что делаю.

— Уйди, пожалуйста, Макс. Я больше не люблю тебя и никогда не полюблю. Моя любовь исчезла. Совсем исчезла.

— Не слишком-то она у тебя прочна.

— Да, но это не зависит от моей воли. Спасибо, что рассказал мне все. У меня свалилась с души страшная тяжесть. Я никогда не была бы счастлива, если бы каждый миг боялась потерять рассудок.

— И с кем же ты теперь намереваешься быть счастливой? — поднял брови Макс.

Я собиралась возразить, что совсем не то имела в виду, как дверь без стука распахнулась, и ввалился возбужденный Сашка. Ввалился — и застыл. Некоторое время они с Максом молча изучали друг друга, и я почти физически ощущала нарастающее напряжение.

— Уходи, Макс, — прервала немую сцену я. — Будь человеком!

Сашка сделал движение, словно собирается вытолкнуть незваного гостя взашей. Тот усмехнулся, заметил:

— Твоего кавалера даже скучно бить, Машка, он ведь фактически инвалид, — и ушел.

— Никакой я не инвалид! — поспешил уверить меня оскорбленный Сашка. — Плоскостопие и близорукость — это еще ничего не значит. Если этот тип тебя преследует, ты только скажи, и я...

— Да, а то твои синяки как раз стали поджигать, — прокомментировала я, — надо бы их подновить. Все кончено, Сашка. Все кончено.

— И слава богу! — с энтузиазмом ответил он. — Честное слово, это я не из каких-нибудь эгоистических соображений! Сразу было ясно, что этот скользкий тип не для тебя. Пускай окручивает взрослых баб, они сами могут за себя постоять, а тебя оставит в покое.

Я сидела, сжав голову руками. Сердце разрывалось от чувств, определить которые я была не в силах. А Макс еще сомневается в реальности души!

— Ну, Машка, ну, пожалуйста, — нежно погладил меня по плечу Сашка. — Честное слово, рано или поздно все пройдет, и ты будешь только рада. Было и прошло, понимаешь? Слушай, а я уже с ментами договорился, они ждут, и кассирша Надежда Петровна тоже. Пойдем к ним, а?

— Почему ждут? — не поняла я.

— Сегодня суббота, но капитан оставил Ольге Николаевне номер своего мобильного, и я позвонил и рассказал про кассиршу. Сергей Михайлович сказал, подъедет к универсаму и будет ждать там нас. Ты разве не хочешь помочь Светке?

Я вспомнила, что когда-то, сто лет назад — а вернее, час, — меня навестил Илья и открыл тайну, которую никто пока не знает. Да, я обязана идти, как бы ни хотелось побыть одной. И я пошла.

Сергей Михайлович с Ириной Станиславовной уже успели переговорить с Надеждой Петровной и ждали нас.

— Ошиблись, — без особого смущения констатировал милиционер. — С кем не бывает. Вашей подруге повезло, она даже сохранилась на пленке. Вообще-то, сверху уже наложилась новая запись, но маленький хвостик, две минутки перед самым закрытием магазина, остался цел. В рубашке родилась девчонка.

— Неужели? — криво усмехнулся Сашка.

Действительно, о мертвой это звучит нелепо.

— А теперь вы лично, — обратился Сергей Михайлович ко мне, — расскажите ту странную историю, которая могла вызвать якобы предсмертную записку. Про вашу одноклассницу и Дом кино. Ваш приятель объяснил мне по телефону, но я должен услышать из первых рук.

Я рассказывала, он кивал. По окончании сообщил:

— Довольно логично. Тем более, убить Петрову ваша Светлана Ивченко не имела физической возможности. Полагаю, Свантесон все-таки на ней, но не Петрова.

— И Свантесон не на ней, — вставила я. — У нее и на это время алиби.

Все уставились на меня круглыми глазами, и я осторожно произнесла:

— Только это большая тайна. Если все узнают, у одного человека будет испорчена жизнь. Пожалуйста, не выдавайте у нас в общежитии то, что я вам открою.

— Бегать по общежитию и каждому выдавать вряд ли будем, — засмеялась Ирина Станиславовна. — Так с кем же проводила время ваша Ивченко?

— С Ильей, — решила я. — У него в комнате. Весь вечер.

— А почему он раньше молчал?

— Он влюблен в Алену, а она бы его не простила.

— Вот так, — подмигнул Сашке Сергей Михайлович. — Такие мы, мужики. В одну влюблен, а с другой развлекается. Бабам этого не понять.

— Мне тоже, — сухо ответил Сашка.

Побоявшись конфликта, я перебила:

— А кто был в нашей комнате, я понятия не имею. И музыка на мобильнике звучала не Светкина! И клофелин Наташа вовсе у Светки не видела, а наврала по наущению Сережи. Да, а вы проверяли его алиби? Он был на работе один или нет?

— Проверять его алиби раньше не было нужды. Значит, он научил наврать про клофелин?

— Да. А может, с Юханом Свантесоном был Сережа? Просто так, якобы по дружески? И решил ограбить.

— Это исключено, — снова игриво подмигнул Сергей Михайлович.

— Почему?

— Потому что Юхан Свантесон был убит вовсе не после невинной дружеской беседы, а после полового акта, Машенька. Так утверждает экспертиза.

— Нелька, — вырвалось у Сашки. — Значит, она.

— А алиби? — напомнила я.

— Нелли Попова, — медленно произнесла Ирина Станиславовна. — Такая бесцветная анемичная девица с блеклыми волосами. Кстати, а вы знаете, Маша, что именно она заставила нас... гмм... в общем, мы от нее узнали о вашем конфликте с Маргаритой Петровой.

— От Нельки? — изумилась я.

— Да. Восьмого марта она подскочила к нам, едва мы вошли в здание, и поведала сию интересную повесть. Но мы, конечно, не хотели выдавать источник информации.

— Да, — кивнул Сергей Михайлович. — Ваша соседка поспешила бросить на вас тень. Когда мы решили, что на самом деле виновата Ивченко, подумали, будто Попова навела нас на ложный след, желая отвести подозрения от любимой подруги... это выглядело логично. Что она догадывалась о преступлении, но из дружбы пыталась его утаить. А вы полагаете, все было наоборот?

Я развела руками.

— Я полагаю, у Нельки просто не было возможности убить Марго. У нее каждая минута на учете! Вот пятого, это да, там ничего не ясно. Нелька якобы встречалась со своим парнем, но я не уверена, что это правда. Его зовут Коля, и я никогда его не видела.

— Ничего, понадобится, так найдем любого Колю. Но давайте-ка вернемся к седьмому.

Повторите поподробнее про алиби.

— Ну... мы с девчонками немного поругались... то есть поспорили... и я заплакала. Поэтому они решили оставить меня одну.

— Интересно, — вмешалась Ирина Станиславовна, — а кто завел разговор, заставивший вас заплакать? Не Нелли Попова?

— Не помню, — растерялась я. — Возможно. Речь шла об одежде, а Нелька придает ей огромное значение. Не знаю. Они ушли часов в десять, и Светка пошла сюда, в универсам, а Нелька в наше кафе, где просидела в окружении знакомых до момента, когда отключили свет.

— Да, — подтвердил Сашка, — мне это несколько человек сообщили. Она до конца была там.

Сергей Михайлович задумчиво пробормотал:

— То есть по крайней мере пробки выкрутила не она. Продолжайте, Маша.

— Свет отключили без четверти одиннадцать, а без десяти Нелька заглянула к Илье за конспектом.

— Откуда такая точность в определении времени? Ведь было темно.

— Илья посмотрел время на мобильнике, специально включил подсветку. А без пяти одиннадцать Нелька была дома. То есть, начиная с без пяти, она все время была со мной.

— У вас тоже мобильник с подсветкой?

— Нет, у меня нет мобильника.

— Значит, вы посмотрели на часы?

Я попыталась сосредоточиться.

— У нас нет таких часов, чтобы светились. Я не помню, но откуда-то твердо знаю, что было без пяти. Потом почти сразу включили свет, и скоро пришла Светка.

— «Почти сразу» — это что, четверть часа? — уточнил Сергей Михайлович.

— Да нет, минут пять.

— Вот именно! — с торжеством произнес он. — А электричество дали в двадцать три десять. Ни на какие часы вы, Маша, не глядели. Заявилась ваша соседка, пропела: «Ах, сейчас без пяти!» — и этот нужный ей факт отпечатался в вашей памяти. А на самом деле было двадцать три ноль пять. Заглянув к Илье, милая барышня отправилась на встречу с шантажисткой, выпихнула ту в темноте из окна и вернулась домой. Пятнадцати минут на это хватает за глаза и за уши. Возражения есть?

— Какие возражения, что вы? Боже мой, какая же я дура! — воскликнула я в сердцах, пораженная собственной глупостью.

— Зато человек хороший, — утешил меня милиционер.

— А как быть с клофелином? — нахмурился Сашка. — Вы говорили, его покупала Светка, а не Нелька?

— Ну, — неохотно сообщила Ирина Станиславовна, — возможно, мы несколько преувеличивали.

— Что значит — преувеличивали? — не поняла я. — Так покупала или нет?

— Клофелин покупала рыжая девушка, но по фотографии ее не опознали. Продавец помнит, что рыжая, вот и все. При наличии остальных фактов этого было достаточно, а теперь...

— И Светку отравить легче всего было именно Нельке, — горячо одобрил Сашка. — И про историю с Аленой она знала. Все сходится! Хотя нет. Она одна не дотащила бы тела. Она хилая, можете мне поверить! Скорее всего, ей помог Серега, но из каких соображений...

— Выясним, все выясним, — весело ответил Сергей Михайлович.

— А пока вот что, девочки и мальчики. Мы сейчас отправимся в общежитие, возьмем под ручки вашу Попову и отвезем, куда нужно. Пускай поразмышляет ночьку, сразу станет откровеннее. А вы, Маша, побудете пока где-нибудь по соседству, потом вернетесь к себе, соберете вещички и пойдете ночевать на место, освободившееся после Марго. Там ведь еще две девушки живут, так? Вы уж проследите, Саша, чтобы Маша до разрешения этих событий не оставалась одна. Знаете, береженого бог бережет. Этому парню, Сергею, нам пока предъявить нечего, он еще погуляет, но если он действительно как-то повязан, кто его знает, на что решится...

— Я прослежу, — кивнул Сашка.

— Ну, не убьет же он меня? — засмеялась я. — Особенно зная, что находится под подозрением.

— Отчаявшийся человек страшен, Маша. Хотя я тоже надеюсь на лучшее. Значит,

договорились?

Мы сидели у Сашки, напряженные до предела, и ждали, пока хлопнет соседняя дверь. Она все не хлопала, лишь из-за стенки смутно просачивались голоса. Неожиданно раздался тихий стук, заставивший нас обоих подскочить на полметра.

— Можно? — вежливо поинтересовалась Ирина Станиславовна. — Тут такая складывается ситуация. Попова готова во всем признаться. Уверяет, скажет чистую правду и тут же подпишет показания. Но у нее одна... назовем это просьбой. Она хочет поговорить наедине с вами, Маша. А если нет, уверяет, что не произнесет больше не слова.

— И не надо, — отрезал Сашка. — Вы и без ее показаний все докажете.

— Возможно, хотя проблем будет немало. Самые тягостные дела — это когда подследственный молчит. Ему это, правда, не на пользу, срок обычно становится разве что больше, но нам мотает нервы довольно серьезно. Признание сильно облегчает дело.

— Не понимаю, почему для облегчения ваших дел Машка должна рисковать собственной жизнью, — агрессивно прокомментировал Сашка.

Я заметила:

— Не думаю, что здесь есть какой-нибудь риск. Нелька, по-твоему, что, ненормальная? Только ненормальная стала бы обижать меня, зная, что за дверью милиционеры.

— В данном случае я склонна согласиться с Машей, — кивнула следователь. — Попова производит впечатление разумного человека и не станет подставлять себя под удар. И потом, мы действительно будем за дверью, готовые появиться по первому зову, а она все-таки не профессиональный убийца, а слабая девушка. Оружия там нет, мы сделали обыск. Есть клофелин и рыжий паричок, который Попова использовала при покупке снотворного. Да, она ведь будет прикована наручниками к батарее, она сама это предложила. Не думаю, что есть опасность. Просто ей очень хочется что-то вам сказать, Маша. Очень.

— Хорошо. Я, конечно, пойду. Прямо сейчас?

— Сейчас я сообщу о вашей согласии, Попова кое-что подпишет, и мы вас позовем.

Сашка смотрел на меня так злобно, словно я согласилась на все семь смертных грехов разом, но я решила не обращать внимания. Мне хотелось поговорить с Нелькой ничуть не меньше, чем ей со мной. Хотя все вроде бы вышло по нашим предположением, результат не укладывался в голове. Нелька убили Марго и Светку! Невероятно! Или есть какие-то обстоятельства, нам неизвестные? Я бы терзалась до конца дней своих, отказавшись выяснить правду.

Вид Нельки, прикованной наручниками к батарее, заставил оцепенеть. Сочувствие пронзило мое сердце. Неужели это наделала я? Но... но если передо мной убийца...

— Их убила ты, Нелька? — выдавила я, в глубине души надеясь на отрицательный ответ.

Та, вздохнув, тихо произнесла:

— Не думаю, что есть смысл это отрицать. Занявшись мною всерьез, менты выяснят даже больше, чем им нужно. Как ни осторожничай, а много общаться с иностранцами и нигде не засветиться невозможно. А если начнут копать... Нет уж, лучше признаться кое в чем самой, дешевле обойдется.

— Так ты... ты действительно проститутка?

Нелька передернулась.

— Я не проститутка, а интердевочка. Сейчас иностранцы очень разборчивы. Они знают, что связываться с русскими проститутками опасно. Зато каждый рад узнать, что сумел понравиться милой юной девушке, студентке, готовой ради него поступиться честью. Но квартира, которую девушка нашла для встреч, стоит денег, хозяин квартиры тоже требует за молчание денег, и вообще выясняется, что хотя девушка совершенно бескорыстна, остальным надо платить и платить. Это Коля придумал классно. Ключут, как караси, сразу с двух сторон. И студентки рады при случае подработать на всем готовом, не прикладывая труда, и иностранцы лопаются от гордости, не жалея баксов. Это вам не потрепанная путана, а загадочная славянская душа!

Нелька несколько оживилась, рассуждая, а я переспросила:

— Коля? Ты имеешь в виду, твой парень об этом знает?

— Знает? Да это его бизнес, он создал его и всем руководит. Правда, Коля — парень осторожный и старается не засветиться. Из девчонок его знаю только я, потому что у нас с ним любовь. Остальным он не доверяет и связывается с ними через меня.

— Любовь? Какая любовь, если он посылает тебя к другому? Ты что, Нелька?

— А что? — с вызовом бросила она. — Это работа, обычная работа, и к любви она не имеет никакого отношения. Я зарабатываю себе на хлеб, и Коля тоже, и Серега.

— А что Серега? Он тоже... в смысле... у вас работают и мужчины?

— Нет, — слабо улыбнулась Нелька, — он охранник. Но даже он не знает, кто нами руководит. Все распоряжения ему передаются через меня. Видишь, какой мой Коля умный?

— И вы устраиваете свидания с иностранцами вот тут? — обведя взглядом обшарпанные стены и кособокую мебель, поразила я.

— Конечно, нет. У Коли все схвачено. Он считает, нельзя работать там, где живешь, надо обязательно на стороне, чтобы тебя не могли со всем этим связать. Он, конечно, прав, и я сглупила, когда его не послушалась. Но очень обидно было отдавать так много денег посторонним. Почему работаю я, а получают они? И Серега был со мной согласен. Вот мы и решили попробовать сами.

— Не понимаю, — помотала головой я. — Каким посторонним, что попробовать сами?

— Нельзя же быть такой тупой! — разозлилась Нелька. — Ты что, так и не просекла? Мне на руки никаких денег не давалась, я якобы невинная дура и ничего не знаю. Этим придуркам-иностранцам подавай, понимаешь ли, бескорыстных. Потом Коля выдавал мне процент... но заработала-то все я одна! Я и решила хоть раз получить все. Ну, вернее, семьдесят пять процентов. Двадцать пять обещала Сереже. Вот я и подцепила Свантесона, сдуру приволокла сюда, да еще и попросила Светку освободить нам с ним комнату. Я же не собиралась делать ничего криминального, поэтому и не соблюдала мер предосторожности.

— Разве ограбить — не криминальное? Ведь ты сразу собиралась подлить ему клофелин, так?

— Я не собиралась его грабить. Зачем мне такие копейки? У меня был план поумнее. Вот ты не смотришь сериалов, а там бывают полезные вещи, очень подробно показанные. Одна девушка из сериала, как я, бедная студентка, хотела заработать на квартиру и делала так. Она знакомилась с иностранцем, приводила его к себе, трахалась, потом подливала ему снотворное и, пока он дрых, приносила справку от гинеколога, что ее ночью утрахаили. Утром дурак просыпается, а перед ним девушка с любящим братом, который угрожает посадить его в тюрьму за изнасилование. Кстати, в фильме одного, который отказался платить, действительно моментально посадили. Ну, уж Свантесон не отказался бы, он до оторопи боялся жену. Мы с Серегой все продумали. А что у него слабое сердце, это мне просто не повезло. Я тут не виновата. Вот и вышло, что вместо денег мы с Серегой получили одни проблемы. Да еще ты торчишь под дверью! Хорошо, Серега догадался вырубить свет, вот мы в темноте и доволокли тело до соседнего дома. Несчастный случай, и только!

— Ну, уж Марго — не несчастный случай, — возмутилась полному отсутствию раскаяния я.

— Шантажистам платить нельзя, — словно азбучную истину, скучным тоном сообщила Нелька. — Я вообще-то не сразу поняла, что ее придется убить. Я пыталась остановить ее тем, что если она меня выдаст, я сообщу Алене, что Марго за деньги трахается с мужчинами. Она ведь тоже несколько раз у Коли подрабатывала. Но Марго ответила, что Алена ее простит, потому что деньги нужны были на какие-то там Аленины закидоны. Короче, у меня не было другого выхода. Марго сама виновата!

— И как она не побоялась повернуться к тебе спиной? — с отвращением осведомилась я.

— Очень просто. Я сказала: «Надо же, внизу Алена под ручку с какой-то незнакомой девицей». Ну, эта дура и высунулась до половины, пытаюсь разглядеть. А окно я расклеила заранее.

— А потом ты убила Светку...

— Светка целиком и полностью на тебе, — твердо заявила Нелька. — Если бы не твои идиотские рассуждения, она бы ни за что не догадалась. Я тут не при чем. А уж когда ты довела ее до того, что она собиралась меня выдать, я вынуждена была что-то предпринять. Любой на моем месте поступил бы так же. Все это просто роковое стечение обстоятельств. Начал все Юхан Свантесон. Нечего шляться по бабам, раз у тебя больное сердце!

Я сжала руками виски.

— Не понимаю... не понимаю... зачем ты вообще взялась во все это? Проституция, иностранцы... Ты учишься в Академии Художеств, это такое счастье, у тебя есть все...

— Как я ненавижу тебя, — тихо и внятно произнесла Нелька. — Как я тебя ненавижу... Наконец-то я могу сказать тебе это. Я мучилась бы, если бы мне это не удалось.

Алена тоже ненавидит меня за что-то, но тогда, в Доме кино, так и не объяснила, за что.

Наверное, я действительно не умею себя вести, раз два совершенно непохожих человека испытывают ко мне столь одинаковые и негативные чувства? Но что именно я делаю не так? Если не узнаю, то не сумею исправиться.

— За что ты ненавидишь меня, Нелька?

— За все! За твои картины, например. Другие учатся годами, унижаются, платят деньги — а их труды никому не нужны. А ты, дура из глубокой провинции, в руках не державшая приличных красок — ты берешь простой карандаш и делаешь такое, что у всех оторопь от восторга. Ладно, пускай. Пусть у тебя талант, черт с тобой! Но почему ты не чувствуешь своей нищеты? Ты из нас самая нищая, у тебя даже мобильника нет, а тебе все равно. Почему? Получаешь гроши и радуешься вместо того, чтобы страдать, как должен на твоём месте всякий нормальный человек. Да, кстати, — Нелька, переведя дыхание, злорадно улыбнулась. — Тебе, наверное, будет интересно узнать, что за твои картинки покупатели в художественном салоне выкладывают по триста-четыреста баксов. А ты получаешь двадцать! А я, между прочим, сто. Я сумела так договориться с Виктором Викторовичем. Сто баксов с каждой проданной картинкой за то, что я тебя к нему привела. Ну, что молчишь? Мне покоя не давало, что я не могу рассказать тебе это. Ты так радовалась этим жалким грошам, что меня вечно подмывало объяснить, как мы тебя дурим...

— Погоди! — прервала я, потрясенная. — Тебе что, так сильно нужны были деньги? Почему ты не сказала мне об этом? Я бы рисовала для тебя пейзажи каждую неделю, и тебе бы не пришлось заниматься такими ужасными вещами, и ничего бы не случилось! Ведь это было так просто, Нелька!

— Как можно тебя не ненавидеть? — с омерзением ответила та. — Невозможно, никто не удержится. Но хоть некоторые твои иллюзии я разрушу. Ты, наверное, надеешься, что Коля в тебя влюблен. Так ничего подобного, не надейся. Просто он рассчитывает сделать на тебе деньги, вот и все.

— Опомнись, Нелька! Я не знаю твоего Колю.

— Конечно, — усмехнулась Нелька. — Зато знаешь Макса. Я решила, это имя куда больше впечатлит твою романтическую натуру. Ну, поняла?

— Нет, — с трудом выдавила я. — Нет.

— Сейчас растолкую. Когда ты стала гнать волну из-за трупа, на который наткнулась, я испугалась и призналась во всем Коле. До этого он не знал ничего. Он, конечно, обложил меня по первое число. Он работает очень чисто и делится с милицией, поэтому никто к нему не придирается, а я вот наследила. Обложил, но вынужден был мне помочь, иначе я бы при аресте выдала кое-какие вещи, которые ему не сошли бы с рук. И у него бывали проколы. Поскольку проблема в тот момент заключалась в тебе, Коля придумал, что тебя надо отвлечь, тогда ты перестанешь болтать о трупе и будешь заниматься собственными делами. Он вообще очень умный и обычно добивается своего без криминала. И тут я вспомнила о твоей дурацкой книге. Роман «Джен Эйр» и его герой, восхитительный мистер Рочестер. Коля, перечитывая эту чушь, хохотал до колик. Мол, неужели в наши дни остались дуры, которые принимают подобный романтический бред всерьез? Ну, такую дуру будет легко обвести вокруг пальца, тем более, рецепт под рукой. Хорошо он вошел в роль мистера Рочестера, как считаешь?

— Это неправда. Ты выдумала это!

— Неужели? А помнишь родинку на его левом бедре? Она еще начинает пульсировать, когда...

— Но... но мы с Максом познакомились случайно, — испугавшись более детальных описаний, выдавила я.

— Конечно, случайно — при помощи нанятых хулиганов. Ты действительно втюрилась, как последняя дура, и вместо поисков трупа стала мечтать о Коле. Удивительно, насколько просто тобою управлять! Безмозглая кукла, да и только. Коля все время над этим смеялся. Мы думали, теперь можно успокоиться, но меня стала шантажировать Марго. Впрочем, и она кукла, хоть и не такая безмозглая, как ты. Я легко ее обхитрила. Дернула за ниточку любви к Алене, и Марго потеряла бдительность. Зато снова активизировалась ты, и восьмого марта, на следующий день после смерти Марго, Коля вынужден был прийти к тебе в гости. Так оно и тянулось. Стоило тебе увлечься расследованием, как я звонила Коле, и он дергал за нужную ниточку. Я вообще мечтала, что в убийстве Марго обвинят тебя. Посадить тебя в тюрьму было бы еще приятнее, чем обмануть. В тюрьме ты быстро стала бы нормальным человеком, там тебе не удалось бы смотреть на мир сквозь розовые очки! Но это не получилось. Менты переметнулись с тебя на Светку. Я поняла, что под

угрозой ареста Светка меня выдаст. Она ведь знала про меня и Свантесона. Пришлось ее отравить. Светка — тоже кукла. Я завела разговор о тебе, и она в припадке совести написала ровно ту записочку, которая была мне нужна. Уж Светку-то я знаю, как облупленную!

— И тебе не жаль ее?

— Жаль, но другого выхода не было. Конечно, я бы лучше убила тебя. Да, кстати! Ты небось думаешь, Коля запретил мне это из любви к тебе? Ничего подобного, и не мечтай.

Я медленно произнесла:

— Запретил тебе меня убить... ты собиралась... Когда?

Но я уже знала ответ. «Надо, надо, надо», — повторял у моего изголовья Нелькин голос. «Нет, нет», — твердо возражал Макс. Это был не плод больной фантазии, а реальность! И рисунки, увиденные мною в ящике стола роковой квартиры... среди них, кажется, мелькнул подаренный Нельке седьмого марта, тот, с красивыми платьями, я вспомнила его. Как много странностей объяснилось в единый миг... все встало вдруг на свои места.

— Когда запретил убить? А когда ты валялась в бреду после дефлорации, — гнусно хмыкнула Нелька. — Вот уж, даже не подозревала, что ночь с полноценным мужиком может так на кого-нибудь подействовать. Ты была в том состоянии, что достаточно было самой малости, и ты бы умерла, и никто б ни о чем не догадался. Все концы ушли бы в воду, некому было бы бороться за оправдание Светки, и все было бы хорошо. Но Коле покоя не давал твой талант. Он считал, это золотое дно. Поняла, да? — лихорадочно уточнила моя собеседница, и на щеках ее появились пятна. — Он ни секунды не был в тебя влюблен, он сам мне это сказал! Но если б удалось прибрать тебя к рукам, то потом много лет можно было бы делать на тебе большие деньги. Только на это ты и годишься. Вот так. Но даже ради денег он никогда бы не женился на тебе, понимаешь? Я хочу, чтобы ты знала это. Он слишком тебя для этого презирал. Вот что я хотела тебе рассказать. Ты для него — золотой осел. Ослица, глупое животное, нелепая кукла. Тебя никто и никогда не полюбит, ты слишком для этого проста. Никто и никогда, поняла? Использовать — это да, это легко, а любят совсем других. Таких, как я, с которыми можно общаться на равных, иметь общий бизнес, общие планы.

«Зато предложение Макс сделал мне, а не тебе», — против воли подумала я и, вздохнув, спросила:

— Ты собираешься рассказать про Макса милиции?

— Если ты не выдашь Колю, не выдам его и я, — тихо ответила Нелька. — Я хочу, чтобы это осталось на твоей совести. Решай!

— Но... как ты сможешь мотивировать убийства, не рассказав о нем?

— Очень просто. Зачем ментам знать, что я связана с организацией, это мне только во вред. Я познакомилась с иностранцем, он мне понравился, я привела его к себе, а он стал требовать разных извращений. Вот я и решила его усыпить, поскольку иначе остановить не могла. Но случайно отравила. Страшно перепугалась, и Сережа из светлой любви ко мне помог избавиться от тела. Поскольку я чистосердечно признаюсь во всех трех убийствах, особенно копать у милиции причин не будет. Какое им до Коли дело? Да ему и предъявить нечего, не в чем обвинить. Он специально уложил тебя в постель не раньше, чем тебе исполнилось восемнадцать, так что нет даже соращения несовершеннолетней.

— Нечего предъявить? Разве сутенерство — не преступление?

— Забудь про литературный жаргон, — пожалала плечами Нелька. — Какие теперь сутенеры? Коля время от времени поставляет свеженьких девочек очень влиятельным лицам, так что ничего ему не будет. В конце концов, кому он делает плохо? Все стороны довольны, включая получающих процент ментов. Вот если я расскажу, что он знал про убийства и скрыл это, тогда другое дело, у Коли могут возникнуть некоторые проблемы... но я не расскажу, если не расскажешь ты. Ну, как?

Я кивнула. Пускай на моей совести будет грех, но выдать Макса... Колю... у меня не хватало сил. «Так храм оставленный — все храм, кумир поверженный — все бог». Нет, неправильно! Этот человек стал мне противен, и, если бы он оказался убийцей или грабителем, я б разоблачила его, не колебавшись. Но раз его преступление лишь в том, что он, словно царь Мидас, все, к чему прикасается, даже любовь, превращает в золото, то и наказание, как к Мидасу, придет к нему само собой. Кто я такая, чтобы наказывать?

Нельку увели. Я сидела в прострации, пытаюсь осознать страшные новости. Макс... Коля... никогда не любил меня. Он смеялся надо мной. Почему-то даже теперь эта мысль причиняла

огромную боль. Нелька добилась своего и сумела сделать мои страдания еще сильнее.

— Ты ведь думаешь не о ней, а о нем?

Я вздрогнула.

— О ком, Сашка?

— О Максe. Забудь о нем. Считай, что его и не было никогда!

Я горько улыбнулась.

— А его действительно никогда не было, Сашка. Это был мираж. Я любила мираж, и было смешно надеяться, что он ответит мне взаимностью.

— Но... но ведь ответил.

— Откуда тебе знать, Сашка?

— Уж я-то знаю точно. Когда любишь, в таких вещах не ошибаешься. Ты разлюбила его, я знаю, а он мерзавец, я это тоже знаю, ты никогда не была бы с ним счастлива, но сегодня он смотрел на тебя, понимая, что теряет навсегда, и любил. Тебе стало легче оттого, что это так?

— Да, — с удивлением подтвердила я.

— И слава богу! Главное, чтобы тебе было легче, Машка. Ты не заслуживаешь плохого. Я так хочу, чтобы тебе было хорошо!

Глаза Сашки сияли, лицо преобразилось. Вместо смешного мальчишки я вдруг увидела взрослого человека, мужчину. И лишь тогда до меня дошла первая часть его слов. Я подняла голову в ожидании. «Когда любишь, в таких вещах не ошибаешься». Это было произнесено во утешение или...

— Ты, наверное, единственная, кто еще не знает, что я люблю тебя, — усмехнулся Сашка не менее горько, чем только что я. — Иногда мне кажется, я сумасшедший. Зимой было легче, а этот чертов март! Я думаю о тебе день и ночь. Я не могу спать, потому что думаю о тебе. Я брожу по улицам, чтобы устать и заснуть, но у меня не получается, потому что я все равно думаю о тебе, думаю двадцать четыре часа в сутки. Но ты не бойся, я ведь не жду взаимности, мне достаточно оберегать тебя. Ты такая беззащитная, я не могу оставить тебя одну, но это не значит, что я буду требовать... то есть добиваться... Кто ты и кто я? Я прекрасно понимаю, что у меня нет надежды.

— Надежда есть всегда, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)